
Книга 1.

ГЕРБЕРТЪ УЭЛЬСЪ.

КОГДА СПЯЩІЙ ПРОБУДИТСЯ.

ПОВѢСТЬ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Безплатное приложеніе къ журналу „Вокругъ Свѣта“ за 1909 г.

Гербертъ Уэльсъ.

Когда спящій пробудится.

ПОВѢСТЬ съ иллюстраціями.

переводъ В. Готвальта.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.

Москва. — 1909.

I.

Безсонница.

Мистеръ Избистеръ, молодой художникъ, послѣ обѣда направлялся изъ Бокэстля, гдѣ онъ жилъ, къ живописной Пентаргенской бухтѣ, по берегу которой онъ хотѣлъ изслѣдовать нѣсколько пещеръ. На половинѣ пути онъ увидѣлъ какого-то человѣка, сидѣвшаго подъ свѣсившейся скалой. Человѣкъ, казалось, только что перенесъ большое горе. Его руки безсильно свѣсились внизъ, глаза были красны, лицо смочено слезами, а взоръ—неподвижно устремленъ въ пространство.

Услышавъ шаги Избистера, человѣкъ обернулся въ его сторону. Оба были смущены. Послѣ небольшой паузы Избистеръ, стараясь скрыть свое замѣшательство, сказалъ нѣсколько словъ по поводу того, что по времени года стоитъ удивительная жара.

— Да, очень жарко.

Послѣ этихъ словъ незнакомецъ немного помолчалъ, а затѣмъ добавилъ:

— Я не могу спать.

— Неужели?

Это было все, что нашелся сказать Избистеръ, хотя вся его фигура выражала полную готовность поспѣшить на помощь, если въ послѣдней окажется надобность.

Незнакомецъ устало скользнулъ взоромъ по лицу Избистера, сдѣлалъ вялое движенiе рукой и сказалъ:

— Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но я не могу спать. Совсѣмъ, окончательно не могу спать. Я не спалъ шесть ночей.

— Вы обращались къ доктору?

— Обращался. Ничего не вышло. Далъ какое-то лѣкарство. А моя нервная система... Можетъ-быть, другимъ людямъ они иногда помогаютъ. Не знаю. Трудно сказать. Впрочемъ... я не рѣшаюсь принять большую дозу лѣкарства.

— Да. Это случай затруднительный, — сказалъ Избистеръ. Онъ положительно не зналъ, что ему слѣдуетъ дѣлать дальше. Ему было ясно только то, что незнакомецъ хочетъ говорить, а потому онъ поспѣшилъ возобновить бесѣду:

— Самому мнѣ никогда не приходилось страдать отъ безсонницы, но, насколько я слышалъ, люди въ такихъ случаяхъ всегда находили какое-нибудь дѣйствительное средство.

— Я не рѣшаюсь... дѣлать надъ собой опыты.

Незнакомецъ произносилъ слова медленно, съ усталымъ видомъ. Нѣсколько минутъ оба молчали. Избистеръ окинулъ взглядомъ дорожный костюмъ незнакомца и сказалъ не особенно увѣреннымъ тономъ.

— Вы бы попробовали движеніе...

— Пробовалъ. Быть-можетъ, даже къ сожалѣнію. Я день за днемъ шелъ вдоль берега, отъ Нью-Кея. И вышло то, что къ утомленію душевному присоединилось утомленіе физическое. Во всемъ виновато переутомленіе. Дѣло въ томъ, что я...

Онъ остановился. Казалось, будто силы совсѣмъ оставили его. Послѣ небольшой паузы онъ рукой потеръ себѣ лобъ и продолжалъ какъ человѣкъ, говорящій самъ съ собою:

— Я одинокъ. У меня никого нѣтъ на свѣтѣ, ни жены ни дѣтей. Кто это сказалъ, что бездѣтный человѣкъ—это мертвая вѣтвь на древѣ жизни? У меня нѣтъ ни жены ни дѣтей. Я не могъ найти себѣ какой-нибудь цѣли, задачи для жизни. У меня въ сердцѣ даже нѣтъ желаній. И наконецъ я рѣшился. Я сказалъ себѣ: я *хочу* это сдѣлать, и чтобы сдѣлать это, чтобы побороть слабость тѣла, я принималъ разныя средства! Я не знаю, чувствуете ли, сознаете ли вы, какъ тяжело, какъ неудобно наше тѣло, какъ сильно оно мѣшаетъ развитію нашей духовной жизни, потому что оно приковываетъ насъ къ времени, ставитъ всю нашу жизнь въ полную, рабскую зависимость отъ времени!? Жизнь! Развѣ мы живемъ? Мы испытываемъ толчки, порывы жизни. Мы должны ѣсть, а послѣ ѣды насъ ждетъ тупое, самодовольное состояніе, во время котораго совершается пищевареніе. Или, напротивъ, мы находимся въ состояніи раздраженія. Намъ хочется дышать свѣжимъ воздухомъ, испытывать сильныя ощущенія; или, наоборотъ, все наше мышленіе дѣлается вялымъ, тусклымъ, мы въ духовной жизни забредаемъ въ какіе-то глухіе переулки. Сначала мы пытаемся найти выходъ, стараемся дать своимъ мыслямъ различныя направленія, но потомъ мы невольно уступаемъ надвигающейся на насъ сонливости или даже погружаемся въ настоящій, глубокій сонъ. Получается положеніе, при которомъ человѣкъ живетъ для сна. Подумайте: какъ мало времени человѣкъ можетъ отдать чисто-духовной, сознательной жизни! А здѣсь еще являются всѣ эти мнимые друзья, алкалоиды, которые временно устраняютъ естественное утомленіе,

убиваютъ покой, создаютъ искусственное возбужденіе... Черный кофе, кокаинъ...

— Я понимаю васъ,—замѣтилъ Избистеръ.

— Я выполнилъ свою задачу. Я кончилъ мою работу.

— И въ награду получили безсонницу?

— Да.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба молчали. Первый заговорилъ незнакомецъ:

— Вы не можете себѣ представить, какъ страстно, какъ безумно я жажду покоя! Съ того мгновенія, когда я кончилъ свою работу, прошло шесть долгихъ, томительныхъ сутокъ, и за это время мои мысли безпрерывно неслись вихремъ, потокомъ, но этотъ потокъ не двигается съ мѣста, онъ бѣшено мчится впередъ, но при этомъ кружится самъ вокругъ себя, вокругъ своей неподвижной оси... Это ужасно!

— Вамъ надо заснуть,—сказалъ Избистеръ,—и сказалъ съ такимъ выраженіемъ, будто онъ открылъ новую Америку.— Во всякомъ случаѣ, вамъ надо заснуть.

— Мои мысли вполнѣ ясны, отчетливы. Я никогда въ жизни не мыслилъ такъ ясно. И все-таки я знаю, что меня несетъ какой-то водоворотъ. Вдругъ...

— Что?

— Вы когда-нибудь видѣли, какъ водоворотъ захватываетъ въ свои кольца щепку? Она мирно плыветъ по гладкой водной поверхности, и вдругъ... ее начинаетъ крутить, ломать, она безпомощно мечется въ воронкѣ и опускается все ниже, ниже...

— Однако позвольте...—пытался возразить Избистеръ.

Незнакомецъ остановилъ его властнымъ движеніемъ руки. Въ его глазахъ вдругъ зажглись зловѣщіе огни, его голосъ зазвучалъ громко и рѣшительно:

— Я убью себя! Тамъ, у темнаго, обрывистаго берега, гдѣ о скалы разбиваются зеленыя волны, гдѣ кипитъ бѣлая пѣна прибоя, гдѣ извиваются стекающія съ камней водяныя нити... Тамъ, во всякомъ случаѣ, я найду... сонъ.

— Это было бы неразумно,—возразилъ Избистеръ, испуганный истеричностью незнакомца,—въ такомъ случаѣ лучше было бы попробовать лѣкарства.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ я найду сонъ,—повторилъ незнакомецъ, не обращая вниманія на слова своего собесѣдника.

Избистеръ пристально взглянулъ на незнакомца. При этомъ ему пришла мысль, что, быть-можетъ, ихъ свело вмѣстѣ какое-нибудь высшее предопредѣленіе. Во всякомъ случаѣ, ему не хотѣлось прекращать бесѣду и онъ сказалъ:

— Ну, знаете ли, за это нельзя ручаться. Въ Лельвортъ-Ковъ есть такой же крутой скалистый берегъ. И такой же высокій. Такъ вотъ, недавно съ этой крутизны упала маленькая дѣвочка. И ничего. Она не только жива, но даже совсѣмъ здорова.

— Упасть на эти камни и не разбиться—невозможно.

— Разбиться, пожалуй, можно. Но затѣмъ придется лежать среди нихъ цѣлую ночь, мерзнуть, мучиться, изнывать отъ жажды... мокнуть подъ брызгами пѣны прибоя... Мнѣ очень жаль разбивать ваши мечты, но самоубійство такого рода, въ видѣ прыжка на камни, я нахожу... какъ художникъ... Право, это не самоубійство, а чортъ знаетъ что!

— Однако, — возбужденно возразилъ незнакомецъ, — вѣдь шесть безсонныхъ ночей, это тоже—чортъ знаетъ что!

— Вы шли сюда одинъ, безъ спутниковъ?

— Да.

— Опять-таки это было неразумно. Вы меня извините, пожалуйста. Однако вы сами согласились съ тѣмъ, что переутомленіе мозга нельзя лѣчить переутомленіемъ мускуловъ. Кто вамъ посовѣтовалъ эту прогулку? Не удивительно, что она не принесла вамъ ничего, кромѣ вреда: одиночество, солнце, жара, утомленіе... а?

Избистеръ посмотрѣлъ на незнакомца съ оттѣнкомъ сожалѣнія.

— Взгляните на эти утесы!—оживленно воскликнулъ незнакомецъ.—Взгляните на эту вѣчно волнующуюся, вѣчно сверкающую водную поверхность! Посмотрите, какимъ бѣлымъ каскадомъ несется въ темную глубину пѣна подъ этимъ большимъ утесомъ. Взгляните на голубой куполъ, съ котораго льются яркіе солнечные лучи. Васъ все это радуетъ, оживляетъ, согрѣваетъ. А я...

Онъ обернулся къ Избистеру и показалъ ему свое блѣдное, изможденное лицо съ тусклыми глазами и безкровными губами. Почти шопотомъ, въ полубезуміи, онъ пробормоталъ:

— Это все... покровы, въ которыхъ скрывается мое несчастье... Весь міръ, все кругомъ... Покровы моей гибели.

Избистеръ окинулъ быстрымъ взглядомъ дикую красоту залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ утесовъ и безконечной волнистой водной поверхности, затѣмъ снова взглянулъ на лицо, на которомъ ясно запечатлѣлись слѣды дикаго отчаянія. Этотъ контрастъ невольно заставилъ его замолчать. Однако черезъ нѣсколько секундъ онъ сбросилъ съ себя оцѣпенѣніе и сказалъ:

— Вамъ надо хорошо выспаться. Проспите ночь, и утромъ вы забудете и о несчастьѣ и о гибели. Ручаюсь за это.

Теперь Избистеръ уже не сомнѣвался въ томъ, что встрѣча со страннымъ незнакомцемъ была устроена Провидѣніемъ. Еще полчаса тому назадъ онъ не зналъ, что дѣлать отъ скуки. Теперь передъ нимъ открывалась задача, одна мысль о которой могла разогнать всякую скуку. И онъ съ радостью взялся за эту задачу. Ему казалось, что несчастному необходимо общество, нужна живая бесѣда. Поэтому онъ опустился на лужайку рядомъ съ незнакомцемъ и завелъ съ нимъ оживленный, но въ то же время безсодержательный разговоръ.

Между тѣмъ его собесѣдникъ снова погрузился въ апатію; онъ мрачно глядѣлъ на море и бросалъ отрывистыя фразы только тогда, когда Избистеръ прямо обращался къ нему съ вопросами, хотя даже и въ такихъ случаяхъ онъ отзывался не каждый разъ. Однако онъ въ то же время и не протестовалъ противъ навязчивости Избистера; напротивъ того, казалось, что онъ отчасти даже радъ этой навязчивости.

Наконецъ, когда Избистеръ исчерпалъ всѣ темы, на которыя можно вести разговоръ съ молчаливымъ собесѣдникомъ, и предложилъ незнакомцу отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Бокэстль, незнакомецъ молча всталъ и послѣдовалъ за нимъ. Дорогой онъ началъ говорить самъ съ собой, потомъ вдругъ обратился къ своему спутнику:

— Вы понимаете, что это такое? Дзз... дзз... дзз... и все кружится, кружится... вѣчно кружится.

Онъ остановился и описалъ рукой нѣсколько круговъ.

— Все идетъ своимъ порядкомъ, мой милый, — сказалъ Избистеръ дружескимъ тономъ.—Вы только ни о чемъ не безпокойтесь, довѣрьтесь мнѣ.

Незнакомецъ поникъ головой и зашагалъ дальше. Когда они шли по берегу около Пенли, онъ изрѣдка жестикулировалъ руками и бормоталъ что-то безсвязное о своемъ вертящемся мозгѣ. На мысѣ они остановились на нѣсколько минутъ около скамьи, съ которой открывается видъ на мрачные тайники Блэкпита. Здѣсь незнакомецъ сѣлъ. Какъ только дорога стала достаточно широкой для того, чтобы итти вдвоемъ рядомъ, Избистеръ возобновилъ разговоръ. Онъ разсуждалъ о томъ, какъ трудно бываетъ войти въ бухту Бокэстль при дурной погодѣ, какъ вдругъ незнакомецъ прервалъ его и заговорилъ, дополняя свою рѣчь выразительными жестами:

— У меня голова теперь другая, чѣмъ прежде. Прежде у меня голова была не та. Меня что-то давитъ, гнететъ. Нѣтъ, это не безсонница. О, если бы это была только безсонница! Это... какая-то темная пелена, которая вдругъ заслоняетъ собою отъ человѣка то, чѣмъ онъ занятъ. Тѣнь, которая ши-

рится, мрачнѣетъ, уходитъ вглубь... И притомъ эта бѣшеная скачка мыслей, этотъ хаосъ, этотъ круговоротъ! Это... я не знаю, какъ выразиться... Я не могу сосредоточить свои мысли, не могу объяснить вамъ.

Онъ безпомощно умолкъ.

— Да вы не утруждайте себя, — сказалъ Избистеръ. — Мнѣ кажется, что я васъ понимаю. Во всякомъ случаѣ, пока нѣтъ никакой надобности въ подробномъ объясненіи.

Незнакомецъ протеръ глаза пальцами. Избистеръ продолжалъ успокоивать его и закончилъ свою рѣчь приглашеніемъ зайти къ нему.

— Мы съ вами выкуримъ трубку, — сказалъ онъ. — Если угодно, я покажу вамъ нѣсколько моихъ этюдовъ этого Блэкпита. Хотите?

Незнакомецъ послушно всталъ и пошелъ за художникомъ. Когда они спускались по откосу, Избистеръ нѣсколько разъ слышалъ, какъ его спутникъ сзади него спотыкался. Вѣроятно, отъ слабости. Наконецъ они пришли.

— Прошу васъ!—гостепріимно сказалъ Избистеръ.—Глотокъ дыма и стаканъ вина вамъ будутъ очень полезны. Если вы вообще пьете, конечно.

Незнакомецъ нерѣшительно остановился около садовой калитки. Казалось, что онъ не вполнѣ ясно сознаетъ свои поступки. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ шелъ по садовой дорожкѣ и говорилъ, вяло жестикулируя:

— Я не пью. Нѣтъ, я не пью. Все вертится... кружится... дзз... дзз...

Онъ споткнулся на порогѣ и вошелъ въ домъ съ видомъ человѣка, который не различаетъ окружающихъ его предметовъ.

Затѣмъ онъ вдругъ грузно опустился, почти упалъ въ кресло, оперся лбомъ на руки и замеръ въ неподвижности. Черезъ нѣсколько мгновеній изъ его горла вырвался какой-то неопредѣленный хриплый звукъ.

Избистеръ испытывалъ неловкое чувство человѣка, не привыкшаго принимать у себя гостей. Онъ ходилъ по комнатѣ, бросалъ короткія замѣчанія, на которыя не получалъ, да и не ждалъ отвѣта. Наконецъ онъ досталъ папку съ этюдами, положилъ ее на столъ и взглянулъ на часы, стоявшіе на каминѣ.

— Я не знаю, согласитесь ли вы поужинать со мной,—сказалъ онъ, смущенно играя незакуренной папиросой. Онъ напряженно старался рѣшить вопросъ, какимъ образомъ можно незамѣтно дать гостю хорошій пріемъ снотворнаго средства.—

У меня найдется только холодная баранина, но зато свѣжая, хорошая. Изъ Валиса. Впрочемъ, кажется, есть еще паштетъ.

Послѣ короткой паузы Избистеръ повторилъ эти слова. Незнакомецъ молчалъ и не двигался. Избистеръ зажегъ спичку и пристальнѣе взглянулъ на своего страннаго гостя. Спичка догорѣла и погасла. Молчаніе не нарушалось.

Избистеръ нерѣшительно взялся за папку съ этюдами, открылъ ее, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ всталъ и прошепталъ:

— Можетъ-быть...

Еще разъ взглянулъ на неподвижную фигуру и, стараясь ступать возможно осторожнѣе, вышелъ изъ комнаты. Онъ неслышно затворилъ дверь, вышелъ въ садъ и остановился около клумбы, откуда онъ черезъ окно могъ видѣть своего гостя, который все еще сидѣлъ неподвижно, склонившись головой на руки.

Нѣсколько ребятишекъ, гурьбой шедшихъ по улицѣ, остановились и съ любопытствомъ глядѣли на художника. Знакомый морякъ дружески окликнулъ его. Избистеръ чувствовалъ, что его роль наблюдателя за собственной комнатой не совсѣмъ обычна и должна обращать на себя вниманіе прохожихъ. Можетъ-быть, лучше будетъ закурить? Онъ досталъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ и медленно сталъ набивать свою трубку.

— Хотѣлось бы мнѣ знать... — пробормоталъ онъ. — Гмъ... во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ ему мѣшать.

Послѣ этого рѣшенія онъ закурилъ.

Черезъ нѣкоторое время его окликнула хозяйка, которая несла изъ кухни зажженую лампу. Онъ жестомъ остановилъ ее и шопотомъ разсказалъ, въ чемъ дѣло; она даже не знала, что у него сидитъ гость. Хозяйка ушла и унесла съ собой лампу, хотя, судя по выраженію ея лица, она была сильно заинтригована приключеніемъ своего жильца.

Избистеръ давно докурилъ трубку, въ воздухѣ уже мелькали летучія мыши, когда, наконецъ, любопытство взяло верхъ надъ разными соображеніями. Онъ прокрался въ свою комнату и остановился у двери. Незнакомецъ все еще сидѣлъ въ прежнемъ положеніи. Кругомъ царила полная тишина. Прошло нѣсколько мгновеній. Вдругъ, откуда-то изъ тайника души, у Избистера поднялась искорка подозрѣнія; она разгоралась, превратилась въ увѣренность... а потомъ—въ страхъ.

Онъ медленно, неслышно сталъ подвигаться впередъ. Послѣ каждаго шага онъ останавливался и прислушивался. Нако-

нецъ онъ подошелъ къ креслу настолько близко, что могъ наклониться къ лицу сидящаго. Онъ вздрогнулъ и невольно вскрикнулъ: вмѣсто глазъ на него смотрѣли стеклянные бѣлки.

Онъ взглянулъ пристальнѣе и понялъ, что зрачки закатились подъ верхнія вѣки. Ему вдругъ сдѣлалось страшно. Онъ взялъ незнакомца за плечо, потрясъ его и спросилъ:

— Вы спите?

Отвѣта не было. Онъ повторилъ свой вопросъ менѣе твердо, дрожащимъ голосомъ. Отвѣта не было.

Тогда онъ сразу пришелъ къ убѣжденію, что незнакомецъ умеръ. Онъ бросилъ всѣ предосторожности, шумно прошелся по комнатѣ, позвонилъ, вышелъ въ коридоръ и сказалъ хозяйкѣ:

— Пожалуйста, принесите лампу. Съ моимъ знакомымъ что-то случилось.

Затѣмъ онъ вернулся въ свою комнату къ неподвижной фигурѣ. Онъ трясъ незнакомца за плечо, кричалъ ему въ уши, но все было безполезно.

Когда хозяйка принесла лампу и комната наполнилась яркимъ желтымъ свѣтомъ, его лицо было совершенно блѣдно.

— Надо сію минуту позвать доктора,—сказалъ Избистеръ.— Или онъ умеръ или съ нимъ припадокъ. Въ деревнѣ есть докторъ? Гдѣ можно найти доктора?

II.

Летаргія.

Въ состояніи каталептическаго столбняка незнакомецъ оставался очень долго, такъ что на него обратили вниманіе врачи. Затѣмъ каталепсія постепенно смѣнилась глубокимъ сномъ. Тѣло пріобрѣло свою обычную гибкость, и казалось, что больной спокойно спитъ.

Незнакомца сначала помѣстили въ больницѣ въ Бокэстлѣ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько недѣль, перевезли въ Лондонъ.

Всѣ старанія врачей пробудить его остались безплодными. Черезъ нѣкоторое время, по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, были прекращены и самыя попытки. Долго лежалъ онъ, погруженный въ свой странный сонъ, недвижимый ни живой ни мертвый, какъ бы на границѣ между бытіемъ и безпредѣльностью вѣчности. Ни одинъ лучъ сознанія или впечатлѣнія не прорѣзалъ для него глубокую безмолвную тьму...

— Мнѣ кажется, что все это случилось вчера,—сказалъ Избистеръ.—До такой степени ясно я помню всѣ мельчайшія подробности. Даже больше того: если бы это дѣйствительно произошло вчера, то мои воспоминанія не были бы такими яркими и полными.

Это сказалъ тотъ самый Избистеръ, съ которымъ мы познакомились въ прошлой главѣ, но теперь онъ былъ уже старикъ. Темные волнистые волосы посѣдѣли и стали жесткими, когда-то нѣжное, розовое лицо обвѣтрилось и пріобрѣло коричневатый оттѣнокъ. Сѣдая бородка была подстрижена небольшимъ острымъ клиномъ. Онъ говорилъ съ пожилымъ господиномъ, одѣтымъ въ свѣтлый лѣтній костюмъ. Это былъ Вормингъ, лондонскій адвокатъ и ближайшій родственникъ Грэма, того самаго незнакомца, который впалъ въ каталепсію. Теперь этотъ Грэмъ лежалъ передъ говорившими.

Желтая фигура лежала на особомъ резиновомъ мѣшкѣ, наполненномъ водой, и была одѣта лишь въ длинную рубаху. Морщинистое лицо поросло густой щетиной, на худыхъ пальцахъ желтѣли длинные ногти. Спящаго окружали стѣнки стекляннаго ящика, которыя какъ будто проводили границу между нимъ и всѣмъ живущимъ: онъ не подходилъ подъ понятіе живого существа.

Собесѣдники стояли около стекляннаго ящика и разглядывали лежавшую въ немъ фигуру.

— Я помню,—возобновилъ разговоръ Избистеръ,—какой ужасъ охватилъ меня, когда я увидѣлъ его бѣлые глаза. Зрачки закатились подъ вѣки и глаза были совершенно бѣлые. Сейчасъ мнѣ все это представляется особенно ярко.

— И съ тѣхъ поръ вы его не видѣли?—спросилъ Вормингъ.

— Нѣтъ. Много разъ я собирался пріѣхать, но все задерживали разныя дѣла. Теперь такое время, что приходится заниматься дѣлами очень серьезно. Кромѣ того, я почти все время жилъ въ Америкѣ.

— Если меня не обманываетъ память, вы—художникъ?

— *Былъ* художникомъ. Но когда я женился, жизнь скоро доказала мнѣ, что для человѣка со среднимъ дарованіемъ чистое искусство—недоступная роскошь. Я согласился и уступилъ. Теперь у меня отличная мастерская вывѣсокъ. Плакаты на утесахъ Дувра написаны моими мастерами.

— Прекрасные плакаты,—одобрилъ адвокатъ,—хотя, на мой взглядъ, имъ тамъ не мѣсто.

— Но за то они продержатся до тѣхъ поръ, пока не разрушатся самые камни!—самодовольно воскликнулъ Изби-

стеръ.—Да, времена мѣняются. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ заснулъ, я сидѣлъ въ Бокэстлѣ, съ ящикомъ акварельныхъ красокъ въ рукахъ и благородными, вызвышенными стремленіями въ душѣ. Тогда я и не подозрѣвалъ о томъ, что моимъ краскамъ суждено со временемъ разрисовать чуть ли не всѣ скалы англійскаго берега. Да, да. Счастье часто приходитъ оттуда, откуда его меньше всего ожидаешь.

По лицу Ворминга было видно, что онъ рисованіе плакатовъ не считаетъ особымъ счастьемъ, но эта мысль осталась невысказанной.

— Насколько мнѣ помнится, — сказалъ адвокатъ, — я васъ тогда не засталъ въ Бокэстлѣ?

— Да. Вы пріѣхали въ томъ самомъ экипажѣ, который меня отвезъ на станцію. О, Господи!.. Какъ мы всѣ тогда волновались! Моя хозяйка ни за что не соглашалась оставить его въ своемъ домѣ, такъ что намъ пришлось вмѣстѣ съ кресломъ перенести его въ гостиницу. Докторъ—не тотъ, который теперь живетъ въ Бокэстлѣ, а другой, старый,—возился съ нимъ до двухъ часовъ ночи. Но ничего не могъ сдѣлать. Онъ весь застылъ. Въ какое положеніе его сгибали, въ томъ онъ и оставался. Какъ кукла. Ничего подобнаго я никогда не видѣлъ. И докторъ... какъ его звали?..

— Смитерсъ.

— Совершенно вѣрно. Смитерсъ совершенно напрасно старался. Чего-чего онъ только не пробовалъ! Горчицу, нюхательный табакъ, уколы булавками... брр! И потомъ еще принесъ такую противную маленькую машинку... Не динамо, а...

— Индукціонный аппаратъ?

— Вотъ, вотъ, пустилъ онъ этотъ аппаратъ въ ходъ. Мы видѣли, какъ у больного двигались мускулы, какъ онъ извивался, но все-таки онъ не проснулся. Вы себѣ только представьте эту картину: комната освѣщена всего двумя свѣчами, которыя мы держимъ въ рукахъ. Тѣни дрожатъ, прыгаютъ. Докторъ волнуется, торопится. А между нами въ конвульсіяхъ извивается тѣло... не то мертвеца, не то полумертваго человѣка. О! Я долго видѣлъ эту картину во снѣ!

— Да, это, вѣроятно, было ужасно,—согласился адвокатъ.

Послѣ небольшой паузы Избистеръ продолжалъ:

— Удивительное состояніе! Передъ нами лежитъ тѣло безъ души, такъ сказать... пустое. О смерти не можетъ быть рѣчи, но въ то же время оно и не живетъ. Его можно сравнить со стуломъ, на которомъ никто не сидитъ, но на которомъ написано: „занято“. Ни чувства, ни пищеваренія, ни біенія сердца. Человѣка нѣтъ, и все-таки онъ передъ нами. Собственно го-

воря, онъ болѣе мертвъ, чѣмъ настоящій мертвецъ, потому что, какъ мнѣ передавали врачи, у него даже волосы перестали расти, а у мертвецовъ волосы продолжаютъ...

— Да, я знаю,—перебилъ его адвокатъ, которому такой оборотъ рѣчи, очевидно, былъ непріятенъ.

Они молча стали глядѣть сквозь стекло. Дѣйствительно, Грэмъ находился въ странномъ состояніи. Ничего подобнаго до тѣхъ поръ медицина не знала. Бывали случаи, когда каталепсія или летаргія продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ или даже (очень рѣдко) цѣлый годъ, но затѣмъ неизмѣнно наступала смерть или больной просыпался, чтобы умереть черезъ короткое время. Избистеръ ясно различалъ мѣста, въ которыхъ докторъ когда-то впрыснулъ спящему подъ кожу возбуждающія и питательныя средства. Онъ обратилъ на нихъ вниманіе Ворминга, но тотъ отвернулся.

— Странно!—снова заговорилъ Избистеръ.—Когда я встрѣтился съ нимъ, я былъ молодымъ человѣкомъ. За то время, которое онъ пролежалъ здѣсь, я прожилъ полжизни, я создалъ себѣ положеніе, обзавелся семьей: мой старшій сынъ уже признанъ американскимъ гражданиномъ. Я успѣлъ посѣдѣть. А этотъ человѣкъ не постарѣлъ ни на одинъ день, не пережилъ ничего. Онъ остался такимъ же, какимъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Поразительно!

Вормингъ покачалъ головой и сказалъ:

— Я тоже состарѣлся. А между тѣмъ въ молодости я игралъ съ нимъ въ крикетъ *). И онъ остался молодымъ. Только кожа пожелтѣла, но въ дѣйствительности онъ и теперь молодъ.

Оба погрузились въ задумчивость. Потомъ Избистеръ спросилъ:

— Кажется, у него было небольшое состояніе?

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Вормингъ, но при этомъ слегка смутился и закашлялся. — Случайно, я назначенъ его опекуномъ.

— Вотъ какъ!

Избистеръ помолчалъ нѣсколько мгновеній и затѣмъ нерѣшительно замѣтилъ:

— Вѣроятно... его содержаніе обходится не особенно дорого... такъ что... состояніе увеличивается?

— Совершенно вѣрно. Если онъ проснется... вы понимаете: *если* онъ когда-нибудь проснется, то онъ будетъ богаче, чѣмъ былъ прежде.

---

*) *Крикетъ* — англійская игра въ мячъ, напоминающая русскую „лапту“. *Переводч.*

— Сознаюсь,—сказалъ Избистеръ,—что меня интересовалъ этотъ вопросъ. Я даже думалъ о томъ, что, съ практической точки зрѣнія, этотъ долгій сонъ можетъ сослужить ему отличную службу. Если бы онъ продолжалъ жить, какъ всѣ другіе люди...

— Едва ли онъ думалъ о чемъ-либо подобномъ,—прервалъ своего собесѣдника Вормингъ.—Онъ никогда не отличался дальновидностью. Въ этомъ отношеніи мы съ нимъ были разные люди, и я для него всегда былъ чѣмъ-то въ родѣ опекуна. Но, возвращаясь къ прежней темѣ, приходится сознаться, что на его пробужденіе остается очень, очень мало надежды. Такой сонъ истощаетъ организмъ медленно, но вѣрно. Можно сказать, что Грэмъ неудержимо, хотя и едва замѣтно, скользитъ внизъ по наклонной плоскости. Вы меня понимаете?

— Конечно. Но будетъ очень жаль, если онъ умретъ и такимъ образомъ лишится того сюрприза, который ждетъ его въ случаѣ пробужденія. За эти двадцать лѣтъ многое измѣнилось. Для него все это было бы прямо сказкой.

— Да. Многое измѣнилось,—грустно добавилъ Вормингъ.— И прежде всего измѣнился я. Когда онъ заснулъ, мнѣ было сорокъ три года. Прибавьте къ этому двадцать лѣтъ!

Адвокатъ печально опустилъ голову и умолкъ. Черезъ нѣкоторое время Избистеръ возобновилъ разговоръ, чтобы высказать сильно занимавшую его мысль.

— Вы не думали о томъ,—нерѣшительно спросилъ онъ,— въ чьи руки перейдетъ забота о немъ, если съ вами что-либо случится? Вполнѣ возможно, что онъ останется въ такомъ же состояніи еще много лѣтъ. Кто замѣнитъ ему васъ?

— Вы затронули больной вопросъ, мистеръ Избистеръ. Я много думалъ надъ этой задачей, но пока еще не рѣшилъ ее. Надо вамъ сказать, что у насъ нѣтъ другихъ родственниковъ, заслуживающихъ довѣрія. Положеніе получается очень затруднительное.

— Да, это непріятно, — сказалъ Избистеръ. — Но развѣ нельзя назначить опекуномъ человѣка, не принадлежащаго къ числу родныхъ? Человѣка, занимающаго опредѣленное положеніе?

— Разумѣется, можно, но... вѣдь и такой человѣкъ можетъ умереть. Мнѣ кажется, что лучше было бы обратиться къ какому-нибудь учрежденію, выбрать ему опекуна, такъ сказать, безсмертнаго. Хотя я лично не вѣрю этому, но многіе врачи утверждаютъ, что онъ можетъ пробыть въ такомъ состояніи еще очень долго. Я даже обращался къ нѣкоторымъ учрежденіямъ, но пока еще ничего не устроилъ.

— Гмъ... а вѣдь мысль не дурна!—воскликнулъ Избистеръ.— ... Передать его учрежденію, напримѣръ, британскому музею или королевской медицинской коллегіи! Конечно, это звучитъ странно, но въ данномъ случаѣ все странно, отъ начала до конца.

— Очень трудно пристроить его куда-нибудь.

— Да... Странный случай. А между тѣмъ проценты накапливаются, идутъ проценты на проценты... и когда онъ проснется...

Вормингъ перебилъ Избистера и сказалъ:

— Если только онъ вообще проснется когда-нибудь, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь.

— Скажите, пожалуйста,—снова заговорилъ Избистеръ послѣ краткаго молчанія,—чѣмъ вы объясняете то возбужденное состояніе, въ которомъ Грэмъ находился передъ тѣмъ, какъ уснуть? Онъ мнѣ говорилъ что-то о переутомленіи, но я его не совсѣмъ понялъ.

— Онъ всегда отличался нервностью и болѣзненной впечатлительностью. Незадолго передъ тѣмъ онъ разошелся съ своей женой. Чтобы заглушить свои чувства, онъ съ головой ушелъ въ политику. Онъ былъ фанатичный радикалъ, даже соціалистъ. Онъ не признавалъ никакой дисциплины, никакихъ границъ. Я вспоминаю одну его политическую брошюру— какой-то дикій сумбуръ, бредъ. Если онъ проснется, то ему придется ко многому привыкнуть, многое изучить. Но... онъ никогда не проснется.

— Если же ему суждено проснуться, то я хотѣлъ бы присутствовать при его пробужденіи! — воскликнулъ Избистеръ.

Вормингъ долго глядѣлъ на неподвижныя черты лица спящаго, потомъ глубоко вздохнулъ и повторилъ:

— Онъ никогда не проснется!

III.

Пробужденіе.

Оказалось, что Вормингъ былъ неправъ. Грэмъ проснулся.

Трудно, почти невозможно передать всѣ тѣ сложныя ощущенія, черезъ которыя проходитъ человѣкъ, переходящій отъ тьмы забвенія къ свѣту сознанія. На первый взглядъ все это кажется такимъ простымъ, понятнымъ. Но кто можетъ точно опредѣлить то, что происходитъ въ душѣ человѣка, пробуждающагося утромъ отъ глубокаго сна? Можно болѣе или ме-

нѣе точно возстановить то, что человѣкъ думалъ и чувствовалъ, начиная съ момента полнаго пробужденія, но то, что предшествовало этому моменту, покрыто дымкой, расплывчато, неясно.

Пробужденіе Грэма въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалось отъ обычнаго пробужденія спящаго. Сначала въ сознаніи появилось смутное облачко, которое разрослось, приняло опредѣленныя очертанія, и, наконецъ, онъ почувствовалъ, что онъ живъ, слабъ и лежитъ гдѣ-то.

Грэмъ замѣтилъ, что его глаза открыты и видятъ что-то не совсѣмъ обычное... что-то бѣлое, длинное, напоминающее свѣже-обдѣланный деревянный брусокъ. Онъ слегка повернулъ голову, чтобы прослѣдить взглядомъ за бѣлымъ предметомъ, но тотъ уходилъ за предѣлы его зрѣнія. Тогда онъ сталъ мысленно рѣшать вопросъ о томъ, что бы это могло быть. Въ то же время возникъ и другой, еще болѣе важный вопросъ: гдѣ онъ находится? Впрочемъ, онъ чувствовалъ себя настолько слабымъ, безпомощнымъ и несчастнымъ, что не могъ долго останавливаться на одной мысли. Онъ испытывалъ то необъяснимое, отвратительное чувство, которое испытываетъ человѣкъ, просыпающійся въ сумерки: на душѣ скверно, а почему? Неизвѣстно.

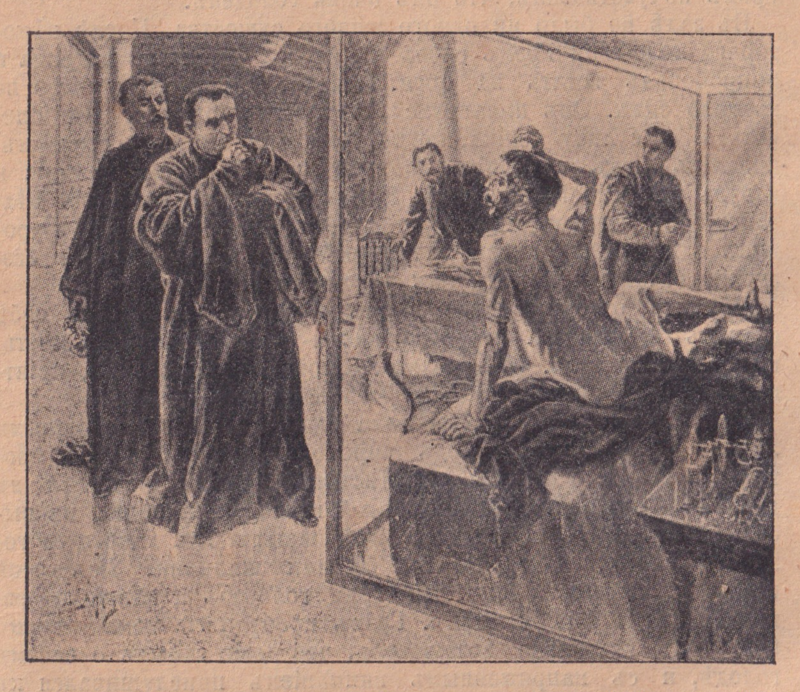
Ему показалось, что гдѣ-то раздался шопотъ и шорохъ удаляющихся шаговъ.

Кое-какъ собравшись съ мыслями, онъ рѣшилъ, что находится въ комнатѣ гостиницы, лежитъ въ кровати... но онъ никакъ не могъ понять, что представляетъ собою эта бѣлая полоса! Ясно, что онъ спалъ. Теперь онъ даже вспомнилъ, что его за послѣднее время мучила безсонница. Онъ вспомнилъ береговые утесы, бесѣду съ прохожимъ...

Сколько времени онъ проспалъ? Гдѣ онъ проснулся? Что это былъ за шорохъ?.. Онъ протянулъ руку, чтобы взять часы со стула, куда онъ ихъ обыкновенно клалъ, но его пальцы коснулись какой-то холодной, гладкой поверхности, напоми нающей стекло. Это было такъ неожиданно, что онъ испугался. Онъ перевернулся на бокъ, нѣсколько мгновеній недоумѣвающе глядѣлъ передъ собой, затѣмъ приподнялся на локтяхъ и сѣлъ. При этомъ усталъ, какъ будто сдѣлалъ громадную, трудную работу. Отъ утомленія у него даже закружилась голова. Впрочемъ, голова могла закружиться отъ изумленія.

Онъ протеръ себѣ глаза. То, что его окружало, дѣйствительно могло изумить всякаго. А между тѣмъ, его мысли текли совершенно ясно, отчетливо. Очевидно, сонъ его прекрасно освѣжилъ. Оказалось, что онъ лежалъ не на постели, а на

чемъ-то удивительно податливомъ, колыхающемся при малѣйшемъ движеніи, и притомъ лежалъ въ длинной ваннѣ изъ темнаго стекла. Часть страннаго матраца оказалась прозрачной, и тамъ его тѣло отражалось въ зеркалѣ. Его рука—только теперь онъ съ ужасомъ замѣтилъ, какъ желта, суха была его кожа—была обернута какимъ-то страннымъ резиновымъ приборомъ, который у плеча и у кисти какъ будто уходилъ подъ

Грэмъ приподнялся и спросилъ: — Что это значитъ? Гдѣ я? Что со мной?

кожу, сливался съ ней. И это изумительное ложе было покрыто ящикомъ изъ зеленоватаго стекла. Одна изъ перекладинъ этого ящика оказалась тѣмъ бѣлымъ предметомъ, на который былъ обращенъ первый взглядъ проснувшагося Грэма. Въ углу ящика онъ замѣтилъ штативъ съ какими-то неизвѣстными ему, блестящими аппаратами. Среди нихъ онъ замѣтилъ два термометра, максимальный и минимальный.

Хотя зеленоватый тонъ стѣнокъ ящика не позволялъ ясно различить то, что находилось за этими стѣнками, но Грэмъ

все-таки видѣлъ, что онъ находится въ огромномъ залѣ съ роскошными архитектурными украшеніями. Изъ зала шелъ высокій сводчатый проходъ подъ арками. Недалеко отъ ящика, въ которомъ теперь сидѣлъ Грэмъ, стоялъ столъ, покрытый какой-то серебристой тканью; на столѣ, окруженномъ нѣсколькими изящными стульями, были разставлены блюда съ кушаньями, бутылка и два стакана. Только при видѣ накрытаго стола Грэмъ почувствовалъ, что онъ очень голоденъ.

Въ залѣ не было ни одного живого существа. Послѣ нѣкотораго колебанія Грэмъ слѣзъ съ своего страннаго матраца и попробовалъ встать на ноги. Однако, для этого у него не хватило силъ. Онъ покачнулся, протянулъ руки, чтобы опереться о стѣнку ящика, но то, что онъ считалъ стекломъ, подалось подъ напоромъ, лопнуло какъ мыльный пузырь, и вдругъ исчезло. Изумленный Грэмъ очутился въ залѣ. Шатаясь, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, оперся на столъ и уронилъ одинъ изъ стакановъ, который упалъ на полъ и беззвучно разбился. Затѣмъ онъ опустился на стулъ.

Немного отдохнувъ, онъ взялъ бутылку, наполнилъ себѣ стаканъ и выпилъ. Это была какая-то безцвѣтная жидкость, но только не вода. Она обладала тонкимъ ароматомъ, пріятнымъ вкусомъ, возбуждала и укрѣпляла.

Грэмъ осмотрѣлся. Стѣны зала были покрыты роскошными лѣпными украшеніями. Подъ широкой аркой открывался проходъ, который упирался въ лѣстницу, оканчивавшуюся въ длинной галлереѣ. Потолокъ этой галлереи покоился на высокихъ изящныхъ колоннахъ, высѣченныхъ изъ какого-то голубого камня, испещреннаго бѣлыми жилками. Изъ этой галлереи доносился смутный гулъ голосовъ и какой-то безпрерывный звенящій шумъ. Грэмъ пробудился окончательно. Онъ былъ настолько возбужденъ, что даже забылъ о своемъ голодѣ, и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ долетавшимъ до него звукамъ.

Грэмъ случайно взглянулъ на свое тѣло и только теперь подумалъ о своей внѣшности; онъ былъ совершенно нагъ! Онъ оглянулся. На одномъ изъ стульевъ лежало что-то въ родѣ плаща. Онъ взялъ этотъ плащъ, закутался въ него и снова опустился на свой стулъ.

Несмотря на всѣ усилія, онъ никакъ не могъ привести въ стройный порядокъ свои мысли. Ясно было только то, что онъ спалъ. Во время сна его перенесли куда-то. Но куда? И кто были тѣ люди, которые разговаривали тамъ, въ галлереѣ? Обитатели Бокэстля?.. Онъ налилъ себѣ въ стаканъ безцвѣтной жидкости и выпилъ нѣсколько глотковъ

Онъ оглядѣлся внимательнѣе. Въ сводчатомъ потолкѣ зала была устроена круглая шахта, черезъ которую лился потокъ яркаго свѣта. Но черезъ опредѣленный промежутокъ времени эта шахта закрывалась какой-то тѣнью. Разъ-два— тѣнь налетала и снова исчезала. И каждый разъ, когда появлялась или скрывалась тѣнь, раздавался глухой странный звукъ.

Грэмъ хотѣлъ крикнуть, позвать кого-нибудь, но изъ его горла вырвалось лишь слабое хрипѣніе. Тогда онъ всталъ и, пошатываясь, какъ пьяный, направился къ аркѣ прохода. Спотыкаясь, почти падая, онъ добрался до галлереи, которая терялась гдѣ-то вдали, въ величественныхъ очертаніяхъ сказочныхъ чертоговъ. Гулъ голосовъ теперь раздавался громче, яснѣе. Галлерея кончалась чѣмъ-то въ родѣ балкона, за которымъ открывалась широкая панорама огромнаго города. На балконѣ, спинами къ нему, стояли три фигуры, закутанныя въ складки длинныхъ, но легкихъ плащей. Изъ-подъ балкона доносился гулъ большой толпы. Слышались восклицанія, напоминавшія слово:

— Пробудись!

Вдругъ люди, стоявшіе на балконѣ, громко разсмѣялись.

— Ха-ха-ха! — заливался одинъ изъ нихъ, рыжій мужчина въ пурпуровомъ плащѣ.—Когда спящій пробудится! Когда...

Утирая слезы, вызванныя смѣхомъ, онъ обернулся къ галлереѣ, и вдругъ его лицо преобразилось. Онъ весь преобразился, какъ бы замеръ, застылъ. Его товарищи тоже обернулись и тоже застыли. Казалось, что они были поражены какимъ-то невѣроятнымъ, ужаснымъ событіемъ.

Въ это время силы Грэма окончательно истощились. Его рука, охватившая одну изъ колоннъ, безсильно опустилась, и онъ упалъ въ обморокъ.

IV.

Волненія.

Падая въ обморокъ, Грэмъ смутно слышалъ что-то въ родѣ набатнаго колокольнаго звона. Позднѣе ему сказали, что онъ цѣлый часъ висѣлъ на волосокъ отъ смерти. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ снова лежалъ на прозрачномъ матрацѣ. Резиновый приборъ на рукѣ былъ замѣненъ простой повязкой. Отъ ящика осталась лишь бѣлая рама, а зеленоватое вещество, похожее на стекло, исчезло. Около него стоялъ и пристально глядѣлъ ему въ лицо человѣкъ, закутанный

въ лиловую мантію, одинъ изъ тѣхъ, которые были на балконѣ галлереи.

Откуда-то издалека доносился гулъ, въ которомъ можно было различить колокольный звонъ и крики толпы. Затѣмъ закрылась какая-то дверь и все затихло.

Грэмъ пошевелился и спросилъ:

— Что это значитъ? Гдѣ я? Что со мной?

Человѣкъ въ лиловомъ отвѣчалъ, примѣшивая къ англійскому языку какой-то иностранный оттѣнокъ:

— Не волнуйтесь. Вы въ полной безопасности. Оттуда, гдѣ вы заснули, васъ принесли сюда. Здѣсь вамъ ничто не угрожаетъ. Вы пролежали здѣсь... нѣкоторое время. Вы спали. Вы были въ состояніи каталепсіи.

Онъ сказалъ еще что-то, что Грэмъ не разслышалъ. Потомъ Грэму подали какой-то флаконъ, онъ ощутилъ во рту пріятную живительную свѣжесть и на мгновеніе закрылъ глаза.

— Вамъ лучше?—спросилъ человѣкъ въ лиловомъ, когда Грэмъ снова открылъ глаза. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, съ острой бородкой, открытымъ, веселымъ выраженіемъ лица, съ золотой пряжкой на лиловой мантіи.

— Да, лучше,—отвѣтилъ Грэмъ.

— Вы нѣкоторое время спали. Или, вѣрнѣе, вы находились въ состояніи каталепсіи. Вы знаете, что такое каталепсія? Во всякомъ случаѣ, могу васъ увѣрить въ томъ, что теперь все кончилось, что теперь все въ порядкѣ.

Грэмъ молчалъ, но эти слова значительно успокоили его. Его взоръ скользилъ по лицамъ окружавшихъ его людей. Всѣ они глядѣли на него какъ-то странно. Онъ пытался собраться съ мыслями, вспомнить то, что съ нимъ случилось до сна. Бокэстль! Да! Тогда онъ былъ въ Бокэстлѣ или около него. А потомъ...

— Вы телеграфировали моему двоюродному брату?—спросилъ онъ.—Вормингъ, Ченсери Лэнъ, 27.

Окружающіе его люди, очевидно, старались понять его, но это имъ не удавалось. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Какъ онъ странно выговариваетъ слова! — прошепталъ рыжій.

— Вы сказали „телеграфировали"?—спросилъ человѣкъ съ острой бородкой

— Онъ имѣлъ въ виду электрическую почту, — замѣтилъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати.

Человѣкъ съ бородкой ударилъ себя рукой по лбу и воскликнулъ:

— Конечно! Какъ я не догадался сразу!?

Затѣмъ, обращаясь къ Грэму, онъ сказалъ:

— Вы можете быть увѣрены въ томъ, что будетъ сдѣлано все, что возможно. Но я боюсь, что вашему двоюродному брату трудно будетъ... телеграфировать. Его теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Во всякомъ случаѣ, я попросилъ бы васъ ни о чемъ не заботиться. Вы проспали довольно долго и теперь для васъ главное—забыть объ этомъ.

— Забыть? Гмъ...

Послѣ этого Грэмъ умолкъ и погрузился въ раздумье.

Для него все было таинственно, непонятно, но, очевидно, эти люди въ странныхъ одеждахъ дѣйствовали вполнѣ сознательно. Кто они? Что это за помѣщеніе? Вдругъ у него мелькнула мысль: неужели онъ лежалъ на своего рода выставкѣ? Если да, то надо будетъ энергично объясниться съ Ворминтомъ! Впрочемъ, нѣтъ. Если бы его выставили напоказъ, то, по крайней мѣрѣ, потрудились бы прикрыть чѣмъ-нибудь его наготу.

Одно было ясно, что онъ пролежалъ безъ сознанія очень, очень долго. Объ этомъ говорило и то почтеніе, съ которымъ на него глядѣли окружающіе. Онъ, въ свою очередь, разглядывалъ ихъ съ живымъ любопытствомъ, съ понятнымъ волненіемъ. Казалось, что они въ его глазахъ читаютъ его мысли. Онъ пошевелилъ губами, хотѣлъ говорить, но не могъ. Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что не слѣдуетъ высказывать свои мысли. Онъ взглянулъ на свои голыя желтыя ноги и невольно задрожалъ.

Ему дали какой-то розоватой жидкости съ зеленой флуоресценціей и съ мяснымъ вкусомъ. Нѣсколько глотковъ этой жидкости быстро подкрѣпили его.

— Это... хорошо. Теперь мнѣ лучше...—произнесъ онъ хрипло.

Среди окружавшихъ его людей раздался одобрительный ропотъ. Грэмъ сдѣлалъ надъ собой огромное усиліе, чтобы сохранить наружное спокойствіе, и спросилъ:

— Какъ долго... долго ли я спалъ?

— Довольно долго,—отвѣтилъ человѣкъ съ бородкой и бросилъ на другихъ бѣглый, но выразительный взглядъ.

— Какъ долго?

— Очень долго.

— Ну, да, очень долго!—разсердился, наконецъ, Грэмъ.— Но я хочу знать, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я уснулъ!

Они стали шопотомъ совѣщаться между собою. Послѣ паузы онъ спросилъ слабымъ голосомъ:

— Пять или шесть лѣтъ?

— Много больше.
— Больше?
— Много, много больше.
— Но сколько лѣтъ?
— Вы удивитесь.
— Говориге!
— Больше гросса *) лѣтъ.

Грэма разсердило незнакомое слово и онъ нетерпѣливо переспросилъ:

— Больше... чего?

Двое изъ окружавшихъ его начали совѣщаться между собой, при чемъ до его слуха нѣсколько разъ донеслись слова „десятичная система". Наконецъ ему удалось уловитъ цѣлую фразу: „проспалъ больше двухъ столѣтій".

— Что?!—воскликнулъ онъ и всѣмъ тѣломъ повернулся въ ту сторону, гдѣ раздались эти слова.—Кто сказалъ? Что такое? Два столѣтія?

— Да,—сказалъ рыжій,—два столѣтія.

Грэмъ машинально повторилъ:

— Два столѣтія... Два столѣтія...

Онъ освоился съ мыслью о томъ, что онъ проспалъ долго, но столѣтія поразили его. А можетъ-быть, онъ не совсѣмъ вѣрно понялъ?

— Послушайте,—сказалъ онъ,—вѣдь это невозможно!

Но рыжій серьезно подтвердилъ:

— Два столѣтія.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Грэмъ глядѣлъ на окружающихъ, и ихъ серьезныя лица все болѣе убѣждали его въ томъ, что они не шутятъ.

— Но вѣдь это невозможно!—жалобно заговорилъ онъ наконецъ.—Это какой-то бредъ! Каталепсія... Каталепсія не можетъ длиться двѣсти лѣтъ. Вы издѣваетесь надо мною. Скажите же мнѣ правду! Всего нѣсколько дней тому назадъ я шелъ вдоль корнвальскаго берега...

Здѣсь его голосъ прервался.

Человѣкъ съ бородкой безпомощно оглянулся на другихъ и тихо сказалъ:

— Я не силенъ въ исторіи.

Тогда заговорилъ молодой человѣкъ:

— Совершенно вѣрно. Бокэстль находится на юго-западѣ, въ границахъ стараго герцогства Корнвальскаго. Тамъ еще и до сихъ поръ сохранился одинъ домъ. Я видѣлъ его.

---

*) *Гроссъ* = двѣнадцать дюжинъ, т.-е. $12 \times 12 = 144$. *Переводч.*

— Бокэстль!—Грэмъ обернулся къ молодому человѣку.— Да, такъ называли при мнѣ это мѣстечко! Бокэстль... гдѣ-то около него я и заснулъ. Я не совсѣмъ ясно помню...

Онъ сжалъ виски руками и простоналъ:

— Но двѣсти лѣтъ! Двѣсти лѣтъ!.. Однако если съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, прошло двѣсти лѣтъ, то теперь въ живыхъ нѣтъ ни одного человѣка, котораго я прежде зналъ, съ которымъ я прежде говорилъ? Ни одного?

Всѣ молчали.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, существуетъ ли Англія? Да? Хоть одно утѣшеніе. А Лондонъ? Я въ Лондонѣ? Но, позвольте, зачѣмъ же я здѣсь? Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Я понимаю, я все понимаю! Вы.. вы мои сторожа!

Онъ умолкъ и въ волненіи закрылъ глаза ладонями. Когда онъ открылъ глаза, ему снова подали стаканчикъ розоватой жидкости. Онъ выпилъ и почувствовалъ себя болѣе сильнымъ. Онъ заплакалъ, потомъ улыбнулся сквозь слезы и сказалъ:

— Двѣсти лѣтъ!.. Два столѣтія!..

Черезъ нѣсколько минутъ къ нему вернулось душевное равновѣсіе. Онъ сѣлъ и оперся локтями на свои колѣни. При этомъ онъ случайно принялъ то же положеніе, въ которомъ его въ первый разъ встрѣтилъ Избистеръ. Его вниманіе привлекъ громкій повелительный голосъ и шумъ приближающихся шаговъ. Кто-то говорилъ:

— Почему не увѣдомили меня? Что вы дѣлаете! Вы должны были предвидѣть. За это кое-кому придется поплатиться. Позаботьтесь о томъ, чтобы никто не проникъ къ нему. Всѣ двери заперты? Всѣ до одной? Его надо отдѣлить отъ всѣхъ людей. Онъ ничего не долженъ знать. Или, можетъ-быть, ему что-нибудь уже сообщили?

Человѣкъ съ бородой что-то сказалъ вполголоса. Грэмъ повернулъ голову и увидѣлъ приближающагося къ нему человѣка средняго роста, плотнаго, безбородаго, съ орлинымъ носомъ, короткой шеей и грубо очерченнымъ подбородкомъ. Густыя черныя брови, почти сросшіяся на переносицѣ, оттѣняли проницательные сѣрые глаза и придавали лицу вошедшаго выраженіе мрачной угрозы. Онъ бросилъ на Грэма бѣглый, непріязненный взглядъ и затѣмъ обратился къ человѣку съ бородкой:

— Остальные здѣсь лишніе.

— Лишніе?—переспросилъ рыжій.

— Да, лишніе. Можете удалиться. Заприте за собой всѣ двери.

Двое изъ стоявшихъ около Грэма людей послушно повернулись и пошли, но не къ аркѣ галлереи, какъ слѣдовало ожидать, а къ противоположной стѣнѣ. Къ величайшему изумленію Грэма, въ сплошной стѣнѣ вдругъ выдѣлилась полоса, которая свернулась и поднялась, какъ штора, чтобы снова опуститься за вышедшими изъ зала людьми. Около Грэма теперь остались только двое: человѣкъ съ бородкой и вновь пришедшій мужчина.

Пришедшій довольно долго не обращалъ на Грэма никакого вниманія. Онъ внимательно разспрашивалъ человѣка съ бородкой, очевидно, подчиненнаго ему. Онъ говорилъ очень ясно, отчетливо, но Грэмъ все-таки не вполнѣ понималъ его. Для этого онъ былъ слишкомъ взволнованъ.

— Не надо смущать его, не надо ему слишкомъ много разсказывать. Не надо смущать его.

Эти слова Грэмъ разслышалъ вполнѣ отчетливо.

Наконецъ вновь пришедшій обернулся къ Грэму, окинулъ его недовѣрчивымъ взглядомъ и спросилъ:

— Вы себя, вѣроятно, чувствуете странно?

— Очень.

— Все то, что вы видѣли до сихъ поръ, должно васъ удивлять.

— Да. Но мнѣ придется приспособиться къ новымъ условіямъ.

— Непремѣнно.

— Прежде всего... нельзя ли мнѣ получить какое-нибудь платье?

Вновь пришедшій выразительно взглянулъ на человѣка съ бородкой, послѣ чего тотъ быстро ушелъ.

— Платье вы сейчасъ получите.

— Скажите, неужели я проспалъ двѣсти лѣтъ? — спросилъ Грэмъ.

— Они уже успѣли сказать вамъ это? Да. Ровно двѣсти три года.

Грэмъ помолчалъ нѣсколько мгновеній и затѣмъ спросилъ:

— Здѣсь гдѣ-то работаетъ мельница или фабрика?

Не дожидаясь отвѣта, онъ задалъ другой вопросъ:

— Что значатъ эти крики?

— Пустяки,—нетерпѣливо отвѣтилъ безбородый.—Уличная толпа. Это вы узнаете позднѣе... можетъ-быть. За двѣсти лѣтъ многое перемѣнилось. Вы увидите. Подождите здѣсь, пока принесутъ платье и... все другое. Здѣсь вы въ безопасности. Вамъ надо побриться.

Онъ говорилъ рѣзко, отрывисто, хмуря брови. Казалось, что онъ ищетъ выхода изъ непріятнаго положенія, затрудняется. При послѣднихъ его словахъ Грэмъ невольно провелъ рукой по своей щетинѣ на подбородкѣ.

Въ это время вернулся человѣкъ съ бородкой. Вдругъ онъ остановился, прислушался, выразительно двинулъ бровями и быстро ушелъ въ галлерею. Гулъ дѣлался громче, разрастался, какъ морской прибой. Человѣкъ съ орлинымъ носомъ внимательно прислушался. Онъ пробормоталъ какое-то проклятіе и бросилъ на Грэма очень недружелюбный взглядъ. Между тѣмъ голоса раздавались все громче и возбужденнѣе. Иногда слышались какіе-то удары, что-то трещало, какъ ломающіеся прутья. Грэмъ напрасно напрягалъ свой слухъ, чтобы хоть сколько-нибудь разобраться въ этомъ хаосѣ звуковъ. Наконецъ ему совершенно ясно послышались слова:

— Покажите намъ спящаго! Покажите спящаго!

Человѣкъ съ орлинымъ носомъ вдругъ бросился къ галлереѣ и крикнулъ:

— Откуда они знаютъ? Что? Откуда?! Или они только догадываются?

Послышался какой-то отвѣтъ.

— Нѣтъ, я не могу выйти. Мнѣ надо заботиться о немъ. Крикните имъ съ балкона.

Снова раздался отвѣтъ.

— Нѣтъ! Скажите имъ, что онъ не проснулся. Скажите имъ что-нибудь. Что хотите.

Онъ быстро подошелъ къ Грэму и взволнованно сказалъ:

— Сейчасъ для васъ приготовятъ платье. Вамъ нельзя здѣсь оставаться... немыслимо...

Онъ побѣжалъ куда-то, въ то время какъ Грэмъ тщетно забрасывалъ его градомъ вопросовъ. Черезъ секунду онъ вернулся:

— Я сейчасъ ничего не могу вамъ объяснить. Все это слишкомъ сложно. Вы теперь не поймете. Платье будетъ готово въ нѣсколько минутъ. Да, въ нѣсколько минутъ. А потомъ я васъ возьму отсюда. Вы скоро поймете, въ чемъ дѣло.

— Но эти голоса... Они кричали...

— О спящемъ—это вы. У нихъ есть свои особыя понятія. Право, я самъ твердо не знаю... Что-то въ родѣ...

Его прервалъ рѣзкій звонокъ. Онъ подбѣжалъ къ группѣ приборовъ, стоявшихъ въ углу. Нѣсколько мгновеній онъ слушалъ, пристально глядя на какой-то стеклянный шарикъ, потомъ кивнулъ головой и пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ стѣнѣ, черезъ которую ушли

раньше люди, и остановился. Въ стѣнѣ снова поднялась полоса.

Грэмъ поднялъ руку и съ удивленіемъ замѣтилъ, что его силы почти вполнѣ возстановились. Онъ опустилъ на полъ сначала одну ногу, потомъ другую. Голова больше не кружилась. Онъ сѣлъ и сталъ ощупывать свое тѣло.

Человѣкъ съ бородкой вышелъ изъ галлереи. Почти въ то же мгновеніе въ раскрытой стѣнѣ опустилась сверху клѣтка подъемной машины, и изъ нея вышелъ худой, бородатый человѣкъ, одѣтый въ узкій зеленый костюмъ, съ продолговатымъ сверткомъ въ рукахъ.

— Это портной,—сказалъ человѣкъ съ орлинымъ носомъ.— Вамъ нельзя надѣть черный плащъ. Я вообще не понимаю, какъ онъ сюда попалъ. Это надо выяснить.—Надѣюсь, что вы поспѣшите?—обратился онъ къ портному.

Портной низко поклонился, подошелъ къ Грэму и сѣлъ около него. Его лицо выражало невозмутимое спокойствіе, но въ глазахъ сверкалъ огонекъ любопытства. Бросивъ робкій взглядъ на безбородаго, онъ сказалъ:

— Наши моды покажутся вамъ странными. Вы жили въ цилиндрическомъ періодѣ, въ эпоху Викторіанизма *). Тогда въ головныхъ уборахъ преобладало полушаріе. Вообще, во всемъ стремились къ закругленіямъ. А теперь...

Портной развернулъ свой свертокъ и изъ него показались мягкія складки блестящихъ матерій. Потомъ онъ досталъ изъ кармана небольшой приборчикъ, напоминавшій карманные часы, повернулъ какую-то пружинку, и на пластинкѣ, замѣнявшей часовой циферблатъ, задвигалась маленькая фигурка, какъ на экранѣ кинематографа. Портной поднялъ съ колѣнъ голубовато-бѣлую матерію и сказалъ:

— Вотъ такой костюмъ вамъ подойдетъ.

Подошелъ человѣкъ съ орлинымъ носомъ, остановился около Грэма и напомнилъ портному, что надо спѣшить.

— Не безпокойтесь, — отвѣтилъ портной,—все будетъ сдѣлано во-время. Мою машину сейчасъ доставятъ.

— Что это за инструментъ?—спросилъ Грэмъ, указывая на похожій на часы приборъ.

— А это замѣна прежнихъ модныхъ журналовъ. Смотрите.

Онъ нажалъ другую пружину, и маленькая фигурка задвигалась въ другомъ костюмѣ, потомъ въ третьемъ, четвертомъ.

---

*) *Викторія*—англійская королева, скончавшаяся въ 1901 году. Она царствовала 64 года (съ 1837 года).

Переводч.

Но вотъ снова спустилась клѣтка машины. На этотъ разъ въ ней оказался коротко остриженный малый, монгольскаго типа, одѣтый въ грубое холщевое платье. Около него стояла сложная машина, которую онъ безшумно вкатилъ въ залъ. Портной спряталъ свой карманный кинематографъ и попросилъ Грэма подойти къ машинѣ. При этомъ портной отдавалъ какія-то приказанія стриженому малому, отвѣчавшему на непонятномъ для Грэма гортанномъ нарѣчіи. Затѣмъ портной сталъ вытягивать изъ машины рычаги, каждый изъ которыхъ оканчивался небольшой круглой пластинкой. Этихъ рычаговъ оказалось не менѣе сорока. Пластинки портной по очереди прижималъ къ разнымъ частямъ Грэма, къ шеѣ, лопаткамъ, локтямъ, поясницѣ и т. д. Портной привелъ машину въ дѣйствіе. Раздался ритмическій звукъ движущихся колесъ. Черезъ нѣсколько мгновеній портной откинулъ рычаги, остановилъ машину и сказалъ:

— Готово!

Грэмъ былъ свободенъ. Портной накинулъ на него черный плащъ, а человѣкъ съ бородкой протянулъ ему стаканчикъ съ розовой жидкостью. Обернувшись, Грэмъ увидѣлъ какого-то блѣднаго молодого человѣка, неподвижно глядѣвшаго на него. Очевидно, онъ вошелъ въ то время, когда все вниманіе Грэма было обращено на машину.

Человѣкъ съ орлинымъ носомъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ; наконецъ онъ круто повернулся и направился къ галлереѣ, со стороны которой все еще доносились крики. Стриженый малый подалъ портному блѣдно-голубую матерію и они оба принялись натягивать на какой-то механизмъ, напоминавшій бумажный валъ скоропечатной машины девятнадцатаго вѣка. Затѣмъ они придвинули машину въ уголъ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ свернутый спиралью кабель. Поворотъ руки, и машина плавно заработала.

Грэма непріятно безпокоилъ устремленный на него неподвижный взглядъ блѣднаго молодого человѣка, и онъ спросилъ:

— Кто это?

Человѣкъ съ бородкой отвѣтилъ ему шопотомъ:

— Это Говардъ, вашъ главный хранитель. Видите ли, это не совсѣмъ легко объяснить. Совѣтъ назначаетъ одного хранителя и двухъ ассистентовъ. Это главный хранитель. Онъ получаетъ въ годъ шесдюжъ львовъ.

У Грэма закружилась голова.

— Что вы говорите?—безпомошно спросилъ онъ.—Совѣтъ... хранитель... и, наконецъ, что значитъ „шесдюжъ львовъ"?

— Развѣ въ ваше время не было львовъ? Ахъ, да! При васъ еще были стерлинги *). Львы—это наши монеты.

— Но вы сказали... шесдюжъ?

— Да. Шесть дюжинъ. За двѣсти лѣтъ все измѣнилось, даже въ мелочахъ. Въ ваше время была принята десятичная система, вы считали десятками, сотнями, тысячами. У насъ десять и одиннадцать выражаются каждое одной цифрой, двѣнадцать—двумя цифрами. Дюжина дюжинъ составляетъ гроссъ, дюжина гроссовъ—дуцану, а дуцана дуцанъ—миріаду. Очень просто. А вотъ и ваше платье!—добавилъ онъ.

Грэмъ быстро обернулся. Сзади него стоялъ улыбающійся портной съ платьемъ въ рукахъ.

— Не можетъ быть, чтобы это...—началъ изумленный Грэмъ, но портной перебилъ его и сказалъ:

— Только что кончено. По вашей мѣркѣ.

Портной положилъ платье на полъ, подошелъ къ ложу Грэма, сбросилъ прозрачный матрацъ и поднялъ находившееся подъ нимъ зеркало. Въ это время въ углу раздался отчаянный трезвонъ и человѣкъ съ орлинымъ носомъ поспѣшилъ туда. Человѣкъ съ бородкой побѣжалъ въ галлерею.

Между тѣмъ Грэмъ одѣвался. Портной подалъ ему сдѣланные изъ одного куска пурпуровой матеріи чулки, панталоны и куртку. Сверхъ этого ему накинули изящный плащъ или, вѣрнѣе, хитонъ изъ блѣдно-голубой ткани. Грэмъ взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ:

— Мнѣ надо побриться.

— Сейчасъ.

Въ это время вернулся человѣкъ съ бородкой, подошелъ къ человѣку съ орлинымъ носомъ, и они оба начали оживленно совѣщаться, при чемъ всѣ ихъ торопливыя движенія выражали страхъ.

Блѣдный молодой человѣкъ подошелъ къ Грэму. Въ его рукѣ сверкнула сталь.

— Садитесь!—крикнулъ человѣкъ съ бородкой.—Онъ васъ побрѣетъ и пострижетъ волосы.

— Но вѣдь вы сказали, что это хранитель! — удивленно замѣтилъ Грэмъ.

Человѣкъ съ бородкой досадливо махнулъ рукой и сказалъ, указывая на человѣка съ орлинымъ носомъ:

— Вотъ вашъ хранитель, Говардъ. А это парикмахеръ!

Грэмъ сѣлъ на стулъ. Парикмахеръ, подгоняемый нетерпѣливыми возгласами Говарда, быстро обрилъ Грэма, подрѣзалъ

---

*) *Фунтъ стерлинг.*, англійская монета. Равна приблизительно 9 руб. 50 коп. *Переводч.*

и причесалъ усы и волосы на головѣ. Затѣмъ Грэму подали сапоги.

Вдругъ изъ угла, гдѣ стояли аппараты, раздался громкій голосъ:

— Скорѣе! Сію секунду! Народъ все узналъ. Они прекращаютъ работу. Во всемъ городѣ прекращается работа. Ничего больше не ждите. Скорѣе!

Эти возгласы произвели на Говарда огромное впечатлѣніе. Онъ бросился къ аппарату со стекляннымъ шарикомъ, но въ это мгновеніе со стороны галлереи послышался дикій ревъ толпы. Вслѣдъ за тѣмъ ревъ сразу затихъ, какъ будто на берегъ налетѣла волна, разбилась о камни и тихо поползла назадъ. Грэма неудержимо влекло туда, къ галлереѣ. Онъ быстро оглянулся и затѣмъ слѣпо отдался своему влеченію. Двумя прыжками онъ очутился въ галлереѣ и черезъ нѣсколько секундъ уже былъ на балконѣ, на которомъ при его пробужденіи стояли трое людей.

V.

Движущіяся улицы.

Грэмъ подошелъ къ рѣшеткѣ балкона и взглянулъ наверхъ. При его появленіи внизу раздался возбужденный ревъ толпы. То, что онъ увидѣлъ, въ первый моментъ произвело на него впечатлѣніе грандіозности. Подъ нимъ разстилалось что-то похожее на необъятный дворъ, окруженный величественными постройками. Весь дворъ или, вѣрнѣе, вся площадь была сверху покрыта куполомъ изъ какого-то прозрачнаго вещества. Слабый солнечный свѣтъ едва могъ бороться съ яркими лучами освѣтительныхъ шаровъ, висѣвшихъ на длинныхъ кабеляхъ. Кое-гдѣ чернѣла паутина висячихъ мостовъ, переполненныхъ прохожими. По всѣмъ направленіямъ шли безчисленные проводы, очевидно, передававшіе энергію, служившіе для телефоновъ и тому подобнаго. Архитектура зданій на первый взглядъ показалась Грэму вычурной и запутанной. По стѣнѣ дома, находившагося какъ разъ противъ балкона въ горизонтальномъ и косомъ направленіяхъ, тянулись надписи, сдѣланныя на какомъ-то непонятномъ языкѣ.

Около самаго купола Грэмъ замѣтилъ нѣсколько кабелей, отличавшихся удивительной толщиной; эти кабели исчезали въ круглыхъ отверстіяхъ, продѣланныхъ въ стѣнахъ. Пристально вглядѣвшись въ одинъ изъ такихъ кабелей, Грэмъ замѣтилъ крошечную человѣческую фигурку, которая копошилась наверху, у самаго купола. Человѣчекъ, одѣтый въ блѣдно-

голубой костюмъ, что-то дѣлалъ съ канатами, которые издали казались нитями паутины. Вдругъ этотъ человѣкъ скользнулъ по кабелю, и, прежде чѣмъ Грэмъ успѣлъ опомниться, исчезъ въ кругломъ отверстіи.

Когда Грэмъ вышелъ на балконъ, онъ взглянулъ наверхъ и былъ настолько пораженъ открывшимся передъ нимъ зрѣлищемъ, что нѣкоторое время не видѣлъ ничего другого. Теперь онъ взглянулъ внизъ и былъ пораженъ еще сильнѣе. Онъ увидѣлъ улицу! Впрочемъ, это было совсѣмъ не то, что люди понимали подъ словомъ улица въ XIX столѣтіи, когда улицы и проѣзжія дороги представляли собою полосы неподвижнаго твердаго матеріала, по которому двигались повозки. Та улица, которую увидѣлъ Грэмъ, имѣла въ ширину не менѣе 300 футовъ (около 43 саженей. *Переводч.*) и... двигалась. Она двигалась вся, кромѣ небольшой полоски въ серединѣ. Въ первое мгновеніе Грэму показалось, что онъ бредитъ. Онъ вглядѣлся пристальнѣе и только тогда понялъ въ чемъ дѣло.

Эта удивительная улица неслась подъ балкономъ слѣва направо,—неслась со скоростью курьерскаго поѣзда XIX вѣка. Она представляла собою безконечную платформу, составленную изъ небольшихъ подвижныхъ пластинокъ, благодаря которымъ платформа могла слѣдовать изгибамъ и поворотамъ улицы. На платформѣ кое-гдѣ стояли скамьи и маленькіе кіоски, но все это неслось съ такой быстротой, что Грэмъ никакъ не могъ разсмотрѣть подробности. Эта быстро движущаяся платформа составляла какъ бы наружную полосу улицы. Около нея, ближе къ серединѣ улицы, двигался рядъ другихъ платформъ, при чемъ каждая такая платформа двигалась съ замѣтно меньшей скоростью. Однако разница между скоростями двухъ сосѣднихъ платформъ была настолько незначительна, что можно было свободно переходить съ одной на другую и такимъ образомъ перебираться съ быстро движущейся наружной платформы на неподвижную среднюю полосу улицы. Всѣ эти платформы двигались подъ балкономъ направо. За средней неподвижной полосой улицы начинался рядъ платформъ, двигавшихся справа налѣво, при чемъ и эти платформы двигались съ различной скоростью, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ середины улицы. Всѣ эти платформы были переполнены людьми, сидѣвшими на скамейкахъ или стоявшими сплошной стѣной.

— Вамъ нельзя здѣсь оставаться! — крикнулъ Говардъ, подбѣгая къ Грэму. — Вы должны сейчасъ же итти со мной.

Грэмъ не отвѣчалъ. Онъ слышалъ слова, но не совсѣмъ понималъ ихъ смыслъ. Между тѣмъ платформы съ кричащими

людьми безостановочно мчались подъ балкономъ. Грэмъ замѣтилъ женщинъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ въ красивыя платья, съ распущенными волосами. При этомъ ему бросилось въ глаза, что въ одеждахъ всѣхъ людей преобладаетъ блѣдно-голубой цвѣтъ. Онъ вспомнилъ, что въ платьѣ такого же цвѣта былъ одѣтъ и помощникъ портного. Онъ смутно слышалъ, что внизу кричали:

— Спящій! Что случилось со Спящимъ?

Вдругъ ему показалось, что несущіяся внизу платформы покрылись свѣтло-желтыми пятнами человѣческихъ лицъ. Онъ видѣлъ поднятыя кверху руки. Неподвижная средняя полоса улицы передъ балкономъ быстро наполнялась людьми. Люди на ходу спрыгивали съ платформъ и бѣжали къ неподвижной площадкѣ.

— Это Спящій! Смотрите, это Спящій! Нѣтъ, это не Спящій! Какой же это спящій?

Такъ наперерывъ кричали разные голоса. Все больше и больше лицъ обращались къ балкону. Теперь Грэмъ замѣтилъ въ средней неподвижной полосѣ улицы цѣлый рядъ круглыхъ отверстій, которыя, очевидно, служили входами и выходами. Въ эти отверстія люди спускались и изъ нихъ же они появлялись. Постепенно Грэмъ понялъ, что около этихъ отверстій происходитъ какая-то борьба. Люди сбѣгали съ движущихся платформъ и стремились къ этимъ отверстіямъ, въ то время какъ какіе-то люди, одѣтые въ ярко-красную форму, старались не допустить толпу къ отверстіямъ. Эти красные люди рѣзко отличались отъ своихъ блѣдно-голубыхъ противниковъ. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что внизу происходитъ серьезная борьба.

Между тѣмъ Говардъ что-то кричалъ Грэму въ ухо и трясъ его за плечо. Затѣмъ Говардъ вдругъ исчезъ и Грэмъ остался на балконѣ одинъ.

Крики: „Спящій! Спящій!“ слышались все громче, все настойчивѣе. Ближайшая, наиболѣе быстро движущаяся платформа пустѣла по мѣрѣ того, какъ она проносилась мимо балкона. Съ невѣроятной быстротой середина улицы заполнилась цѣлымъ моремъ людей. Крики: „Спящій! Спящій!“ слились въ одинъ общій гулъ. Слышались радостные возгласы, люди махали платками, кричали: „Остановить улицы!“ Затѣмъ нѣсколько разъ послышалось непонятное для Грэма слово: „Острогъ“. Медленно движущіяся платформы скоро тоже покрылись толпой, которая шагала навстрѣчу движенію улицы, чтобы оставаться противъ балкона.

— Остановить улицы! Остановить улицы!

Этотъ крикъ звучалъ все настойчивѣе и настойчивѣе.

— Это Спящій! Конечно, это онъ! Это онъ!

Нѣкоторое время Грэмъ стоялъ недвижимо. Только теперь онъ понялъ, что всѣ эти крики относятся къ нему. Эта популярность ему начинала нравиться. Онъ поклонился толпѣ и нѣсколько разъ махнулъ рукой. Къ его удивленію, это привѣтствіе вызвало настоящую бурю. Онъ увидѣлъ цѣлые балконы, наполненные людьми и скользившіе внизъ по кабелямъ. Люди, сидѣвшіе на какихъ-то четырехугольникахъ, неслись по площади. Люди лѣзли по кабелямъ...

Сзади Грэма раздались голоса. Около него вновь очутился Говардъ, который сильно сжалъ его руку выше локтя и что-то кричалъ при этомъ. Лицо Говарда было покрыто смертельной блѣдностью. Онъ кричалъ:

— Идите съ нами! Они остановятъ улицы! Весь городъ возстанетъ!

Грэмъ обернулся. По галлереѣ бѣжали люди, среди которыхъ онъ узналъ человѣка съ бородкой и рыжаго. Затѣмъ ему въ глаза бросился высокій мужчина въ пурпуровой одеждѣ, окруженный многими людьми, тоже одѣтыми въ пурпуръ, съ жезлами въ рукахъ. На лицахъ всѣхъ этихъ людей была написана растерянность.

— Уведите его!—крикнулъ Говардъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Грэмъ.—Я не понимаю...

— Вы должны итти съ нами!—рѣшительно сказалъ человѣкъ въ пурпурѣ.

Грэмъ скользнулъ взглядомъ по лицамъ окружавшихъ его людей и испыталъ при этомъ одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ: ожиданіе насилія. И дѣйствительно, его сейчасъ же схватили нѣсколько рукъ и потащили къ галлереѣ. Въ это мгновеніе шумъ и ревъ толпы какъ будто утроилъ свою силу. Ошеломленный, ничего не понимающій Грэмъ пытался сопротивляться, но, конечно, безъ успѣха. Не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ, вдвоемъ съ Говардомъ, очутился въ клѣткѣ подъемной машины и быстро мчался куда-то наверхъ.

VI.

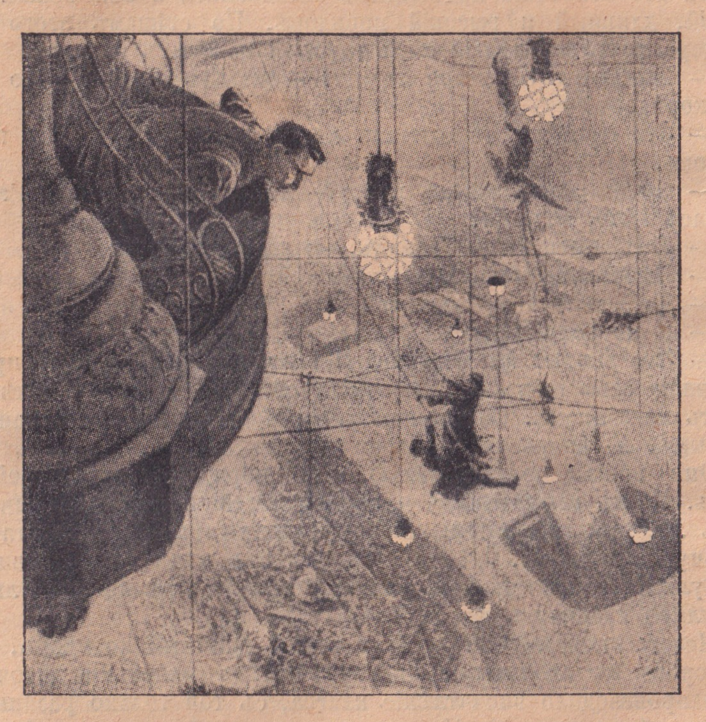
Залъ Атласа *).

Съ того мгновенія, когда портной отвѣсилъ свой прощальный поклонъ, и до момента, когда Грэма втолкнули въ клѣтку

---

*) По древнимъ сказаніямъ, Атласъ, братъ Прометея, поддерживалъ надъ землей небесный сводъ. Изображается въ видѣ сильнаго мужчины съ земнымъ шаромъ на спинѣ. *Переводч.*

подъемной машины, прошло не болѣе пяти минутъ. Грэмъ еще не совсѣмъ очнулся отъ своего чудовищнаго сна, его сознаніе затемнялось тѣмъ хаосомъ новыхъ впечатлѣній, съ которымъ ему пришлось встрѣтиться за послѣдній часъ, и онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то сказочномъ полубредѣ. То, что онъ видѣлъ съ балкона, казалось ему феэріей, театральнымъ представленіемъ.

Грэмъ увидѣлъ цѣлые балконы, наполненные людьми и скользящіе внизъ по кабелямъ. Люди неслись по площади, люди лѣзли по кабелямъ.

— Я ничего не понимаю, — сказалъ онъ. — Что это за волненія? У меня кружится голова. Что они кричали? Въ чемъ дѣло?

— Теперь вообще у насъ тревожныя времена, — отвѣтилъ Говардъ, — стараясь избѣгать взгляда Грэма. — А ваше появленіе какъ разъ теперь случайно оказалось въ связи съ...

Онъ говорилъ отрывисто, какъ человѣкъ, съ трудомъ переводящій дыханіе.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ Грэмъ.

— Все это вамъ станетъ ясно позднѣе.

Послѣ этихъ словъ Говардъ сталъ безпокойно глядѣть наверхъ, какъ будто подъемникъ двигался для него слишкомъ медленно.

— Конечно, со временемъ...—смущенно заговорилъ Грэмъ.— Но теперь... все это такъ странно. Непонятно...

Въ это мгновеніе подъемникъ остановился и они вошли въ узкій, длинный и высокій коридоръ. По стѣнамъ этого коридора тянулись цѣлыя сѣти трубъ и толстыхъ кабелей.

— Какое это огромное зданіе? — сказалъ Грэмъ.—Что это за коридоръ?

— Это одна изъ городскихъ магистралей для разныхъ проводовъ.

— Но что происходитъ внизу?—Народное возстаніе? Развѣ у васъ нѣтъ полиціи?

— Есть,—отвѣтилъ Говардъ,—и даже нѣсколько.

— Нѣсколько полицій?

— Да, около четырнадцати.

— Я не понимаю.

— Это вполнѣ естественно. Я самъ не совсѣмъ ясно представляю себѣ нашъ соціальный строй. Да и никто вполнѣ съ нимъ не знакомъ. Со временемъ вамъ все-таки многое станетъ яснымъ. А теперь намъ нужно итти въ совѣтъ.

Они пошли черезъ цѣлую сѣть коридоровъ, галлерей и залъ. Грэмъ внимательно присматривался къ встрѣчавшимся имъ людямъ, изъ которыхъ почти половина была одѣта въ пурпуровую форму. Блѣдно-голубой цвѣтъ, преобладавшій внизу на улицѣ, здѣсь совсѣмъ не встрѣчался. Встрѣчавшіеся люди вѣжливо кланялись ему и Говарду.

Между прочимъ, они прошли черезъ длинный коридоръ, въ которомъ за школьными партами сидѣли маленькія дѣвочки. Это производило впечатлѣніе класса, съ той только разницей, что не было учителя. Но зато стоялъ какой-то странный приборъ, изъ котораго раздавался голосъ. Дѣвочки проводили Грэма взглядами, выражавшими сильное удивленіе и любопытство.

По тому почтенію, съ которымъ всюду привѣтствовали Говарда, было видно, что онъ занимаетъ высокое положеніе, но въ то же время онъ—хранитель Грэма! Удивительно.

Послѣ цѣлаго лабиринта переходовъ, галлерей и т. п. они вошли въ новый подъемникъ. Въ этомъ подъемникѣ оказалось окно, обращенное къ улицѣ. Но самый подъемникъ, очевидно, находился такъ высоко, что самой улицы, съ ея движущимися

платформами, видно не было. Но зато Грэмъ видѣлъ людей, лазившихъ и скользившихъ по кабелямъ, летавшихъ по воздуху и перебѣгавшихъ по страннымъ, хрупкимъ мостамъ.

Выйдя изъ подъемника, Говардъ и Грэмъ по такому же хрупкому мостику, перекинутому на головокружительной высотѣ, перешли черезъ улицу. Мостъ былъ заключенъ въ стеклянныя стѣнки и самый полъ его тоже состоялъ изъ толстыхъ стеклянныхъ плитъ, но самыя эти плиты были настолько прозрачны, что у Грэма при первомъ взглядѣ внизъ закружилась голова. Этотъ мостъ долженъ былъ находиться надъ платформами улицы на высотѣ не менѣе 400 футовъ (57 саженей. *Переводч.*); онъ остановился и присмотрѣлся къ тому, что дѣлалось внизу. Балконъ, на которомъ онъ еще недавно стоялъ, отсюда казался игрушкой. А еще дальше внизу сплошной темной массой смутно вырисовывалась несмѣтная толпа, гулъ которой доносился до Грэма, какъ шумъ далекаго прибоя. Разглядѣть что-нибудь опредѣленное было невозможно, потому что освѣтительные шары создавали между нижней толпой и мостикомъ нѣчто въ родѣ толстаго слоя свѣтовой туманности. Откуда-то сверху (у Грэма мелькнула мысль: до какихъ же предѣловъ тянутся эти сооруженія!?) пронесся человѣкъ, сидѣвшій въ ажурномъ плетеномъ ящикѣ; онъ пронесся вдоль толстаго кабеля съ быстротою метеора и исчезъ въ кругломъ отверстіи.

Придя въ себя отъ изумленія, Грэмъ сталъ внимательно вглядываться въ то, что происходило внизу, гдѣ, очевидно, событія принимали все болѣе тревожный характеръ. Наружныя, наиболѣе быстро движущіяся платформы-улицы, теперь были окрашены въ ярко-красный цвѣтъ. Приблизившись къ балкону, этотъ красный потокъ разсыпался на безчисленное множество отдѣльныхъ красныхъ пятенъ и смѣшался съ темной массой толпы. Темная масса дрогнула, начала отступать, и въ то же время до стекляннаго мѣста донесся дикій ревъ, въ которомъ ясно слышались нотки безсильной ярости укрощеннаго звѣря.

— Впередъ! — воскликнулъ Говардъ, положивъ руку на плечо Грэма.

Въ это мгновеніе мимо моста снова пронеслась по кабелю человѣческая фигура. Грэмъ невольно взглянулъ наверхъ, чтобы уяснить себѣ, откуда являются эти человѣческіе метеоры. Сквозь стеклянную крышу моста и густую сѣть всевозможныхъ проводниковъ онъ смутно различилъ какія-то ритмически движущіяся тѣла, напомнившія ему крылья вѣтреныхъ мельницъ. А далеко вверху свѣтлѣло блѣдное небо. Но Говардъ энергично тащилъ его впередъ, къ концу моста.

— Дайте мнѣ посмотрѣть...—сказалъ Грэмъ, упираясь.—Но Говардъ продолжалъ тянуть его за собой, а сопровождавшіе ихъ люди въ красной формѣ наступали съ такимъ энергичнымъ видомъ, что Грэмъ поневолѣ долженъ былъ подчиниться. Они вошли въ узкій коридоръ, стѣны котораго были покрыты различными геометрическими фигурами.

Въ концѣ коридора появилось нѣсколько негровъ, одѣтыхъ въ странные мундиры съ желтыми и черными полосами, которыя дѣлали ихъ похожими на осъ. Одинъ изъ негровъ открылъ раздвижную дверь, черезъ которую Грэмъ и Говардъ вошли въ широкую галлерею. Эта галлерея была похожа на переднюю. На другомъ концѣ галлереи Грэмъ увидѣлъ огромную, величественную арку, закрытую тяжелымъ занавѣсомъ. Сквозь щель этого занавѣса было видно великолѣпное, гигантское помѣщеніе. У занавѣса и около колоннъ, поддерживавшихъ своды боковыхъ лѣстницъ, неподвижно стояли бѣлые люди и негры въ полосатыхъ осиныхъ мундирахъ.

Когда они проходили черезъ галлерею, Грэмъ слышалъ шопотъ:

— Спящій!

И видѣлъ, какъ всѣ встрѣчали и провожали его любопытными взглядами. Черезъ небольшую боковую дверь они вошли въ узкій коридоръ, окруженный желѣзными рѣшетками; этотъ коридоръ кольцомъ шелъ вокругъ того зала, который Грэмъ видѣлъ сквозь тяжелый занавѣсъ. Негръ, открывшій дверь въ этотъ коридоръ, безшумно закрылъ ее за ними.

Въ сравненіи со всѣми помѣщеніями, которыя до сихъ поръ пришлось видѣть Грэму, этотъ залъ поражалъ богатствомъ убранства. Въ концѣ зала, на высокомъ пьедесталѣ, облитая яркимъ свѣтомъ, возвышалась гигантская бѣлая фигура Атласа, съземнымъ шаромъ на согнутой спинѣ. Эта статуя сразу поразила Грэма какъ своими размѣрами, такъ и совершенствомъ выполненія. Кромѣ статуи и небольшого возвышенія въ серединѣ, залъ былъ совершенно пустъ. Это возвышеніе находилось далеко отъ статуи; весь залъ отличался такой гармоничностью линій, что о его размѣрахъ трудно было бы составить себѣ опредѣленное понятіе, если бы на возвышеніи не стояли семь мужскихъ фигуръ. Только эти человѣческія фигуры говорили о чудовищныхъ размѣрахъ зала. Люди, одѣтые въ бѣлые плащи, стояли вокругъ стола. Очевидно, они только что поднялись съ своихъ креселъ. Всѣ они неподвижно глядѣли на Грэма. На одномъ концѣ стола сверкали какіе-то инструменты.

Говардъ прошелъ по галлереѣ до тѣхъ поръ, пока они не оказались какъ разъ противъ статуи Атласа. Здѣсь они оста-

новились. По обѣимъ сторонамъ Грэма вытянулись фигуры въ красныхъ мундирахъ.

— Вы должны остаться здѣсь, — пробормоталъ Говардъ,— всего нѣсколько минутъ.—И, не ожидая отвѣта, онъ быстро удалился по коридору.

— Позвольте! Послушайте...

Грэмъ бросился было вслѣдъ за Говардомъ, но одинъ изъ красныхъ людей загородилъ ему дорогу и сказалъ:

— Вы останетесь здѣсь!

— Зачѣмъ?

— Таковъ приказъ!

— Чей приказъ?

— Нашъ приказъ!

Все озлобленіе Грэма выразилось въ его взглядѣ. Черезъ секунду онъ спросилъ:

— Что это за помѣщеніе? Кто эти люди?

— Это члены совѣта.

— Какого совѣта?

— Совѣта.

Грэмъ понялъ, что здѣсь онъ не добьется толковаго отвѣта. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ и сталъ глядѣть на людей въ бѣлыхъ плащахъ.

Совѣтъ? Теперь ихъ было восемь, хотя онъ не замѣтилъ, откуда явился восьмой. Они перешептывались между собою и глядѣли на него, какъ въ XIX вѣкѣ люди глядѣли на воздушный шаръ. Что это былъ за совѣтъ? Эта небольшая группа людей, собравшихся около гигантскаго бѣлаго Атласа въ таинственномъ залѣ, куда, очевидно, не могли проникнуть посторонніе люди. Зачѣмъ его привели сюда, зачѣмъ на него глядятъ, какъ на рѣдкаго звѣря?

Внизу показался Говардъ, который быстро шелъ къ возвышенію. Приблизившись къ совѣту, онъ низко поклонился и продѣлалъ рядъ странныхъ движеній, которыя, очевидно, составляли своего рода церемоніалъ. Затѣмъ онъ по ступенькамъ поднялся на возвышеніе и остановился около инструментовъ у конца стола.

Члены совѣта продолжали шопотомъ разговаривать, пристально глядя на Грэма. Время тянулось мучительно медленно. Ни одного слова не долетало до рѣшетчатаго коридора. Грэмъ сталъ разсматривать стѣны зала. Эти стѣны состояли изъ длинныхъ панелей, красиво разрисованныхъ въ японскомъ вкусѣ и вставленныхъ въ художественныя рамы изъ темнаго металла. Въ общемъ все помѣщеніе производило сильное впечатлѣніе. Когда Грэмъ снова взглянулъ на совѣтъ, Говардъ

сходилъ со ступеней возвышенія. Онъ казался сильно возбужденнымъ, и черты его лица еще носили слѣды волненія, когда онъ появился въ коридорѣ около Грэма.

— Сюда!—коротко сказалъ Говардъ, послѣ чего всѣ молча пошли къ небольшой двери, которая открылась при ихъ приближеніи.

Люди въ красномъ остановились въ коридорѣ, а Грэмъ и Говардъ вошли въ дверь, которая тяжело захлопнулась за ними. Оглянувшись назадъ, Грэмъ успѣлъ замѣтить, что одѣтые въ бѣлые плащи члены совѣта все еще стоятъ тѣсной группой и глядятъ ему вслѣдъ.

Говардъ открылъ другую дверь, за которой оказалась комната, гдѣ преобладали бѣлый и зеленый цвѣта.

— Что это за совѣтъ?—спросилъ Грэмъ.—О чемъ они совѣщались? Что имъ отъ меня нужно?

Говардъ тщательно затворилъ за собой дверь, глубоко вздохнулъ и что-то пробормоталъ шопотомъ. Затѣмъ онъ прошелся по комнатѣ, обернулся къ Грэму и еще разъ глубоко облегченно вздохнулъ. Грэмъ молча, выжидательно глядѣлъ на него.

— Вы должны имѣть въ виду,—заговорилъ Говардъ, старательно избѣгая взгляда Грэма,—что нашъ соціальный строй отличается большой сложностью. Если бы я захотѣлъ ограничиться нѣсколькими общими фразами, то вы рѣшительно ничего бы не поняли. Скажу одно: на то состояніе, которое двѣсти лѣтъ тому назадъ принадлежало вамъ, и на деньги, оставшіяся послѣ вашего двоюроднаго брата Ворминга, за двѣсти лѣтъ накопились громадные проценты, которые, вмѣстѣ съ процентами на проценты, теперь составляютъ очень и очень большой капиталъ. Кромѣ того, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыхъ вы сейчасъ не поймете, ваша личность пріобрѣла совершенно исключительное громадное соціальное значеніе. Это значеніе настолько велико, что отъ васъ отчасти зависитъ судьба міровой политики.

Онъ замолчалъ, какъ бы не находя дальнѣйшихъ словъ.

— Что же дальше?—спросилъ Грэмъ.

— У насъ сейчасъ происходятъ народныя волненія.

— Дальше.

— Дошло до того, что... словомъ, мы вынуждены на нѣкоторе время запереть васъ въ этихъ комнатахъ.

— Арестовать меня?!—воскликнулъ Грэмъ.

— Нѣтъ, но... мы должны просить васъ остаться здѣсь на нѣкоторое время.

— До тѣхъ поръ, пока я освоюсь съ вашими соціальными условіями?

— Совершенно вѣрно. И вы можете быть покойны: здѣсь васъ никто не тронетъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Это длинная исторія. Вы все узнаете въ свое время.

— Я требую, чтобы вы все мнѣ сказали теперь. Вы только что упомянули о томъ, что я занимаю выдающееся положеніе. Я требую, чтобы вы мнѣ все объяснили. Что значили тѣ крики, которые я слышалъ съ балкона? Почему мое пробужденіе такъ взволновало народъ?

— Вы все узнаете въ свое время,—повторилъ Говардъ.— Прошу васъ, не волнуйтесь. Мы переживаемъ одинъ изъ тѣхъ бурныхъ періодовъ, когда бываетъ трудно сохранить хладнокровіе. Ваше пробужденіе... Никто не ожидалъ вашего пробужденія. Совѣтъ обсуждаетъ создавшееся положеніе.

— Какой совѣтъ?

— Тотъ совѣтъ, который вы видѣли.

Грэмъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и сказалъ:

— Это возмутительно! Вы должны мнѣ объяснить, что здѣсь происходитъ.

— Вы все узнаете въ свое время. Но пока вамъ нужно успокоиться и терпѣливо ждать.

Грэмъ сѣлъ и сказалъ съ видомъ спокойнаго отчаянія:

— Прежде, чѣмъ начать эту новую жизнь, я прождалъ двѣсти лѣтъ. Попробую подождать еще немного.

— Это будетъ самое благоразумное, что вы можете сдѣлать,— сказалъ Говардъ,—самое благоразумное. А теперь я долженъ васъ покинуть на нѣкоторое время. Мое присутствіе необходимо для совѣта. Извините меня.

Онъ направился къ двери. На порогѣ онъ обернулся, хотѣлъ что-то сказать, но затѣмъ раздумалъ, вышелъ и закрылъ за собою дверь.

Грэмъ подошелъ къ двери и попробовалъ отворить ее, но это ему не удалось. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и затѣмъ опустился въ кресло. Его мозгъ работалъ лихорадочно. Колоссальное богатство, которымъ онъ долженъ былъ теперь владѣть... какое-то политическое значеніе, о которомъ говорилъ Говардъ... движущіяся улицы... ревущая толпа... таинственные аппараты... Совѣтъ бѣлыхъ людей въ въ грандіозномъ залѣ Атласа... все это было несомнѣнной дѣйствительностью и въ то же время все это было скорѣе похоже на фантастическій сонъ. Онъ случайно взглянулъ прямо передъ собой, увидѣлъ въ зеркалѣ свое отраженіе и невольно всталъ: передъ нимъ стояла красивая фигура, одѣтая въ изящный костюмъ изъ пурпурной и бѣлой матеріи;

сѣдѣющая борода была подстрижена острымъ клиномъ, усы—красиво закручены, волосы—причесаны оригинально, но очень изящно. Онъ самъ себя не узнавалъ. Онъ улыбнулся и невольно подумалъ:

„Хорошо было бы отправиться въ такомъ видѣ къ Вормингу и пойти съ нимъ обѣдать въ ресторанъ!“

Вслѣдъ за тѣмъ онъ вспомнилъ, что всѣ люди, которыхъ онъ когда-то зналъ, давно умерли. Передъ нимъ вихремъ пронеслись впечатлѣнія послѣднихъ часовъ, и онъ сразу, съ неумолимой, жестокой ясностью понялъ, насколько онъ одинокъ въ этомъ новомъ, чуждомъ для него мірѣ, насколько онъ слабъ и ничтоженъ...

VII.

Въ комнатахъ тишины.

Несмотря на свою усталость, Грэмъ съ любопытствомъ принялся за осмотръ своихъ комнатъ. Одна изъ нихъ была очень высока, съ куполообразнымъ потолкомъ, въ серединѣ котораго поднималась высокая шахта. Въ этой шахтѣ непрерывно двигались лопасти вентилятора, очевидно, снабжавшаго комнату свѣжимъ воздухомъ. Тихій, журчащій шумъ этого вентилятора былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ безмолвіе, царившее въ комнатахъ. Наблюдая за медленно двигавшимися лопастями, Грэмъ съ изумленіемъ увидѣлъ блеснувшую между ними звѣзду на темномъ фонѣ неба. Это открытіе заставило его оглядѣться въ комнатѣ болѣе внимательно. Оказалось, что въ комнатѣ совсѣмъ не было оконъ, и что ровный, мягкій свѣтъ лился отъ безчисленныхъ крошечныхъ электрическихъ лампочекъ, помѣщенныхъ по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ комнаты. Теперь Грэмъ вспомнилъ, что до сихъ поръ онъ ни въ одномъ коридорѣ, ни въ одномъ помѣщеніи не замѣтилъ оконъ, черезъ которыя эти помѣщенія могли бы получать свѣтъ. Правда, онъ замѣтилъ нѣсколько небольшихъ оконъ, выходившихъ на улицу, но эти окна уже по своимъ размѣрамъ не могли служить для цѣлей освѣщенія. Это открытіе подняло въ немъ цѣлый вихрь вопросовъ. Можетъ-быть, городъ равномѣрно освѣщается въ теченіе круглыхъ сутокъ, такъ что его жители не знаютъ ни дня ни ночи? Можетъ-быть, весь городъ искусственно отапливается зимой и охлаждается лѣтомъ? Во всякомъ случаѣ, онъ нигдѣ не видѣлъ ни каминовъ, ни трубъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ всѣ гладкія стѣны, въ которыхъ его поразило отсутствіе какихъ бы то ни было рисунковъ или

орнаментовъ. Простая, но удобная кровать была снабжена приспособленіями, которыя исключали всякую необходимость посторонней помощи. Въ комнатѣ оказались нѣсколько удобныхъ креселъ и легкій столъ на резиновыхъ колесикахъ, на которомъ стояли нѣсколько бутылокъ, стакановъ и двѣ тарелки съ какимъ-то прозрачнымъ, студенистымъ веществомъ. Къ своему удивленію, онъ нигдѣ на находилъ ни книгъ, ни газетъ, ни письменныхъ принадлежностей.

„Да, — подумалъ онъ, — жизненныя условія сильно измѣнились“.

Въ другой комнатѣ цѣлая стѣна была покрыта рядами полуцилиндровъ, съ зелеными надписями по бѣлому фону. Эти цилиндры какъ бы дополняли декоративное устройство комнаты. Въ серединѣ этой стѣны въ комнату выдавался небольшой аппаратъ, съ гладкой поверхностью приблизительно въ половину квадратнаго метра. Передъ этимъ бѣлымъ аппаратомъ стоялъ стулъ.

Надписи на цилиндрахъ были для него совершенно непонятны. Послѣ долгихъ усилій онъ на одномъ изъ цилиндровъ кое-какъ разобралъ слѣды искаженной фразы:

„*Человѣкъ котхот быткорол*“.

Онъ догадался, что это—заглавіе повѣсти, которая была извѣстна еще въ XIX вѣкѣ: *Человѣкъ, который хотѣлъ быть королемъ*.

Однако какое отношеніе имѣетъ къ этой повѣсти цилиндръ? Онъ разобралъ еще два заглавія: *Темное сердце* и *Мадонна будущаго*, хотя эти заглавія были ему совершенно неизвѣстны. Затѣмъ онъ занялся квадратнымъ бѣлымъ аппаратомъ. Онъ открылъ какую-то крышку, подъ которой оказался полуцилиндръ, совершенно одинаковый съ полуцилиндрами, покрывавшими стѣну комнаты. Здѣсь же помѣщалась кнопка электрическаго звонка. Онъ нажалъ на кнопку. Что-то щелкнуло, затѣмъ раздались голоса, звуки музыки, и на бѣломъ квадратѣ аппарата появились какія-то цвѣтныя очертанія. Теперь ему стало ясно, что это за аппаратъ.

На гладкой квадратной площади отчетливо вырисовалась ярко окрашенная картина, всѣ фигуры которой жили и двигались. Впрочемъ, онѣ не только двигались, но и говорили. Получалось впечатлѣніе сцены, разсматриваемой въ бинокль. На экранѣ взадъ и впередъ ходилъ молодой человѣкъ, который сердито разговаривалъ съ хорошенькой женщиной. Оба были одѣты въ такіе же живописные костюмы, какіе Грэмъ видѣлъ вокругъ себя послѣ своего пробужденія. „Я работалъ,—кричалъ молодой человѣкъ,—а что дѣлала ты?“

— Ага!—сказалъ Грэмъ и сѣлъ на стулъ противъ экрана. Скоро ему пришлось услышать, какъ фигурки на экранѣ заговорили о немъ самомъ, о „Спящемъ“, и, когда по ходу событій нужно было намекнуть, что то-то никогда не случится, раздалась насмѣшливая фраза: „Это будетъ, когда Спящій пробудится“. Такимъ образомъ, Грэмъ самъ почувствовалъ себя безконечно далекимъ, невѣроятнымъ. Наконецъ миніатюрная драма кончилась и квадратная поверхность аппарата снова стала бѣлой, чистой.

Онъ протеръ себѣ глаза. Онъ такъ искренно увлекся этой удивительной замѣной книги, что теперь какъ будто вторично пробудился отъ сна. Эти фигурки на экранѣ говорили о Спящемъ, говорили о немъ... онъ старался припомнить каждое ихъ слово, каждое ихъ движеніе, но чѣмъ больше онъ вспоминалъ, тѣмъ больше у него мѣшались мысли...

Онъ вернулся въ спальню и сталъ глядѣть въ промежутки между лопастями вентилятора. Теперь небо было совершенно черное, усѣянное свѣтлой пылью крошечныхъ звѣздъ...

Онъ снова принялся за подробный осмотръ комнатъ. Хотя чувствовалъ себя очень утомленнымъ, но любопытство превозмогло усталость. Несмотря на всѣ усилія, ему не удалось открыть входную дверь. Нигдѣ не было видно ни кнопки звонка, ни какого-нибудь другого приспособленія, при помощи котораго можно было вызвать прислугу. Вся эта таинственность, конечно, возбуждала его любопытство еще сильнѣе. Онъ едва могъ сдерживать свое нетерпѣніе до прихода кого-нибудь.

Чтобы разсѣяться, онъ пошелъ въ комнату съ аппаратомъ. Скоро ему удалось разобраться въ механизмѣ, который позволялъ мѣнять цилиндры. Онъ перемѣнилъ нѣсколько цилиндровъ. Одинъ изъ нихъ воспроизвелъ оперу, оказавшуюся старымъ Тангейзеромъ, лишь слегка передѣланнымъ на новые нравы. Эта передѣлка такъ обидѣла Грэма, что онъ сталъ нажимать въ аппаратѣ разные рычаги и кнопки, чтобы остановить его. Это удалось, но когда онъ замѣнилъ цилиндръ другимъ, то механизмъ оказался испорченнымъ, и аппаратъ не дѣйствовалъ...

Тогда Грэмъ принялся ходить по комнатѣ, стараясь по возможности привести въ порядокъ свои мысли.

„Мы въ свое время работали для будущаго,—разсуждалъ онъ.—Мы положили основаніе этому будущему, создали его. Теперь это таинственное будущее открылось предо мной, стало для меня настоящимъ. Такъ вотъ оно, это „лучшее“ будущее! Гигантскія постройки, чудеса техники и... народное возстаніе, рукопашныя схватки на улицахъ! Та же разница между непомѣрной роскошью, съ одной стороны, и безысходной нище-

той—съ другой. Та же пропасть между различными слоями населенія. Объ этой пропасти ясно говоритъ та растерянность, которая овладѣла Говардомъ и другими господами, когда они узнали о волненіи на улицахъ. Они испугались. Значитъ, народъ ими не доволенъ. Значитъ, теперь въ Англіи условія соціальной жизни стали не лучше, а *хуже*, чѣмъ они были двѣсти лѣтъ тому назадъ...“

Всѣ эти мысли вихремъ проносились въ головѣ Грэма. Онъ едва держался на ногахъ отъ усталости, но въ то же время его нервы были до такой степени взвинчены, что онъ не могъ ни сидѣть ни вообще оставаться на одномъ мѣстѣ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, бродилъ вдоль стѣнъ комнатъ, все осматривалъ, ощупывалъ, и думалъ... думалъ...

Въ концѣ-концовъ усталость все-таки взяла свое. Грэмъ легъ на постель и въ то же мгновеніе уснулъ.

Оказалось, что Грэму предстояло очень основательно ознакомиться съ отведенными ему комнатами, потому что ему пришлось провести въ нихъ трое сутокъ. За это время къ нему заходилъ только одинъ Говардъ, который приносилъ ему пищу и разные напитки. Все это было очень вкусно, прекрасно поддерживало и возбуждало силы, но Грэмъ никакъ не могъ понять, изъ чего все это приготовлено. Говардъ неизмѣнно запиралъ за собою входную дверь, такъ что Грэмъ былъ лишенъ всякой возможности бросить наружу хотя бы одинъ взглядъ. Что происходило за этими стѣнами? Грэмъ нѣсколько разъ начиналъ разспрашивать Говарда о разныхъ вещахъ, и Говардъ охотно и любезно удовлетворялъ его любопытство, пока рѣчь шла о мелочахъ, о нравахъ и обычаяхъ. Но какъ только Грэмъ заговаривалъ о соціальномъ строѣ и другихъ крупныхъ вопросахъ, Говардъ очень вѣжливо и деликатно переводилъ разговоръ на другую тему.

Такимъ образомъ, у Грэма было достаточно времени для того, чтобы ломать себѣ голову надъ вопросомъ, почему его держатъ въ одиночномъ заключеніи, какія причины заставляютъ этихъ людей, сохранившихъ ему жизнь, заботящихся о немъ, скрывать отъ него свои порядки.

Постепенно онъ сталъ предлагать Говарду болѣе настойчивые и опредѣленные вопросы, но тотъ не сдавался и всегда находилъ отговорки. Онъ неизмѣнно указывалъ на то, что пробужденіе Грэма явилось полной неожиданностью, что оно случайно совпало съ бурнымъ періодомъ соціальнаго переворота.

— Чтобы объяснить вамъ все это, пришлось бы разсказывать исторію за полтора гросса лѣтъ,—заявилъ онъ.

— Я понимаю только одно,—сказалъ Грэмъ,—что они опасаются съ моей стороны какихъ-то выступленій. Такъ или иначе, но у меня есть могучая власть... или могла бы быть большая власть...

— Нѣтъ, не то. Власти у васъ нѣтъ. Но... право, я затрудняюсь объяснить это. За время вашего сна ваше состояніе выросло до такихъ размѣровъ, что вы, употребивъ его для той или другой цѣли, можете оказать вліяніе на событія. Кромѣ того, нѣкоторое давленіе могутъ оказать и ваши устарѣвшія понятія восемнадцатаго столѣтія.

— Девятнадцатаго!—поправилъ его Грэмъ.

— Это все равно. Во всякомъ случаѣ, эти понятія теперь совершенно непримѣнимы, потому что вы не знаете ни одной черты изъ нашего соціальнаго строя.

— Развѣ я глупъ?

— О, нѣтъ!

— Или, быть-можетъ, вы считаете меня способнымъ дѣйствовать легкомысленно?

— Тоже нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что до сихъ поръ никто вообще не допускалъ, что когда-нибудь вы будете дѣйствовать. Никто не представлялъ себѣ возможности вашего пробужденія. Совѣтъ принялъ всѣ извѣстныя мѣры противъ гніенія, окружилъ васъ особыми аппаратами. Мы были увѣрены въ томъ, что вы умерли, и видѣли въ сохраненіи вашего тѣла лишь любопытный для науки случай замедленія разложенія. И потомъ... впрочемъ, это трудно объяснить. Нельзя сразу... когда вы еще не совсѣмъ проснулись...

— Позвольте!—перебилъ его Грэмъ.—Допустимъ, что я во всемъ согласенъ съ вами. Я все-таки не понимаю, почему никто не хочетъ ознакомить меня съ условіями, среди которыхъ я проснулся? Почему не объясняютъ мнѣ, и днемъ и ночью, безъ перерыва, какъ теперь живутъ люди, какъ они устроили свои отношенія другъ къ другу. Почему? Я проснулся два дня тому назадъ и все еще знаю не больше, чѣмъ зналъ въ моментъ моего пробужденія!

Говардъ закусилъ губу и молчалъ.

— Вы не хотите отвѣчать? Что происходитъ на улицахъ? Зачѣмъ вы меня прячете отъ народа? Или, можетъ-быть, этотъ вашъ совѣтъ хочетъ сначала подвести итоги моему состоянію, которымъ онъ до сихъ поръ распоряжался? Что?

— Это предположеніе оскорбительно для совѣта!—серьезно замѣтилъ Говардъ.

— А! Что мнѣ за дѣло!—крикнулъ Грэмъ.—Но будьте увѣрены въ томъ, что людямъ, которые заперли меня въ эту

тюрьму, придется плохо! Имъ придется плохо! Я живъ. Не сомнѣвайтесь въ этомъ: я живъ! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ кровь въ моихъ жилахъ обращается быстрѣе, мои мысли дѣлаются опредѣленнѣе, яснѣе. И съ каждымъ часомъ растетъ мое недовольство, мое возмущеніе. Я—живой человѣкъ, и я хочу *жить!*

— Жить?!

При этихъ словахъ лицо Говарда прояснилось. Онъ подошелъ къ Грэму и ласково сказалъ ему:

— Увѣряю васъ, что совѣтъ держитъ васъ здѣсь для вашей же пользы. Но я васъ отлично понимаю. Я понимаю, что въ васъ кипятъ силы, которыя не находятъ себѣ примѣненія. Скажите, что вамъ нужно? Всякое ваше желаніе, всякій намекъ на желаніе будутъ немедленно исполнены... Вы хотите развлечься? Все къ вашимъ услугамъ. Найдутся тысячи способовъ...

Одну секунду Грэмъ колебался. Предъ нимъ соблазнительно мелькнули вино, женщины... Но онъ быстро стряхнулъ съ себя эти чары и крикнулъ:

— Нѣтъ! Я васъ понимаю! Вы хотите заглушить во мнѣ интересъ къ тому, что совершается за этими стѣнами. Вы хотите отвлечь мое вниманіе! Но это вамъ не удастся. Я хочу жить, но жить сознательной жизнью, а не жизнью кролика въ клѣткѣ!

Грэмомъ овладѣло бѣшенство. Онъ угрожающе размахивалъ кулаками, выкрикивалъ проклятья. Черезъ нѣкоторое время однако, онъ нѣсколько успокоился и снова заговорилъ связно хотя въ его тонѣ все еще слышалось сильное волненіе.

— Я не знаю, кто вы,—сказалъ онъ,—не знаю, какое вы занимаете положеніе. Вообще, я ничего не знаю. Вы держите меня въ полной темнотѣ. Но мнѣ совершенно ясно то, что вы заперли меня здѣсь не съ добрыми намѣреніями. И я предупреждаю васъ! Я предупреждаю васъ, что это насиліе надо мной не пройдетъ безнаказанно! Когда я буду у власти, я...

Онъ остановился. Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что такія угрозы могутъ оказаться для него роковыми. Говардъ глядѣлъ на него съ выраженіемъ загадочнаго любопытства.

— Вы желаете, чтобы я передалъ ваши слова совѣту?— спросилъ Говардъ.

Грэмъ почувствовалъ почти непреодолимое желаніе броситься на Говарда, оглушить его, подмять подъ себя. Но эта мысль, очевидно, слишкомъ ясно отпечатлѣлась на его лицѣ, потому что Говардъ однимъ прыжкомъ очутился у выхода. и

черезъ секунду дверь глухо захлопнулась за нимъ. Человѣкъ девятнадцатаго вѣка остался одинъ.

Нѣсколько мгновеній Грэмъ стоялъ въ какомъ-то столбнякѣ, высоко поднявъ сжатые кулаки. Когда оцѣпенѣніе прошло, онъ началъ метаться по комнатѣ, выкрикивая проклятія, въ безсильной ярости ударяя кулаками въ стѣны. Въ мгновенія, когда къ нему возвращалось сознаніе, онъ отчаянно вскрикивалъ:

— Дуракъ! Боже, какой я дуракъ!..

Черезъ нѣкоторое время сознаніе вернулось къ нему настолько, что онъ могъ болѣе или менѣе спокойно разсуждать о своемъ положеніи.

— Если меня заперли,—разсуждалъ онъ,—то, конечно, это сдѣлано на законномъ основаніи. Нельзя же допустить, чтобы черезъ двѣсти лѣтъ цивилизація не только не подвинулась впередъ, но даже ушла назадъ настолько, что соблюденіе законовъ перестало быть обязательнымъ!

Однако это утѣшительное соображеніе все еще не разрѣшало вопроса о томъ, чего этимъ людямъ нужно отъ него.

— Въ крайнемъ случаѣ... если мнѣ будетъ грозить серьезная опасность, я откажусь отъ всѣхъ своихъ правъ! — утѣшалъ себя Грэмъ.

Затѣмъ его мысли невольно обратились къ совѣту. Передъ нимъ вырисовалось загадочное лицо Говарда, скрывшагося съ такой поспѣшностью. Что могло все это предвѣщать? Во всякомъ случаѣ, мало хорошаго. Далѣе сама собою возникала мысль о побѣгѣ изъ этой тюрьмы. Но даже если бы ему удалось выбраться отсюда... куда онъ дѣнется въ этомъ чуждомъ для него мірѣ? Не говоря уже о томъ, что при данныхъ условіяхъ бѣгство вообще было невозможнымъ.

— Кому можетъ принести пользу моя смерть?

Эта мысль сверлила его мозгъ, какъ раскаленное желѣзо, но въ то же время онъ невольно вспоминалъ, что когда-то, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, другой совѣтъ произнесъ знаменательныя слова:

Во имя общаго блага пусть одинъ человѣкъ умретъ за народъ.

VIII.

Чердаки.

Прошло довольно много времени. Грэмъ стоялъ среди комнаты, подъ вентиляціонной шахтой, глядѣлъ на темное небо, мелькавшее между лопастями вентилятора, и слушалъ равномѣрные звуки, съ которыми двигались эти лопасти. Вдругъ

раздался чей-то голосъ. Грэмъ испуганно оглянулся, но никого не было. Голосъ раздался вторично. На этотъ разъ не оставалось сомнѣнія въ томъ, что кто-то кричитъ сверху. Онъ пристально вглядѣлся въ шахту и различилъ смутныя очертанія глядѣвшаго на него изъ-за вентилятора человѣка. Человѣкъ протянулъ руку, но она столкнулась съ лопастью вентилятора, и сейчасъ же въ комнату стала капать какая-то жидкость. Грэмъ нагнулся—на полу была кровь. Онъ взглянулъ наверхъ: фигура исчезла.

Грэмъ продолжалъ глядѣть въ шахту. На одно мгновеніе ночную тьму прорѣзалъ яркій лучъ свѣта. Въ немъ сверкнули нѣсколько снѣжинокъ, но прежде чѣмъ онѣ успѣли опуститься до вентилятора, свѣтъ погасъ и наверху снова все потонуло въ глубокой тьмѣ.

Грэмъ прошелся по комнатѣ, затѣмъ снова вернулся къ шахтѣ. Вдругъ снова мелькнула человѣческая фигура. Раздался какой-то металлическій звукъ, возня... глухой говоръ, и вентиляторъ остановился. Сверху ясно прозвучали слова:

— Не бойтесь. Мы желаемъ вамъ добра.

— Кто вы?—прошепталъ Грэмъ, не двигаясь съ мѣста.

Вмѣсто отвѣта человѣкъ осторожно опустилъ голову между лопастями вентилятора и сталъ пристально вглядываться въ Грэма. На его лицѣ было написано страшное напряженіе, жилы на лбу вздулись. Очевидно, онъ лишь съ большимъ трудомъ удерживался въ своемъ положеніи. Прошло нѣсколько секундъ. Затѣмъ сверху раздался голосъ:

— Вы были Спящій?

— Да,—отвѣтилъ Грэмъ.—Что вамъ угодно?

— Меня послалъ къ вамъ Острогъ, сэръ.

— Острогъ?

Человѣкъ въ шахтѣ повернулъ голову, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Вдругъ онъ слабо вскрикнулъ и едва успѣлъ отскочить наверхъ, какъ лопасти вентилятора снова двинулись. Грэмъ напряженно вглядывался въ темную пасть шахты, но не видѣлъ ничего, кромѣ лопастей, темнаго неба и рѣдкихъ снѣжинокъ.

Прошло около четверти часа. Опять раздался металлическій звукъ, опять остановился вентиляторъ, опять появилась человѣческая фигура. Грэмъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, едва помня себя отъ волненія.

— Кто вы?—спросилъ онъ.—Что вамъ нужно?

— Мы хотимъ говорить съ вами, сэръ, — сказалъ незнакомецъ.—Мы хотимъ... я не могу удерживать эту штуку! Всѣ эти три дня мы искали способъ проникнуть къ вамъ.

— Свобода?!—прошепталъ Грэмъ.—Бѣгство?
— Да, сэръ, если вамъ будетъ угодно.
— Вы принадлежите къ моей партіи... къ партіи Спящаго?
— Да, сэръ.
— Что я долженъ дѣлать?

Наверху послышалась возня. Въ шахтѣ появились ноги, и вслѣдъ за тѣмъ около Грэма грузно упалъ человѣкъ. Освобожденный вентиляторъ завертѣлся. Незнакомецъ вскочилъ, схватился рукой за ушибленное плечо и заговорилъ, не спуская съ Грэма блестящаго взора:

— Вы Спящій? Да, я узнаю васъ. Я видѣлъ васъ, когда законъ разрѣшалъ всѣмъ видѣть васъ.

— Да, я долго спалъ,—отвѣтилъ Грэмъ.—А теперь они заперли меня сюда. Здѣсь я сижу, по крайней мѣрѣ, три дня.

Незнакомецъ хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ насторожился, потомъ бросился къ двери. Въ его рукахъ сверкнуло металлическое острее, которымъ онъ сталъ наносить удары по петлямъ.

— Тише! Эй!—раздалось изъ шахты.

Грэмъ взглянулъ наверхъ. Тамъ показались двѣ ноги. Не успѣлъ Грэмъ отступить въ сторону, какъ на него обрушилась какая-то тяжесть, подъ которой онъ упалъ на полъ. Онъ быстро поднялся на колѣни и увидѣлъ около себя другого человѣка.

— Простите, сэръ,—сказалъ второй незнакомецъ.—Я васъ не замѣтилъ сверху!

Съ этими словами онъ бросился поднимать Грэма. Въ шахтѣ раздались громкіе металлическіе звуки. Черезъ нѣсколько мгновеній къ ногамъ Грэма упала лопасть вентилятора.

— Что это?—смущенно воскликнулъ Грэмъ.—Кто вы? Что вы хотите дѣлать? Я ничего не понимаю.

— Отойдите, — сказалъ незнакомецъ, осторожно увлекая Грэма въ сторону отъ вентилятора. Почти въ то же мгновеніе сверху упалъ еще кусокъ металла.

— Мы пришли за вами!—взволнованно сказалъ незнакомецъ, Грэмъ взглянулъ на него и замѣтилъ, что на его лбу краснѣла свѣжая рѣзаная рана, изъ которой медленно катились капельки крови.

— Вашъ народъ зоветъ васъ!

— Вы пришли за мной?.. Мой народъ?! Куда вы меня зовете?

— На улицы, на площади. Здѣсь ваша жизнь въ опасности. У насъ вездѣ есть свои шпіоны. Мы, къ счастью, во-время все узнали. Совѣтъ сегодня... только что рѣшилъ васъ усы-

пить или убить. Все готово для этого. Но и у насъ все готово. Народъ, флюгерная полиція, инженеры, половина уличныхъ начальниковъ—на нашей сторонѣ. Площади переполнены, всѣ ждутъ васъ. Весь городъ возсталъ противъ совѣта. У насъ есть оружіе. А здѣсь васъ каждую секунду могутъ...

Онъ вытеръ рукой кровь со своего лба.

— Оружіе? Зачѣмъ?

— Народъ возсталъ, чтобы защитить васъ. Что?

Онъ обернулся, услышавъ возгласъ незнакомца, спустившагося изъ шахты первымъ. Первый незнакомецъ знаками показывалъ имъ, что надо спрятаться, и самъ хотѣмъ броситься въ сторону, какъ вдругъ дверь открылась и показался Говардъ, съ небольшой лепешкой въ рукѣ. Онъ вздрогнулъ, хотѣлъ попятиться назадъ, но въ то же мгновеніе дверь за нимъ захлопнулась, а самъ онъ упалъ, пораженный металлическимъ остреемъ въ високъ. Человѣкъ, ударившій его, нагнулся, поглядѣлъ ему въ лицо и затѣмъ снова занялся своей работой у двери.

— Это вашъ ядъ!—произнесъ второй незнакомецъ, указывая Грэму на откатившуюся въ сторону лепешку.

Внезапно погасли всѣ лампочки. Слабый, мерцающій свѣтъ едва брезжилъ у верхняго конца шахты. Грэмъ видѣлъ, какъ тамъ мелькали темныя фигуры. Потомъ появилась рука, державшая небольшой факелъ, и въ комнату опустилась лѣстница.

Грэмъ ничего не понималъ, но эти таинственные люди дѣйствовали настолько рѣшительно и быстро, ихъ слова такъ совпадали съ его собственнымъ чувствомъ страха передъ совѣтомъ, такъ отвѣчали его желанію бѣжать, что онъ былъ готовъ слѣпо подчиняться имъ.

— Я не знаю, что вы отъ меня хотите,—сказалъ онъ,—но я вамъ вѣрю. Скажите, что я долженъ дѣлать.

Человѣкъ съ разсѣченнымъ лбомъ схватилъ его за локоть и прошепталъ:

— Скорѣе взбирайтесь по этой лѣстницѣ. Скорѣе! Они узнали, что мы здѣсь!..

Грэмъ оглянулся въ сторону двери, около которой все еще работалъ первый незнакомецъ, потомъ взялся руками за лѣстницу и сталъ быстро подниматься по ней. Сверху къ нему протянулось нѣсколько рукъ и черезъ мгновеніе онъ уже стоялъ около шахты, на чемъ-то твердомъ, холодномъ и скользкомъ.

Онъ невольно вздрогнулъ. Наверху было очень холодно. Его окружали шесть-семь человѣкъ. На его лицо и руки падали хлопья снѣга и тотчасъ таяли. На одинъ мигъ сверкнулъ

какой-то лиловатый свѣтъ, но затѣмъ все снова погрузилось въ темноту.

Грэмъ понялъ, что онъ очутился на крышѣ одного изъ грандіозныхъ городскихъ зданій. Крыша была плоская, и по всѣмъ направленіямъ тянулись чудовищные кабели. Какъ призраки, выступали изъ темноты лопасти безчисленныхъ вѣтряныхъ колесъ, которыя стучали и жужжали на тысячи ладовъ. Кое-гдѣ вспыхивали блѣдныя искры какихъ-то таинственныхъ машинъ.

Кто-то накинулъ на Грэма толстый, теплый плащъ и пристегнулъ его ремнями къ плечамъ и около пояса. Всѣ говорили отрывисто, но рѣшительно. Не успѣлъ онъ собраться съ мыслями, какъ какая-то темная фигура взяла его за руку, сказала:

— Идите сюда!—И потянула его впередъ. Грэмъ повиновался.

— Осторожнѣе! — произнесъ тотъ же голосъ, когда Грэмъ споткнулся о кабель.—Идите между кабелями, а не черезъ нихъ. Скорѣе, скорѣе!

— Гдѣ народъ?—спросилъ Грэмъ.—Мнѣ сказали, что меня ждетъ мой народъ?

Его проводникъ не отвѣчалъ. Онъ выпустилъ руку Грэма и быстро шелъ впереди, указывая дорогу. Грэмъ бѣжалъ, едва поспѣвая за нимъ. Они добрались до прохода, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышались металлическія перила, и свернули въ него. Грэмъ оглянулся, но за падающимъ снѣгомъ не могъ различить, слѣдуютъ ли за ними другіе люди.

— Скорѣе, скорѣе!—торопилъ проводникъ. Они побѣжали дальше. Около одного изъ вѣтряныхъ колесъ проводникъ предупредительно крикнулъ:

— Нагнитесь!—И они благополучно миновали огромный приводный ремень, который съ гуломъ несся куда-то отъ шкива ведущаго вѣтрянаго колеса.

— Сюда!

Они свернули въ коридоръ, заключенный въ металлическія стѣнки, добѣжали до зіяющаго темнаго обрыва, снова свернули въ сторону, потомъ выбрались на плоскую поверхность. Сквозь сѣроватый слой полурастаявшаго снѣга Грэмъ различилъ подъ своими ногами тускло мерцающіе, перебѣгающіе огоньки. Онъ невольно содрогнулся и въ первый разъ пожалѣлъ о томъ, что согласился бѣжать. Но проводникъ спѣшилъ впередъ и увлекалъ за собою Грэма. Они поднялись по какимъ-то скользкимъ ступенькамъ, къ стеклянному куполу, обогнули его. Снизу глухо доносились звуки музыки и Грэму

показалось, что тамъ танцуютъ люди... Они очутились среди чудовищныхъ вѣтряныхъ колесъ, изъ которыхъ одно было настолько велико, что его лопасти неожиданно появлялись и затѣмъ надолго исчезали въ темнотѣ. Наконецъ они очутились надъ площадью, гдѣ двигались такія же безконечныя платформы, какія Грэмъ видѣлъ съ балкона въ день своего пробужденія. Они на четверенькахъ проползли по скользкой стеклянной крышѣ, покрытой слоемъ талаго снѣга. Въ одномъ мѣстѣ стекло случайно оказалось чистымъ и когда Грэмъ взглянулъ внизъ, въ открывшуюся подъ нимъ пропасть, у него закружилась голова и онъ, несмотря на возгласы своего проводника, невольно легъ неподвижно. Далеко внизу, на неизмѣримой глубинѣ, двигались какія-то точки. Можно было только догадываться о томъ, что это люди, населявшіе городъ съ его вѣчнымъ, неизмѣннымъ искусственнымъ дневнымъ свѣтомъ, съ его странными движущимися улицами-платформами. Люди носились по висячимъ кабелямъ, толпились по хрупкимъ мостамъ. Казалось, будто онъ глядитъ въ гигантскій улей, наполненный людьми вмѣсто пчелъ. И отъ этой бездны его отдѣляло только стекло...

— Идемъ! Скорѣе! Скорѣе!—кричалъ ему проводникъ, и въ его голосѣ явно звучали нотки ужаса.

Грэмъ собралъ всѣ свои силы и поползъ дальше. Они добрались до вершины выпуклой крыши, скользнули внизъ по покатой ея сторонѣ, поднялись на ноги и стали подниматься по какой-то рѣшеткѣ. Грэмъ былъ доволенъ уже тѣмъ, что у него подъ ногами больше не было предательскаго стекла.

Воздухъ былъ наполненъ монотоннымъ шумомъ работающихъ вѣтряныхъ машинъ. Вдругъ въ этотъ шумъ ворвались рѣзкіе свистки, которые понеслись со всѣхъ сторонъ.

— Они насъ ищутъ! — въ дикомъ ужасѣ воскликнулъ проводникъ.—Спасайтесь!

И въ то же мгновеніе глубокая ночная тьма смѣнилась яркимъ дневнымъ свѣтомъ.

Среди падающаго снѣга, надъ вѣтряными колесами вырисовались высокія мачты, на которыхъ были прикрѣплены большіе бѣлые шары, испускавшіе потоки свѣта. Эти шары горѣли по всѣмъ направленіямъ, свѣтились всюду, куда только могъ проникнуть взоръ.

— Туда! Наверхъ! — крикнулъ проводникъ Грэма, указывая на темную полосу металлической рѣшетки, совершенно свободной отъ снѣга. Грэмъ бросился къ этой полосѣ. Сквозь подошвы подъ ногами онъ ощутилъ что-то теплое, и въ то же время снизу поднялись легкіе клубы пара. Проводникъ,

не оглядываясь, бѣжалъ впередъ, къ слѣдующему ряду вѣтряныхъ колесъ. Грэмъ, весь охваченный чувствомъ страха передъ надвигающейся опасностью, напрягалъ послѣднія силы, чтобы не отставать отъ своего проводника...

Нѣсколько минутъ они бѣжали среди движущихся лопастей, приводныхъ ремней и рычаговъ, въ лабиринтѣ фантастическихъ тѣней. Вдругъ проводникъ юркнулъ въ сторону и скрылся въ глубокой тѣни у подножія громаднаго вѣтряного двигателя. Повинуясь инстинкту самоохраненія, Грэмъ черезъ нѣсколько секундъ очутился около него.

Они оба прижались къ желѣзному переплету и осторожно оглядывались по сторонамъ.

— Они бросились въ погоню за нами! — прошепталъ проводникъ.—Мы не сдѣлали еще и половины пути. Однако, ничего не подѣлаешь. Сейчасъ очень холодно, но мы должны обождать здѣсь нѣкоторое время... по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока снѣгъ пойдетъ гуще...

У нихъ обоихъ стучали зубы.

— Гдѣ же рынки?—спросилъ Грэмъ.—Гдѣ народъ?

Проводникъ ничего не отвѣчалъ.

— Смотрите? Что это?!—тихо воскликнулъ Грэмъ, и при этомъ невольно прижался къ своему спутнику.

Изъ-за крутящихся хлопьевъ снѣга на темномъ небѣ вырисовалось какое-то тѣло, которое быстро увеличивалось въ объемѣ и, очевидно, опускалось внизъ. Скоро Грэмъ различилъ медленно взмахивавшія огромныя крылья и стлавшійся за таинственнымъ тѣломъ хвостъ бѣлаго пара. Тѣло на мгновеніе повисло въ воздухѣ неподвижно, потомъ немного поднялось и стало описывать большіе горизонтальные круги. Грэмъ успѣлъ разглядѣть что-то въ родѣ клѣтки, въ которой смутно вырисовывались двѣ человѣческія фигуры. Грэму показалось, что эти фигуры держатъ въ рукахъ большія зрительныя трубы. Черезъ минуту странная машина удалилась и едва вырисовывалась вдали, въ видѣ темной точки.

— Теперь можно! — воскликнулъ проводникъ. — Скорѣе! Бѣжимъ!

Онъ потянулъ Грэма за рукавъ и оба побѣжали дальше, извиваясь между разными двигателями и приводами. Вдругъ проводникъ остановился, и такъ неожиданно, что Грэмъ налетѣлъ на него. Въ нѣсколькихъ метрахъ впереди открывалась темная пропасть, которая тянулась въ обѣ стороны и совершенно преграждала имъ путь.

— Слѣдуйте за мной! — шепнулъ проводникъ.—Затѣмъ онъ легъ, подползъ къ краю обрыва, спустилъ сначала одну ногу,

нащупалъ что-то, спустился всѣмъ тѣломъ и исчезъ. Черезъ мгновеніе показалась его голова.

— Это край крыши!—раздался его шопотъ.—Здѣсь мы можемъ все время пробираться въ тѣни. Ползите за мной!

Послѣ краткаго колебанія Грэмъ опустился на четвереньки, подползъ къ обрыву, спустилъ ноги, съ замираніемъ сердца, старался нащупать что-нибудь твердое и только что собирался снова подняться на крышу, когда его снизу обхватилъ руками проводникъ и осторожно увлекъ къ себѣ. Сначала ему показалось, что онъ падаетъ въ пропасть, но черезъ мгновеніе его ноги уже стояли въ жидкой грязи, наполнявшей желобъ крыши. Онъ невольно прижался всѣмъ тѣломъ къ невысокой стѣнѣ, съ которой онъ только что спустился.

— Скорѣе, пойдемте!—раздался около него шопотъ проводника, и они стали пробираться вдоль скользкаго желоба, едва удерживая равновѣсіе. Такъ они, ощупью, пробирались впередъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, но Грэму показалось, что они идутъ среди глубокой тьмы, среди холода и снѣга, много, много лѣтъ. Отъ усталости и волненія онъ не чувствовалъ больше ни рукъ ни ногъ.

Желобъ началъ спускаться внизъ. Надъ ними поднимались какія-то бѣлыя тѣни, похожія не то на занавѣшенныя окна, не то на привидѣнія. Вдругъ проводникъ схватилъ Грэма за руку и едва слышно шепнулъ:

— Тише!

Грэмъ взглянулъ наверхъ и различилъ на темномъ фонѣ неба гигантскія крылья летательной машины. Крылья безшумно взмахнули нѣсколько разъ и исчезли.

— Не шевелитесь! Они поворачиваютъ.

Оба прижались къ стѣнѣ и остались недвижимы. Черезъ нѣсколько секундъ спутникъ Грэма осторожно приподнялся, нащупалъ тянувшійся вдоль стѣны толстый кабель и сталъ что-то дѣлать надъ нимъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ Грэмъ.

Въ отвѣтъ раздался легкій крикъ. Проводникъ растянулся вдоль желоба и лихорадочно работалъ надъ кабелемъ, глядя въ то же время на небо. Грэмъ невольно взглянулъ туда же. Вдали, едва замѣтной точкой, онъ различилъ летательную машину. Затѣмъ онъ увидѣлъ, какъ она повернулась къ нимъ, какъ широко раскинулись ея огромныя крылья и какъ она стала быстро приближаться, увеличиваясь въ объемѣ съ каждымъ мгновеніемъ. Она долетѣла до дальняго конца желоба, повернула въ горизонтальномъ направленіи и полетѣла вдоль желоба прямо къ нимъ.

Движенія проводника сдѣлались судорожными. Онъ бросилъ Грэму какой-то металлическій крестъ, который Грэмъ не видѣлъ въ темнотѣ, но быстро ощупалъ руками. Этотъ крестъ оказался прикрѣпленнымъ къ кабелю тонкими шнурами. На шнурахъ висѣли двѣ рукояти изъ какого-то эластичнаго вещества, напоминавшаго резину.

— Садитесь на крестъ!—истерично шепнулъ проводникъ.— Зажмите руками рукоятки! Сильнѣе зажмите!

Грэмъ быстро повиновался.

— Прыгайте!—раздался шопотъ.—Ради всего святого, прыгайте!!

Грэмъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но оставался неподвижнымъ. Онъ больше чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ, какъ сзади приближалась страшная летательная машина.

— Прыгайте! Прыгайте... Ради Самого Бога! Или мы погибли! — крикнулъ проводникъ и въ то же мгновеніе сильно толкнулъ Грэма въ спину.

Грэмъ отчаянно вскрикнулъ и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда летательная машина очутилась надъ ними, онъ ринулся въ темную пропасть, сидя на металлическомъ крестѣ, судорожно обхвативъ рукоять. Надъ нимъ что-то загрохотало, съ трескомъ ударилось о стѣну. Онъ слышалъ какіе-то крики, кто-то старался сзади схватить его... но онъ неудержимо, съ головокружительной быстротой падалъ внизъ. Вся его сила сосредоточилась въ рукахъ. Ему хотѣлось кричать, но онъ не могъ, потому что задыхался.

Черезъ мгновеніе онъ очутился въ пространствѣ, залитомъ свѣтомъ. Подъ нимъ мелькнули движущіяся платформы улицъ, освѣтительные шары. Мимо него пронеслись хрупкіе балконы и переходные мосты. Затѣмъ онъ снова погрузился въ темноту и все падалъ... падалъ. Вдругъ... онъ влетѣлъ въ ярко освѣщенное огромное пространство, наполненное ревущей толпой.

Народъ! Его народъ! Ему навстрѣчу неслось возвышеніе, напоминавшее сцену. Онъ чувствовалъ, какъ его полетъ все болѣе и болѣе замедлялся. Онъ уже различалъ отдѣльные возгласы:

— Спасенъ! Властелинъ! Господинъ! Онъ спасся!

Его паденіе все замедлялось. Потомъ... сзади него раздался дикій крикъ проводника, несшагося вслѣдъ за нимъ, и этому крику отвѣтили тысячи криковъ снизу. Грэмъ почувствовалъ, что онъ больше не скользитъ по кабелю, а падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Все помѣщеніе наполнилось отчаянными криками и воплями. Потомъ... тяжелое паденіе...

Ему хотѣлось лежать неподвижно, но его подняли и куда-то понесли. Когда онъ снова пришелъ въ себя, онъ стоялъ на ногахъ, поддерживаемый десятками заботливыхъ рукъ. Онъ стоялъ въ какой-то большой нишѣ на возвышеніи. Позднѣе ему казалось, что это былъ остатокъ ложи бенуара отъ прежняго театра.

Воздухъ былъ наполненъ ревомъ и криками тысячной толпы.

— Это Спящій! Спящій съ нами! Властитель съ нами! Господинъ съ нами! Онъ спасенъ!

Грэмъ не могъ разглядѣть отдѣльныхъ лицъ. Передъ нимъ колыхалось безбрежное море головъ, машущихъ рукъ и развѣвающихся одеждъ. Вдали вырисовывались балконы, галлереи, огромныя арки, и всюду, куда только хваталъ взглядъ, волновалось народное море. Какъ черная змѣя, извивался толстый кабель, который обрѣзали у верхняго конца, но, къ счастью для Грэма, слишкомъ поздно.

Грэму казалось, что онъ бредитъ. Грандіозность обстановки давила его.

— Проведите меня въ небольшую комнату,—жалобно сказалъ онъ.—Въ небольшую комнату.

Больше онъ ничего не могъ сказать. Къ нему подошелъ человѣкъ въ черномъ плащѣ и почтительно взялъ его подъ руку. Другіе бросились отворять дверь. Его подвели къ стулу. Онъ сѣлъ и закрылъ лицо руками. Все его тѣло конвульсивно дрожало. Наступила нервная реакція. Его освободили отъ тяжелаго теплаго плаща, кругомъ него люди бѣгали, хлопотали, перекликались, но онъ почти ничего не сознавалъ.

Онъ былъ спасенъ. Это было для него ясно. Объ этомъ кричали тысячи голосовъ. Его окружалъ народъ, стоявшій за него...

IX.

Выступленіе народа.

Черезъ нѣкоторое время Грэмъ настолько пришелъ въ себя, что могъ сознательно относиться къ окружающему. Около него стоялъ молодой человѣкъ въ желтомъ плащѣ и протягивалъ ему стаканъ съ какой-то прозрачной жидкостью. Онъ выпилъ нѣсколько глотковъ и почувствовалъ, какъ по его жиламъ пронесся огонь. Высокій человѣкъ въ черной одеждѣ нагнулся къ нему и что-то кричалъ ему на ухо, но ревъ толпы заглушалъ слова. Тогда человѣкъ въ черномъ указалъ рукой на

дверь. Грэмъ взглянулъ туда и увидѣлъ высокую дѣвушку, одѣтую въ серебристое платье, красота которой поразила Грэма даже въ эту тревожную минуту. Темные глаза дѣвушки, въ которыхъ отражалось любопытство и удивленіе, были неподвижно устремлены на Грэма; ея полуоткрытыя губы вздрагивали. Изъ-за двери то утихая, то доходя до стихійной силы, несся ревъ возбужденной толпы, слышались какіе-то удары... Грэмъ посмотрѣлъ на человѣка въ черномъ и по движенію его губъ понялъ, что тотъ ему что-то объясняетъ.

— Кто я?—крикнулъ Грэмъ, вставая.—Гдѣ я? Скажите, кто я?

Его взоръ вопросительно перебѣгалъ съ одного лица на другое.

— Они ему ничего не сказали!—воскликнула дѣвушка.

— Скажите же вы, умоляю, скажите!—воскликнулъ Грэмъ.

— Вы властитель земли. Вамъ принадлежитъ половина міра.

Ему показалось, что онъ ослышался. То, что ему сказали, было слишкомъ невѣроятно, слишкомъ чудовищно. Послѣ короткаго молчанія онъ снова заговорилъ:

— Я проснулся три дня тому назадъ. Три дня они меня держали въ плѣну. Я догадываюсь, что здѣсь происходитъ какая-то борьба. Скажите мнѣ—это Лондонъ?

— Да,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Кто тѣ люди, которыхъ я видѣлъ въ большомъ залѣ около статуи Атласа? Какое они имѣютъ отношеніе ко мнѣ? Что имъ отъ меня нужно? Мнѣ кажется, что, пока я спалъ, весь міръ сошелъ съ ума. Или я самъ сошелъ съ ума. Кто эти члены совѣта? Зачѣмъ они хотѣли меня отравить?

— Чтобы помѣшать вамъ принять участіе въ событіяхъ,—сказалъ человѣкъ въ желтомъ.

— Но почему?

— Потому что вы и есть тотъ самый Атласъ, статую котораго они поставили въ своемъ залѣ совѣта. На вашихъ плечахъ лежитъ міръ. А они, члены совѣта, управляютъ міромъ отъ вашего имени.

Во время этого разговора ревъ толпы смолкъ. Раздавался чей-то одинокій голосъ, къ которому, очевидно, всѣ прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ. Но затѣмъ ревъ возобновился съ такой стихійной силой, что въ маленькой комнатѣ нѣкоторое время было совершенно невозможно разговаривать. Когда ревъ немного затихъ, Грэмъ, стоявшій до того времени неподвижно, задумчиво провелъ рукой по лбу и повторилъ:

— Совѣтъ правилъ отъ моего имени... а кто такое Острогъ?— неожиданно спросилъ онъ.

— Это... организаторъ... вождь возстанія. Нашъ вождь... онъ дѣйствуетъ отъ вашего имени.

— Отъ моего имени... и совѣтъ, и онъ... оба отъ моего имени, а вы?.. Почему его здѣсь нѣтъ?

— Онъ... послалъ насъ... я его братъ... сводный братъ, Линкольнъ. Онъ хочетъ, чтобы вы показались народу, а затѣмъ отправились къ нему. За этимъ онъ насъ прислалъ. А самъ онъ сейчасъ отдастъ распоряженія въ управленіи флюгеровъ. Народъ готовится къ выступленію.

— Отъ вашего имени!—воскликнулъ молодой человѣкъ.— Совѣтъ долго властвовалъ, угнеталъ, терроризировалъ всѣхъ. И, наконецъ, даже...

— Отъ моего имени? Моего имени! Да вѣдь это...

На лицѣ молодого человѣка при этихъ словахъ выразилось глубочайшее негодованіе. Сверкая глазами, вздрагивая ноздрями краснаго огромнаго носа, онъ пронзительнымъ голосомъ прокричалъ:

— Никто не ожидалъ, что вы проснетесь. Они были хитры, эти проклятые тираны! Но они остались въ дуракахъ! Вы ихъ застали врасплохъ! Они сразу не могли рѣшить, что имъ съ вами дѣлать: усыпить васъ, убить или гипнотизировать.

Человѣкъ, назвавшійся Линкольномъ, вплотную подошелъ къ Грэму и сказалъ:

— Острогъ выработалъ широкій планъ. Довѣрьтесь ему. У насъ готовы всѣ организаціи. Мы займемъ пути сообщенія... Возможно, что это уже сдѣлано... а затѣмъ...

— Побѣда намъ обезпечена!—перебилъ человѣкъ въ желтомъ.—У насъ въ распоряженіи 5 миріадъ вооруженныхъ, хорошо обученныхъ людей...

— У насъ огромные запасы оружія!—воскликнулъ Линкольнъ.—У насъ выработанъ планъ. У насъ есть вождь. Ихъ полиція уже теперь бѣжала съ улицъ и скрылась... теперь или никогда. Совѣтъ колеблется—они не могутъ довѣриться даже преданнымъ имъ людямъ.

— Слышите? Народъ зоветъ васъ.

Грэмъ чувствовалъ, что у него въ головѣ вихремъ кружатся самыя разнообразныя дикія мысли. Съ одной стороны онъ—Атласъ, властитель половины міра, а съ другой—онъ едва спасся отъ смерти и теперь на немъ панталоны, пропитанные растаявшимъ грязнымъ снѣгомъ. Съ одной стороны, стоялъ бѣлый совѣтъ, могучій, дисциплинированный, тотъ совѣтъ, въ полной власти котораго онъ только что находился.

А съ другой стороны—огромныя народныя массы, которыя признавали его властелиномъ, которыя только что спасли его отъ плѣна. Зачѣмъ онѣ это сдѣлали, было для него не совсѣмъ ясно.

Отворилась дверь и въ комнату ворвались нѣсколько человѣкъ; оживленно жестикулируя, они бросились прямо къ Линкольну. Они наперебой старались объяснить, чего желаетъ ревущая за стѣнами толпа: толпа хочетъ видѣть Спящаго.

Грэмъ взглянулъ въ прямоугольникъ открытой двери и увидѣлъ волнующееся море человѣческихъ лицъ, поднятыхъ рукъ и развѣвающихся голубыхъ одеждъ. Какой-то высокій худой человѣкъ, одѣтый въ коричневыя лохмотья, стоялъ на стулѣ и размахивалъ самодѣльнымъ чернымъ флагомъ. Что этимъ людямъ нужно отъ него? Грэмъ никакъ не могъ помириться съ мыслью о томъ, что все это возбужденіе возникло изъ-за него, сосредоточилось на немъ. Правда, онъ все еще не понималъ, какимъ огромнымъ вліяніемъ онъ могъ пользоваться, если бы захотѣлъ, но первый моментъ паники прошелъ и онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы лично объясниться съ народомъ.

Линкольнъ громко кричалъ ему что-то на ухо. Но Грэмъ даже не давалъ себѣ труда вслушаться въ его слова. Всѣ другіе, кромѣ дѣвушки, возбужденно жестикулировали и указывали волнующуюся толпу.

Теперь толпа не бѣсновалась, а что-то пѣла хоромъ. Впрочемъ, звуки пѣнія совершенно исчезали въ красивыхъ мощныхъ звукахъ музыки. Казалось, что гдѣ-то играетъ органъ, несутся ласкающіе звуки духовыхъ инструментовъ...

Грэма вѣжливо, но настойчиво тѣснили къ двери. Онъ механически повиновался. Пѣніе тронуло его, придало ему мужества.

— Протяните къ нимъ руку,—сказалъ Линкольнъ.—Протяните руку.

— Вотъ,—раздался голосъ сзади него,—безъ этого нельзя.

Ему на плечи легли двѣ руки, которыя накинули на него черный плащъ, состоявшій изъ мелкихъ складокъ. Грэмъ видѣлъ около себя дѣвушку въ сѣромъ платьѣ и она казалась ему олицетвореніемъ пѣсни. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ появился въ прежней высокой нишѣ. При его появленіи пѣніе прекратилось и вмѣсто него снова раздались громкіе возгласы.

Теперь только Грэмъ различилъ огромное помѣщеніе, въ которомъ онъ находился. Всюду выступали галлереи, балконы,

арки, амфитеатры. Вдали начиналась грандіозная улица, и все это было сплошь заполнено возбужденнымъ народомъ. Изъ общей массы вниманіе Грэма на мгновеніе останавливалось на какой-нибудь фигурѣ, какомъ-нибудь одномъ лицѣ, но затѣмъ все снова сливалось въ общее море. Всѣ его впечатлѣнія были смутны, какъ въ полуснѣ. Чей-то громкій голосъ произнесъ таинственное имя „Острогъ“, и сейчасъ же возобновилось пѣніе, при чемъ толпа отбивала тактъ ногами: разъ-два, разъ-два, разъ-два.

Грэмъ протянулъ руку и толпа восторженно заревѣла. У него мелькнула мысль, что онъ долженъ былъ бы напутствовать народъ какой-нибудь короткой рѣчью. Его губы шевелились, но словъ не было слышно. Онъ снова протянулъ руку, указалъ на далекую улицу и, собравъ всѣ свои силы, крикнулъ: впередъ!

И народъ, вмѣсто того, чтобы отбивать тактъ, размѣреннымъ шагомъ двинулся впередъ: разъ-два, разъ-два, разъ-два! Мимо Грэма проходили старики, бородатые мужчины, безусые юноши, женщины и дѣвушки. Рядомъ съ богатыми плащами развѣвались сѣрыя лохмотья. Надъ толпой величаво двигалось черное знамя. Мелькнули нѣсколько лицъ китайцевъ, съ ихъ выдающимися скулами и раскосыми глазами.

Изъ общаго потока выдѣлялись лица, встрѣчались взорами съ Грэмомъ и снова исчезали. Большинство лицъ было красно отъ возбужденія, но встрѣчались и лица, покрытыя мертвенной блѣдностью. Онъ замѣтилъ исхудалыя руки, посылавшія ему привѣтъ. А чудовищный людской потокъ все несся и несся мимо него, и казалось, что онъ никогда не кончится. Разъ-два, разъ-два, разъ-два. Казалось, что весь міръ маршируетъ, что это „разъ-два“ звучитъ внутри, въ самомъ мозгу, и неудержимо тянетъ смѣшаться съ этимъ потокомъ, двинуться вслѣдъ за нимъ.

Линкольнъ почтительно взялъ Грэма за локоть и потянулъ его впередъ. Въ ту же минуту вокругъ нихъ выросло кольцо стражи и свиты, оттѣснявшее толпу. Передъ собой и около себя Грэмъ теперь видѣлъ только черные плащи стражи. Его повели по какому-то узкому проходу, по которому тянулись рельсы, повели черезъ мостъ, подъ которымъ катился людской потокъ... онъ не зналъ, куда его ведутъ, и не желалъ этого знать. Все его существо было полно этими ритмическими звуками: разъ-два, разъ-два, разъ-два...

X.

Битва въ темнотѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній они уже шли по длинной галлереѣ, висѣвшей надъ большой улицей съ движущимися платформами. Грэма со всѣхъ сторонъ окружала стража. Внизу улица была сплошь залита густой толпой, которая кричала, волновалась и стремительнымъ потокомъ неслась налѣво, исчезая вдали, гдѣ освѣтительные шары, казалось, соприкасались съ платформами. Разъ-два, разъ-два...

Снизу попрежнему доносилось это размѣренное пѣніе, напоминавшее теперь ритмическій гулъ быстраго морского прибоя... И въ головѣ Грэма невольно мелькнула мысль, что вѣдь этотъ размѣренный гимнъ, этотъ чисто солдатскій маршъ исполняется не войскомъ, привыкшимъ къ повиновенію, но всѣмъ народамъ, одушевленнымъ одной мыслью объ освобожденіи отъ тираніи... И стройность движенія показалась ему еще болѣе величественной, знаменательной.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что передъ нимъ совершается что-то странное. На противоположной сторонѣ улицы дома и мосты были совершенно пусты, въ то время какъ всюду царило возбужденное оживленіе. Эта мертвая пустынность до такой степени поразила Грэма, что онъ остановился. Стража, шедшая впереди него, ничего не замѣтила и продолжала двигаться дальше. Грэмъ оглянулся на стражу, слѣдовавшую за нимъ: вся его свита остановилась, при чемъ всѣ взоры были устремлены наверхъ. Грэмъ тоже взглянулъ кверху и въ это мгновеніе ясно различилъ какіе-то металлическіе звуки. Грэму показалось, что свѣтъ, который испускали бѣлые шары, началъ мигать. Въ то же время внизу, на улицѣ, проявилось безпокойство, которое, очевидно, находилось въ связи съ миганіемъ свѣта.

Между тѣмъ миганіе усиливалось. Вмѣсто моря головъ и опредѣленныхъ архитектурныхъ линій, передъ Грэмомъ мелькали какія-то неопредѣленныя тѣни. Откуда-то неслись гигантскія туманныя пелены, которыя быстро закрывали собою все. Пѣніе умолкло. Размѣренная маршировка прекратилась. Снизу неслись возгласы: „Свѣтъ! Свѣтъ! Свѣтъ!“

Между тѣмъ бѣлый цвѣтъ освѣтительныхъ шаровъ потускнѣлъ, шары сдѣлались сначала красноватыми, потомъ въ нихъ заалѣли небольшія точки, и черезъ нѣсколько секундъ все кругомъ погрузилось въ непроницаемую тьму, изъ глубинъ которой неслись дикіе крики обезумѣвшей толпы.

Грэмъ не видѣлъ, но чувствовалъ людей, окружившихъ его тѣснымъ кольцомъ. Что-то твердое ударилось о его ноги. Чей-то голосъ крикнулъ ему въ самое ухо:

— Все идетъ, какъ слѣдуетъ! Не безпокойтесь... все въ порядкѣ!

Грэмъ стряхнулъ съ себя овладѣвшее имъ оцѣпенѣніе, двинулся впередъ, столкнулся съ кѣмъ-то лбомъ и воскликнулъ:

— Что это значитъ? Почему погасли фонари?

— Совѣтъ обрѣзалъ проводники,—раздался голосъ Линкольна.—Намъ надо ждать, пока... во всякомъ случаѣ, народъ пойдетъ дальше... народъ...

Его голосъ потонулъ въ усилившемся ревѣ толпы. Можно было различить отдѣльные возгласы:

— Спросите Спящаго! Берегите Спящаго!

Одинъ изъ окружавшихъ Грэма вооруженныхъ людей споткнулся въ темнотѣ и поранилъ Грэму руку. Между тѣмъ гулъ толпы усиливался съ каждымъ мгновеніемъ. Казалось, будто внизу начинается какая-то стихійная буря. Изрѣдка изъ общаго хаоса выдѣлялась громкая команда, которая, однако, безслѣдно тонула въ океанѣ другихъ звуковъ.

Вдругъ внизу раздались отчаянные крики.

— Красная полиція! — крикнулъ кто-то около самаго уха Грэма. Вслѣдъ за тѣмъ внизу послышалась трескотня, какъ будто на листъ желѣза бросили горсть гороха. По краямъ улицы показались какія-то блѣдныя свѣтовыя точки, при слабомъ мерцаніи которыхъ Грэмъ различилъ фигуры одѣтыхъ въ красное людей, мелькавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Трескъ разлился широкой волной. Затѣмъ вдругъ отдернулась какая-то завѣса и улицу залилъ потокъ яркаго свѣта.

Въ первое мгновеніе Грэмъ былъ ослѣпленъ этимъ свѣтомъ. Далеко внизу клокоталъ хаосъ безчисленныхъ людскихъ фигуръ, слившихся въ отчаянной борьбѣ. Появленіе свѣта толпа привѣтствовала восторженными криками. Грэмъ взглянулъ наверхъ. На головокружительной высотѣ, на обрывкѣ кабеля висѣлъ человѣкъ, державшій въ рукахъ сверкающій шаръ, блескъ котораго разогналъ мглу. Этотъ человѣкъ былъ одѣтъ въ красный мундиръ.

Грэмъ снова взглянулъ внизъ, на улицу. На верхней платформѣ краснѣлъ треугольникъ людей, одѣтыхъ въ красные мундиры, эти люди были окружены густой толпой противниковъ и отчаянно бились за свою жизнь. Сверкали поднимавшіяся и опускавшіяся лезвія, сверкали короткія молніи выстрѣловъ...

Потомъ вдругъ свѣтъ погасъ и улица вновь погрузилась въ непроницаемую тьму.

Грэма кто-то толкнулъ въ грудь. Кто-то потащилъ его вдоль галлереи. Кто-то что-то кричалъ, онъ былъ слишкомъ растерянъ, слишкомъ пораженъ, чтобы сознательно отнестись къ тому, что происходило около него. Его прижали спиной къ стѣнѣ. Ему показалось, что около него происходитъ какая-то борьба.

Вдругъ снова показался сверкающій шаръ въ рукѣ человѣка, висѣвшаго на обрывкѣ кабеля. Теперь побѣда, очевидно, была на сторонѣ красныхъ мундировъ. Красный потокъ струйками разливался по всей улицѣ.

Грэмъ замѣтилъ, что красные мундиры появились въ темныхъ проходахъ и галлереяхъ домовъ на противоположной сторонѣ улицы. Эти люди безостановочно стрѣляли внизъ, въ толпу. Постепенно Грэмъ начиналъ разбираться во всемъ этомъ хаосѣ. Народъ при самомъ началѣ своего выступленія наткнулся на засаду. Внезапно наступившая темнота вызвала въ его рядахъ смятеніе, которымъ воспользовалась красная полиція. Только теперь Грэмъ замѣтилъ, что онъ остался одинъ. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ Линкольна и сопровождавшихъ его людей, они стояли въ глубинѣ той галлереи, по которой его привели сюда, и оживленно жестикулировали. Взглянувъ на фасадъ дома на противоположной сторонѣ улицы, онъ замѣтилъ тамъ массу красныхъ мундировъ. Красные люди указывали на него и кричали:

— Спящій! Вотъ онъ! Вотъ Спящій!

Что-то сильно ударилось въ стѣну надъ его головой. Онъ взглянулъ наверхъ и увидѣлъ брызги какого-то свѣтлаго металла. Въ слѣдующее мгновеніе около него очутился Линкольнъ. Еще два раза что-то шлепнулось въ стѣну рядомъ съ нимъ. Онъ оцѣпенѣлъ. Затѣмъ вдругъ снова наступила темнота.

Линкольнъ схватилъ Грэма за руку и тащилъ его за собой вдоль галлереи.

— Скорѣе!—восклицалъ онъ.—Скорѣе! Пока они опять не зажгли свѣтъ.

Грэмъ былъ весь поглощенъ страхомъ смерти и желаніемъ спастись. Онъ столкнулся въ темнотѣ съ своей стражей, постоянно спотыкался, но все-таки быстро мчался впередъ. Теперь онъ желалъ только одного: возможно скорѣе покинуть эту галлерею, въ которой его жизнь висѣла на волоскѣ. Между тѣмъ свѣтъ загорѣлся въ третій разъ. Въ то же мгновеніе на улицѣ и во всѣхъ галлереяхъ снова раздался оглу-

шительный ревъ. Грэмъ оглянулся. Фасадъ дома противъ галлереи былъ сплошь занятъ красными мундирами, и всѣ эти люди указывали на него, кричали ему что-то. Онъ невольно чувствовалъ себя центромъ, вокругъ котораго вертится все. Не подлежало сомнѣнію, что совѣтъ рѣшилъ употребить отчаянныя усилія, чтобы захватить его въ плѣнъ или во всякомъ случаѣ обезвредить.

Къ счастью для Грэма, полиція не умѣла прицѣливаться при стрѣльбѣ, потому что за послѣднія полтораста лѣтъ, какъ онъ узналъ послѣ, это были первые выстрѣлы, направленные въ живыхъ людей. Надъ его головой снова засвистѣли пули. Его что-то кольнуло въ ухо, какъ будто осколокъ пули пробилъ ему наружное ухо.

Изъ окружавшей его стражи одинъ упалъ. Не имѣя возможности задерживаться, Грэмъ переступилъ черезъ судорожно извивавшагося раненаго и пошелъ дальше.

Еще черезъ нѣсколько мгновеній онъ очутился за поворотомъ длиннаго коридора. Что-то сильно толкнуло его. Онъ споткнулся и полетѣлъ въ темнотѣ внизъ по лѣстницѣ. Его прижали къ стѣнѣ. Онъ очутился между тѣлами борющихся людей, которые такъ сильно зажали его между собой, что онъ едва могъ дышать. Ему казалось, что у него трещатъ ребра. Онъ очутился среди толпы, которая въ своемъ неудержимомъ потокѣ несла его къ тому огромному помѣщенію, въ которое онъ нѣкоторое время тому назадъ слетѣлъ по кабелю. Были мгновенія, когда его ноги не касались пола.

Вдругъ раздались отчаянные крики:

— Они идутъ! Спасайтесь!

Его ноги коснулись чего-то мягкаго, внизу раздался хриплый крикъ. Кругомъ него слышались возгласы:

— Спящій! Спящій съ нами!

Потомъ снова раздались сухіе выстрѣлы. Грэмъ плохо сознавалъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ невольно превратился въ частицу того цѣлаго, которое называется толпой, и слѣдовалъ всѣмъ движеніямъ этого цѣлаго.

Наконецъ людская волна принесла его къ какимъ-то ступенямъ. Онъ вырвался изъ тисковъ и сталъ подниматься наверхъ. Несмотря на свое полубезсознательное состояніе, онъ замѣтилъ, что къ нему обратились сотни блѣдныхъ лицъ, на которыхъ ясно былъ написанъ стихійный ужасъ, смѣшанный съ удивленіемъ. Около него мелькнуло лицо блѣднаго молодого человѣка, который вслѣдъ за тѣмъ упалъ, сраженный пулей.

Далеко наверху снова загорѣлся свѣтъ. Яркіе лучи стремились черезъ гигантскія арки. Теперь Грэмъ очутился на воз-

вышенiи, а у его ногъ волновалось море черныхъ фигуръ, спасшихся сюда отъ убiйственнаго огня на улицѣ. Онъ видѣлъ, какъ сквозь черную толпу прокладывали себѣ широкiй путь красныя фигуры. Онъ невольно оглянулся, надѣясь найти Линкольна. Дѣйствительно, фигура Линкольна мелькнула вдали. Судя по движенiямъ Линкольна, онъ искалъ его, Грэма. Оглянувшись вокругъ себя, Грэмъ увидѣлъ, что сзади него, за небольшимъ барьеромъ поднимались пустыя мѣста амфитеатра. Подчиняясь внезапно мелькнувшей мысли, Грэмъ сбросилъ съ плечъ свой плащъ, стѣснявшiй его движенiя, протѣснился къ барьеру, схватился за него руками и черезъ мгновенiе очутился за нимъ. Почти въ тотъ же мигъ снова погасъ свѣтъ. Ощупью онъ добрался до какого-то прохода, поднимавшагося кверху. Въ наступившей темнотѣ прекратилась стрѣльба, утихли вопли толпы. Пробираясь впередъ, Грэмъ поскользнулся на неожиданной ступенькѣ и упалъ. Въ это время на улицѣ опять засiялъ свѣтъ, снова загремѣли выстрѣлы, снова заревѣла буря криковъ и топота людского потока.

Грэмъ спрятался подъ диваномъ амфитеатра. Въ это время толпа тоже бросилась въ амфитеатръ. Прыгая съ одного ряда на другой, люди стрѣляли внизъ, въ красные мундиры, скрываясь между рядами дивановъ, чтобы спѣшно зарядить свое оружiе. По амфитеатру стали жужжать пули, мягко шлепавшiяся въ пружинныя сидѣнья или рикошетомъ скользившiя по металлическимъ рамамъ. Повинуясь инстинкту самосохраненiя, Грэмъ замѣтилъ себѣ направленiе прохода, на который онъ возлагалъ единственную надежду, черезъ который можно было спастись, какъ только наступитъ темнота.

Въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ лица Грэма очутился молодой человѣкъ, одѣтый въ выцвѣтшее синее платье. Съ громкимъ крикомъ:

— Къ дьяволу совѣтъ!—Молодой человѣкъ выстрѣлилъ, затѣмъ хотѣлъ дать второй выстрѣлъ... вдругъ Грэму показалось, что половина шеи молодого человѣка исчезла. Что-то теплое упало Грэму на щеку. Одно мгновенiе молодой человѣкъ стоялъ неподвижно, потомъ его колѣни подогнулись и онъ тяжело упалъ, лицомъ внизъ. Въ то же мгновенiе наступила темнота.

Охваченный стихiйнымъ страхомъ смерти, Грэмъ вскочилъ и бросился бѣжать по проходу. Нѣсколько ступеней спускались въ коридоръ. Онъ упалъ, вскочилъ на ноги и снова побѣжалъ. Когда сзади него снова загорѣлся свѣтъ, онъ уже видѣлъ передъ собою темную пасть переходовъ. Убѣгая отъ свѣта, онъ свернулъ въ сторону, и въ то же мгновенiе по-

чувствовалъ, что его окружаютъ такіе же бѣглецы, какъ и онъ. Всѣ мчались въ одномъ направленіи. Всѣхъ, очевидно, объединяло одно стремленіе: возможно скорѣе убѣжать подальше отъ страшной битвы. Грэмъ толкался, и его толкали, онъ бѣжалъ или его зажимали въ тиски и несли, онъ спотыкался, но все-таки онъ, вмѣстѣ съ другими, быстро подвигался впередъ.

Нѣсколько минутъ онъ бѣжалъ по извилистому коридору, затѣмъ очутился на какой-то площади и спустилсл внизъ по широкой лѣстницѣ. Кругомъ него раздавались крики:

— Они идутъ! Полиція приближается! Они стрѣляютъ! Бѣгите. Въ Седьмой Дорогѣ можно спастись? Бѣгите къ Седьмой Дорогѣ!

Въ толпѣ бѣгущихъ смѣшались мужчины, женщины и дѣти. Черезъ какія-то массивныя ворота Грэмъ, увлекаемый общимъ потокомъ, выбѣжалъ на тускло освѣщенную большую площадь. Темныя фигуры разсыпались по площади и побѣжали кверху, на какія-то широкія ступени гигантской лѣстницы. Онъ тоже побѣжалъ кверху. Около крайней ступени онъ остановился. Передъ нимъ вырисовались нѣсколько стульевъ и небольшой кіоскъ. Едва переводя дыханіе, онъ осмотрѣлся.

Только теперь онъ понялъ; что эти ступени лѣстницы были не что иное, какъ уличныя платформы, которыя теперь стояли неподвижно. Мимо него пробѣжали нѣсколько фигуръ. Судя по ихъ возгласамъ, они спѣшили къ мѣсту битвы. Другія, болѣе миролюбивыя фигуры, крались, стараясь держаться въ тѣни.

Издалека доносился шумъ свалки. Судя по направленію, это было другое сраженіе, а не то, отъ котораго онъ бѣжалъ изъ театра. Ему невольно пришла въ голову мысль, что все это совершается изъ-за него! Люди идутъ на смерть изъ-за него!..

Мысленно онъ старался представить себѣ, въ какомъ положеніи теперь находятся борющіяся партіи. Съ одной стороны— стоитъ бѣлый совѣтъ съ его красной полиціей. Этотъ совѣтъ твердо рѣшилъ не уступать его никому, а въ крайнемъ случаѣ—убить его. Съ другой стороны—стоитъ возставшій народъ, съ таинственнымъ вождемъ, котораго зовутъ „Острогъ". И этотъ странный, гигантскій городъ теперь кипитъ въ котлѣ междоусобной войны... изъ-за него! Чудовищно! Непонятно!

Благодаря случаю, ему удалось проскользнуть въ щель между двумя столкнувшимися гигантами. Ему удалось спасти свою жизнь. Надолго ли? Ему невольно вспомнилось, съ какимъ ожесточеніемъ за нимъ охотились люди въ красныхъ мундирахъ...

Во всякомъ случаѣ, на нѣкоторое время онъ принадлежалъ самъ себѣ. Онъ могъ ходить и наблюдать, ни съ кѣмъ не разговаривая, не обращая на себя вниманія. Онъ, невольный обладатель половины міра, человѣкъ, изъ-за котораго тысячи людей жертвовали своими жизнями, теперь чувствовалъ себя лишь темной фигурой среди другихъ темныхъ фигуръ.

Онъ долго бродилъ вдоль разныхъ переходовъ, старательно избѣгая освѣщенныхъ мѣстъ, гдѣ его могли бы узнать. Хотя въ этой части города, очевидно, никакой борьбы не было, но всюду чувствовалось боевое напряженіе. Въ одномъ мѣстѣ онъ долженъ былъ поспѣшно свернуть въ нишу, чтобы освободить дорогу цѣлому отряду мѣрно маршировавшихъ черныхъ фигуръ. Постоянно встрѣчались мужчины, спѣшившіе куда-то съ оружіемъ въ рукахъ. Изрѣдка смутно доносились звуки битвы: ревъ толпы и трескъ выстрѣловъ. Эти звуки заставляли его еще дальше углубляться въ невѣдомую тьму. Все меньше и меньше людей встрѣчалъ онъ на своемъ пути, и, наконецъ, онъ очутился среди совершенно пустынныхъ улицъ. Очевидно, онъ добрался до окраины, до товарныхъ складовъ. Только теперь Грэмъ замѣтилъ, насколько онъ усталъ. Онъ поднялся на одну изъ верхнихъ площадокъ и сѣлъ. Но, несмотря на физическую усталость, въ головѣ его лихорадочно проносился вихрь мыслей, которыя упорно вращались вокругъ одного центра, и этимъ центромъ являлся вопросъ: „неужели все это совершается изъ-за меня?“

Вдругъ раздался подземный ударъ... грянулъ громъ... пронесся порывъ холоднаго вѣтра... гдѣ-то зазвенѣло разбитое стекло... въ сотнѣ шаговъ отъ Грэма обрушилась стеклянная крыша съ желѣзнымъ переплетомъ. Издалека несся хаосъ отчаянныхъ криковъ. Грэмъ вскочилъ, побѣжалъ куда-то впередъ, потомъ съ той же безсознательной стремительностью бросился назадъ.

Ему навстрѣчу бѣжалъ какой-то человѣкъ и дико кричалъ:

— Взрывъ! Взорвали!

— Что взорвали!?

Но человѣкъ уже убѣжалъ, продолжая кричать: взорвали, взорвали!

Нѣкоторое время Грэмъ стоялъ неподвижно. Странно! Этотъ взрывъ, который какъ бы дополнялъ звено грозныхъ событій, который являлся какъ бы новымъ предупрежденіемъ о грозящей опасности, этотъ взрывъ... сразу привелъ его въ душевное равновѣсіе. Онъ сѣлъ на стулъ, стоявшій въ уголкѣ на верхней платформѣ, закрылъ руками глаза и сталъ думать. Что, если сейчасъ открыть глаза? И вдругъ... вмѣсто этихъ

фантастическихъ платформъ, вмѣсто непривычныхъ строеній... откроется знакомое морское побережье? Что, если вмѣсто этого далекаго рева битвы раздастся ласкающій гулъ морского прибоя? Не можетъ быть, чтобы это не былъ сонъ, кошмаръ...

Но въ это время около него раздался тяжелый гулъ шаговъ. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ проходившій мимо него отрядъ людей въ черныхъ плащахъ, съ развѣвающимся чернымъ знаменемъ впереди.

— Нѣтъ,—простоналъ онъ,—это не сонъ! Это не сонъ!..

И онъ снова закрылъ глаза руками.

XI.

Старикъ, который знаетъ все.

Грэмъ вздрогнулъ отъ раздавшагося возлѣ него кашля. Онъ обернулся и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ небольшую горбатую фигурку, прикорнувшую въ тѣни выступа дома.

— Есть новости?—спросилъ скрипучій, старческій голосъ.

— Никакихъ,—отвѣтилъ Грэмъ послѣ небольшой паузы.

— Я не двинусь съ мѣста, пока они не зажгутъ свѣтъ,—сказалъ старикъ.—Эти голубые мерзавцы шнырятъ всюду, отъ нихъ нигдѣ не скроешься.

Грэмъ промычалъ что-то неопредѣленное. Онъ старался разглядѣть лицо своего собесѣдника, но этому мѣшала темнота. Ему хотѣлось говорить, но онъ не находилъ словъ.

— Вездѣ темнота...—заговорилъ старикъ.—Темнота и проклятіе. Они заставили меня бросить мою комнату и выйти на улицу.

— Да,—нерѣшительно замѣтилъ Грэмъ.—Это ужасно.

— Темно. Вездѣ темнота. Можно заблудиться. Всѣ сошли съ ума, всѣ дерутся. Полиція побѣждена, мерзавцы торжествуютъ. Я не понимаю, почему для защиты города не вызовутъ негровъ... Эта темнота ужасна! Когда я пробирался сюда, я наткнулся на чей-то трупъ.

Помолчавъ немного, старикъ продолжалъ:

— Вдвоемъ все-таки не такъ страшно. По крайней мѣрѣ, можно поговорить.

Съ этими словами онъ всталъ, подошелъ къ Грэму и началъ его разглядывать. Очевидно, онъ остался доволенъ своимъ осмотромъ, потому что онъ облегченно вздохнулъ, усѣлся рядомъ съ Грэмомъ и заговорилъ болѣе откровеннымъ тономъ чѣмъ прежде:

— Ужасное время! Всѣхъ охватилъ какой-то кровавый кошмаръ. Всѣ дерутся. Вездѣ лежатъ трупы. Сильные, здоровые люди умираютъ во тьмѣ. Все это—сыновья. У меня тоже три сына. Кто знаетъ, что съ ними теперь.

Старикъ помолчалъ и затѣмъ жалобно повторилъ:

— Кто знаетъ, что съ ними теперь.

Грэмъ всталъ. Ему хотѣлось говорить, спрашивать, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся слишкомъ явно выказать свое невѣдѣніе. Его вывелъ изъ затрудненія старикъ, который, очевидно, чувствовалъ непреодолимую потребность говорить.

— Этотъ Острогъ побѣдитъ, — сказалъ старикъ. — Онъ побѣдитъ. Но только никто не знаетъ, что будетъ потомъ. Мои сыновья стоятъ подъ флюгерами. Всѣ трое. Я хорошо знаю этого Острога. Я зналъ, что происходитъ вокругъ. Я зналъ это раньше другихъ. Но эта ужасная темнота! Не видишь ничего передъ собой, спотыкаешься о трупы!..

Прошло нѣсколько секундъ. Безмолвіе нарушалось лишь хрипѣніемъ тяжело дышавшаго старика.

— Острогъ!..—задумчиво проговорилъ Грэмъ.

— О,—воскликнулъ старикъ,—Острогъ—величайшій человѣкъ въ мірѣ!

Грэмъ подумалъ немного и затѣмъ спросилъ:

— Мнѣ кажется, что у совѣта есть мало преданныхъ ему людей среди народа.

— Преданныхъ ему людей?! Ни одного человѣка. У него есть сторонники среди безнадежной бѣдноты, которой онъ изрѣдка бросаетъ подачки. Но все-таки у Острога есть огромныя преимущества. И, если они два раза подъ рядъ не выбрали Острога, то... во всякомъ случаѣ отвѣтственность за возстаніе падаетъ на нихъ. Но пока противъ совѣта идутъ рабочія организаціи, онъ ничего не можетъ подѣлать. Теперь возстали противъ него всѣ синіе. Острогъ добьется своего.

Помолчавъ немного, старикъ продолжалъ:

— А этотъ Спящій...—и онъ снова умолкъ.

— Да?—спросилъ Грэмъ.—Что же этотъ Спящій?

Старикъ понизилъ свой голосъ до шопота, приблизился лицомъ къ лицу Грэма и съ оттѣнкомъ довѣрчивой откровенности сказалъ:

— Этотъ Спящій... настоящій Спящій... давно умеръ.

— Что?!—рѣзко воскликнулъ Грэмъ.

— Давно умеръ. Много лѣтъ тому назадъ.

— Вы шутите!—сказалъ Грэмъ.

— Нисколько. Я говорю совершенно серьезно. Настоящій Спящій умеръ. А тотъ, который теперь будто бы проснулся,

этого они просто подсунули. Это несчастный бродяга, котораго они купили за деньги и опоили разными средствами. Я все знаю, но нельзя все говорить. Нельзя говорить все, что знаешь.

Нѣкоторое время старикъ бормоталъ что-то непонятное. Но потомъ, очевидно, болтливость оказалась сильнѣе осторожности и онъ снова заговорилъ.

— Я не знаю, кто его усыпилъ. Его усыпили еще до моего времени. Но я знаю, кто ему впрыскивалъ возбуждающія средства... тогда надо было выбирать между двумя исходами: или разбудить, или убить. Убить или разбудить. Это—манера Острога

Грэмъ былъ такъ пораженъ, что нѣсколько разъ прерывалъ довольно безсвязную рѣчь старика и просилъ его повторить тѣ или другія слова. Наконецъ ему стало ясно, что его пробужденіе не было естественнымъ! Или, быть-можетъ, это былъ бредъ полубезумнаго старика? Онъ лихорадочно рылся въ темныхъ тайникахъ своихъ воспоминаній и порой ему казалось, что гдѣ-то смутно мелькаютъ обрывки, которые какъ-будто подтверждаютъ слова старика...

Черезъ нѣкоторое время старикъ снова заговорилъ:

— Въ первый разъ они не хотѣли съ нимъ и говорить... я все знаю.

— Не хотѣли говорить? Съ кѣмъ?—спросилъ Грэмъ.—Со Спящимъ?

— Нѣтъ. Съ Острогомъ. Онъ былъ тогда ужасенъ. Его успокоили разными обѣщаніями... и потомъ забыли о немъ. Какъ жестоко они всѣ ошиблись! Теперь онъ вертитъ всѣмъ городомъ, какъ жерновомъ. И подъ этимъ жерновомъ мы всѣ погибаемъ. Пока онъ не поднялъ народъ за Спящаго, насъ не трогали. Рабочіе грызли другъ другу горла, иногда убивали какого-нибудь китайца или полицейскаго, но насъ они оставляли въ покоѣ. А теперь... темнота! Трупы! Грабежъ! Ничего подобнаго мы не видали за цѣлый гроссъ лѣтъ. Конечно, мелюзга всегда страдаетъ, когда дерутся большіе господа. Ужасно!

— Вы сейчасъ сказали... что ничего подобнаго не было цѣлый... гроссъ лѣтъ?

Старикъ нѣсколько разъ заставилъ Грэма повторить вопросъ,—пробормоталъ что-то о „дурацкомъ произношеніи", и затѣмъ заговорилъ:

— Ну да. Гдѣ же это видано—съ оружіемъ въ рукахъ бѣгаютъ по улицамъ, убиваютъ другъ друга... Какіе-то дураки кричатъ о свободѣ и другихъ глупостяхъ... За всю мою жизнь я не видалъ ничего подобнаго. Три гросса лѣтъ тому назадъ,

въ Парижѣ было что-то въ родѣ этого. Но вѣдь это—глубокая древность! Но таковъ нашъ міръ. Въ жизни все повторяется. Я это знаю. Пять лѣтъ Острогъ работалъ, пять лѣтъ онъ готовился. И всюду былъ голодъ, были волненія, всюду слышались угрозы. Голубые собирали оружіе и совѣщались. И вотъ теперь началось! Возстаніе, кровь... и совѣту пришелъ конецъ.

— Вы, кажется, хорошо освѣдомлены,—сказалъ Грэмъ.

— Я все слушаю... все собираю... а потомъ говорю...

— И вы увѣрены въ томъ, что этотъ Острогъ... что онъ поднялъ народное возстаніе и разбудилъ Спящаго, чтобы укрѣпить свое положеніе, за то, что его не выбрали въ совѣтъ?

— Еще бы! — отвѣтилъ старикъ. — Это извѣстно всѣмъ, кромѣ... круглыхъ дураковъ... Такъ или иначе, но ему нужно было сдѣлаться господиномъ. Все равно, въ совѣтѣ или еще гдѣ. Это извѣстно всѣмъ. И вотъ, изъ-за этого.. теперь вездѣ темно, вездѣ лежатъ трупы! Да скажите, пожалуйста, гдѣ же вы были, если вы ничего не знаете о старой ссорѣ между Острогомъ и Вернеями? Изъ-за чего же, по вашему мнѣнію, загорѣлась вся эта исторія? Изъ-за Спящаго? А? Неужели вы вѣрите въ то, что теперь вдругъ проснулся настоящій Спящій? А?

Смущенный Грэмъ нѣкоторое время собирался съ мыслями и затѣмъ сказалъ нерѣшительно:

— Видите ли... я много старѣе, чѣмъ кажусь. Я плохо понимаю... Я легко забываю... особенно то, что случилось за послѣдніе годы.

— Неужели? — спросилъ старикъ.—Странно. Вашъ голосъ показался мнѣ молодымъ. Впрочемъ, и то сказать, не всякій сохраняетъ память до моихъ лѣтъ. Но странно, что вы не знаете самыхъ простыхъ вещей! Впрочемъ, я не имѣю права судить по себѣ о другихъ людяхъ. Я оченъ молодъ для своихъ лѣтъ. А вы, можетъ-быть, слишкомъ стары для своего возраста?

— Конечно! Вы правы!—воскликнулъ Грэмъ.—Я слишкомъ старъ для своихъ лѣтъ. Я все забылъ. А исторія! Я совсѣмъ не знаю исторію. Юлій Цезарь и Спящій—для меня одно и то же. Право, вы сдѣлаете мнѣ очень большое одолженіе, если подѣлитесь со мною своими свѣдѣніями.

— Да, я кое-что знаю, — самодовольно сказалъ старикъ,—я кое-что могу поразсказать. Однако, что это такое?!

Они стали прислушиваться. Раздался подземный ударъ, затѣмъ другой, настолько сильный, что камни вокругъ дрогнули.

Прохожіе остановились и возбужденно обмѣнивались восклицаніями. Никто не зналъ, что случилось. Старикъ бормоталъ что-то безсвязное.

Грэмъ чувствовалъ невольное возбужденіе при одной мысли о той гигантской борьбѣ, которая разыгрывалась такъ близко и въ то же время такъ далеко отъ него. На чьей сторонѣ побѣда? На сторонѣ возставшихъ? Или, быть-можетъ, красная стража гонитъ передъ собою побѣжденную черную толпу? Каждое мгновеніе стихійный потокъ битвы могъ ворваться въ этотъ отдаленный уголъ города и затопить его своими волнами. Во что бы то ни стало надо было узнать, въ какомъ положеніи находится борьба. Онъ хотѣлъ было обратиться съ вопросомъ къ старику, но во-время удержался. Однако его движеніе не ускользнуло отъ вниманія старика, который поднялъ голову и снова заговорилъ:

— Ого! Какъ оно разыгрывается. И какъ всѣ эти дураки вѣрятъ въ Спящаго! А я все знаю. Я всегда все знаю. Я такъ старъ, что въ дѣтствѣ я еще читалъ печатныя книги. Вотъ сколько мнѣ лѣтъ. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите. Вы, я думаю, никогда и не видѣли печатныхъ книгъ. Онѣ вѣдь разводятъ только пыль и скоро гніютъ. Общество гигіены собираетъ ихъ и сжигаетъ. А все-таки эти книги имѣли свои хорошія стороны. По нимъ можно было многому научиться. Наши новыя говорильныя машины... онѣ мнѣ не нравятся. Что-то въ нихъ есть легкомысленное. Послушаешь ихъ, послушаешь, да сейчасъ же и забудешь. Но съ исторіей Спящаго я хорошо знакомъ,—знакомъ съ самаго начала.

— Удивительно!—воскликнулъ Грэмъ.—А вотъ я ничего не знаю о Спящемъ. Ровно ничего. Кто онъ? Откуда онъ взялся?

— Знаю я все это. Отлично знаю. Онъ прежде былъ совершеннымъ ничтожествомъ. Онъ привязался къ одной женщинѣ, и когда она отъ него ушла, онъ впалъ въ каталепсію. Потомъ заснулъ. На этихъ древнихъ бумажкахъ... съ серебрянымъ слоемъ... они ихъ называли фотографіями... еще теперь можно видѣть, какъ онъ лежалъ тогда... полтора гросса лѣтъ тому назадъ. Полтора гросса лѣтъ! Подумайте!

— Привязался къ одной женщинѣ...—пробормоталъ Грэмъ.— И когда она отъ него ушла... Да. Пожалуйста, продолжайте.

— Надо вамъ сказать, что у него былъ родственникъ, котораго звали Вормингъ. Это былъ бездѣтный, очень богатый человѣкъ. Онъ составилъ себѣ состояніе на изобрѣтенныхъ тогда идгамитныхъ дорогахъ. Вы слышали объ этомъ?

Неужели нѣтъ? Какъ же! Онъ скупилъ всѣ патенты и основалъ большое общество. Въ то время еще были отдѣльныя торговыя и промышленныя заведенія. Да. И его дороги въ двѣ дюжины лѣтъ убили всѣ старыя желѣзныя дороги! Онъ купилъ всѣ эти дороги и превратилъ ихъ въ идгамитныя. Но онъ не хотѣлъ дробить свое огромное состояніе, а потому завѣщалъ его Спящему. Онъ выбралъ особый распорядительный совѣтъ и выработалъ для него уставъ. Онъ отлично зналъ, что Спящій никогда не проснется, что онъ будетъ спать до тѣхъ поръ, пока не умретъ. Онъ это отлично зналъ! И вдругъ вслѣдъ за нимъ появился какой-то американецъ, у котораго два сына утонули во время прогулки подъ парусами. Американецъ тоже завѣщалъ свое состояніе Спящему. Такъ что съ самаго начала въ распоряженіи Совѣта оказалась дюжина миріадъ львовъ или даже больше.

— Какъ его звали?

— Грэмъ.

— Да нѣтъ—американца?

— Избистеръ.

— Избистеръ!—воскликнулъ Грэмъ.—Я даже не знаю этого имени!

— Это вполнѣ понятно,—сказалъ старикъ. Въ наше время люди не любятъ учиться. Но я все знаю. Это былъ очень богатый американецъ, и онъ оставилъ Спящему еще больше, чѣмъ Вормингъ. Съ этого началось могущество совѣта. Въ началѣ онъ былъ избранъ только для того, чтобы управлять имуществомъ Спящаго.

— Какимъ же образомъ возникло его могущество?

— Неужели вы не понимаете? Деньги всегда притягиваютъ деньги, а двѣнадцать умовъ лучше одного. Они умѣли обдѣлывать свои дѣла. Они вмѣшивались въ политику, они измѣняли биржевые курсы и тарифы. И капиталы росли. Много лѣтъ члены совѣта скрывали этотъ ростъ. Подъ разными предлогами, въ видѣ акціонеровъ, хозяевъ предпріятій, они проникли всюду. Когда имъ было нужно, они покупали каждую политическую партію, каждую газету. Въ концѣ-концовъ въ распоряженіи совѣта оказались билліоны львовъ, которые принадлежали Спящему. И все это получилось благодаря простому капризу—благодаря завѣщаніюВорминга и несчастью, постигшему сыновей какого-то Избистера.

— Для меня удивительнѣе всего то,—продолжалъ старикъ,— что члены совѣта такъ долго могли проработать вмѣстѣ. Двѣнадцать человѣкъ! Впрочемъ, они, кажется, не мѣшали другъ другу устроиться удобно. Во всякомъ случаѣ, они умѣли

окружить себя полной таинственностью. Я помню, какъ въ моей молодости мы говорили о совѣтѣ: шопотомъ, какъ о божествѣ. И никто никогда не слышалъ ни о какой слабости членовъ совѣта. Никто никогда не слыхалъ о ихъ женахъ, ихъ увлеченіяхъ. Они оставались высшими существами.

— Удивительно! Острога я помню еще ребенкомъ. И вотъ теперь... вѣдь и я когда-то былъ голубой. Какъ же! И вотъ, пришлось дожить до этой катастрофы. Вездѣ темно. Вездѣ лежатъ трупы. И всѣ бѣгутъ, всѣ борются!

Журчащій говоръ старика перешелъ въ безсвязное бормотанье. Грэмъ нѣкоторое время напряженно думалъ и затѣмъ обратился къ старику:

— Позвольте, прежде всего установлено, что Спящій дѣйствительно спалъ...

— Его подмѣнили,—перебилъ старикъ.

— Допустимъ и это, между тѣмъ въ рукахъ двѣнадцати членовъ совѣта капиталъ Спящаго увеличился настолько, что захватилъ чуть ли не полъ-міра. Благодаря этому чудовищному капиталу, фактическими властителями міра оказались двѣнадцать членовъ совѣта. Вѣдь такъ?

— Такъ,—подтвердилъ старикъ.

— Теперь перейдемъ къ этому Острогу. Онъ разбудилъ Спящаго, чтобы поднять народъ,—разбудилъ Спящаго, въ пробужденіе котораго никто не вѣрилъ, кромѣ суевѣрнаго народа. Онъ разбудилъ Спящаго, чтобы потребовать у совѣта отчета въ управленіи чудовищнымъ имуществомъ этого Спящаго. Такъ?

Старикъ утвердительно кашлянулъ и затѣмъ медленно проговорилъ:

— Странно встрѣтить теперь человѣка, который не знаетъ ничего о Спящемъ.

— Да,—подтвердилъ Грэмъ,—это странно.

— Можетъ-быть, вы были въ городѣ наслажденій?—спросилъ старикъ, лукаво посмѣиваясь.—Гмъ... мнѣ туда давно хотѣлось попасть. Да и теперь, на старости лѣтъ, я не прочь былъ бы немножко повеселиться.

Онъ снова забормоталъ что-то безсвязное.

— Когда проснулся Спящій?—спросилъ Грэмъ.

— Три дня тому назадъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— У Острога. Онъ убѣжалъ отъ совѣта часа четыре тому назадъ. Да скажите вы мнѣ, гдѣ же вы были все это время? Неужели вы не слышали, что Спящій былъ тамъ, гдѣ началась борьба? Весь городъ кричалъ объ этомъ. Всѣ говориль-

ныя машины. Вездѣ. Даже тѣ, кто стоитъ за совѣтъ, соглашались съ этимъ. Всѣ бросились туда, чтобъ увидѣть Спящаго. Всѣ запаслись оружіемъ. Да что съ вами! Спали вы или были пьяны? Или вы шутите! Конечно, шутите. Вѣдь для того, чтобъ остановить говорильныя машины и помѣшать народу собираться, они выключили электричество и напустили на насъ эту проклятую темноту. Неужели вы ничего не знаете?..

— Я слышалъ, что Спящій спасся,—сказалъ Грэмъ,—но позвольте... вы увѣрены въ томъ, что сейчасъ Спящій находится у Острога?

— Конечно. Онъ его не отпуститъ.

— И вы также увѣрены въ томъ, что это не настоящій Спящій?

— Еще бы! Какъ же мнѣ не знать. Я все знаю.

— Но, можетъ-быть...

— Ничего не можетъ быть. Я все знаю. Это не настоящій Спящій. Это простая кукла въ рукахъ Острога. А если побѣдитъ совѣтъ, то эта кукла пригодится и ему. Во всякомъ случаѣ, это не настоящій Спящій. Я все знаю.

Грэму надоѣла болтовня старика, и онъ, чтобы дать разговору другое направленіе, громко спросилъ:

— Что такое эти города наслажденій?

Старикъ не сразу понялъ его. Только когда Грэмъ повторилъ свой вопросъ, старикъ сильно толкнулъ его локтемъ въ бокъ и сказалъ:

— Ну, ну! Это слишкомъ. И для шутокъ есть границы. Я сразу понялъ, что вы надо мной издѣваетесь.

— Нисколько!—сказалъ Грэмъ.—Зачѣмъ я буду надъ вами издѣваться? Увѣряю васъ, что я не имѣю понятія о вашихъ городахъ наслажденій.

Старикъ хитро разсмѣялся.

— Скажу вамъ больше,—продолжалъ Грэмъ.—Я не умѣю читать ваши буквы. Я не видалъ вашихъ денегъ, я не знаю, гдѣ я нахожусь. Я не понимаю вашего счета. Я не знаю, гдѣ достать себѣ ѣду, гдѣ мнѣ прилечь на ночь.

— Ну-ну-ну!—весело произнесъ старикъ.—Если вы хотите выпить, то вы, навѣрное, опорожните стаканчикъ себѣ въ ротъ, а не выльете его въ глазъ или въ ухо!

— Увѣряю васъ, что я говорю правду!

— Хе-хе-хе! Какіе шутники эти господа, одѣтые въ шелкъ!

Высохшая рука ощупала одежду Грэма.

— Ну, конечно, шелкъ! А, право, я желалъ бы очутиться на мѣстѣ того, кого они положили вмѣсто Спящаго. За послѣднее время они пускали туда по билетамъ. Я все-таки

пробрался и видѣлъ его. Похожъ, очень похожъ на настоящаго. Такой же худой, желтый. Совсѣмъ какъ на старыхъ фотографіяхъ. И хорошо же ему теперь будетъ житься. Въ полное удовольствіе! То-то его откормятъ и отпоятъ! Вѣдь этакое человѣку счастье! Я такъ думаю, они пошлютъ его на Капри для поправки.

Старикъ закашлялся, завистливо захихикалъ и забормоталъ:

— Счастье... везетъ людямъ счастье... а вотъ я просидѣлъ всю жизнь въ Лондонѣ... и все надѣялся... все ждалъ, что представится случай...

— Откуда же вы знаете, что настоящій Спящій умеръ?— рѣзко спросилъ Грэмъ.

Старикъ съ удивленіемъ поднялъ голову и убѣжденно сказалъ:

— Люди живутъ не больше десяти дюжинъ лѣтъ. Таковъ законъ природы. Я не дуракъ. Пусть дураки вѣрятъ, а я не хочу. Я не дуракъ.

— Я не знаю, дуракъ вы или нѣтъ,—озлобленно закричалъ Грэмъ,—но относительно Спящаго вы ошибаетесь!

— Что?

— Относительно Спящаго вы ошибаетесь! Въ этомъ я васъ могу увѣрить!

— Откуда вы это знаете? Вѣдь вы сами сказали, что вы ничего не знаете... не знаете даже городовъ наслажденій?..

Грэмъ молчалъ.

— Откуда вы можете это знать?—продолжалъ допрашивать старикъ, при чемъ въ его голосѣ явно звучала насмѣшка.— Объ этомъ знаютъ только очень немногіе...

— Я — Спящій!

Старикъ переспросилъ. Грэмъ повторилъ свои слова. Наступило длинное молчаніе.

— Вы меня извините,—заговорилъ, наконецъ, старикъ,— но теперь, въ это тревожное время, такія слова могутъ обойтись вамъ очень дорого.

— Но я васъ увѣряю, что я—Спящій,—повторилъ Грэмъ.— Много, много лѣтъ тому назадъ я заснулъ въ небольшомъ мѣстечкѣ на берегу моря, это было въ то время, когда еще существовали деревни и гостиницы, когда въ Англіи было развито земледѣліе. Поймите меня: я,—я, который сейчасъ говоритъ съ вами... Я проснулся четыре дня тому назадъ.

— Четыре дня тому назадъ! Спящій! Но вѣдь Спящій у нихъ въ рукахъ. Они не такъ глупы, чтобы выпустить его.

Чепуха! Я совершенно ясно представляю себѣ, какъ они его охраняютъ. Линкольнъ не спуститъ съ него глазъ. Чтобы они позволили Спящему одному бѣгать по городу! Ха-ха-ха! Чудакъ вы! Шутникъ. Хочетъ меня увѣрить, что Острогъ выпуститъ Спящаго, того самаго Спящаго, изъ-за котораго загорѣлась вся эта исторія! Воображаю!

Грэмъ всталъ.

— Вѣрьте мнѣ или нѣтъ,—сказалъ онъ,—но я—Спящій.

— Шутъ вы, а не Спящій!—воскликнулъ старикъ.—Сидите здѣсь, въ темнотѣ, и врете всякую чепуху. Думаете, нашли дурака!

Грэмъ злобно разсмѣялся и воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Когда же кончится этотъ проклятый сонъ! Чѣмъ онъ кончится? Вотъ здѣсь стою я, жалкій пережитокъ двухъ столѣтій, и напрасно стараюсь убѣдить стараго идіота въ томъ, что я — я! Я самъ, а не кто другой? Вѣдь это же, наконецъ...

Онъ рѣзко повернулся и быстро пошелъ въ сторону. Старикъ побѣжалъ за нимъ.

— Послушайте, не уходите. Я знаю, что я старыи дуракъ! Не оставляйте меня одного въ темнотѣ!

Грэмъ нерѣшительно остановился. Только теперь ему пришла въ голову мысль, что онъ поступилъ опрометчиво, выдавъ свою тайну.

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть,—сказалъ старикъ, приближаясь.—Не обижайтесь на меня! Если хотите, называйте себя Спящимъ. Я понимаю шутку.

Грэмъ рѣзко обернулся и быстро пошелъ дальше. Нѣсколько времени онъ слышалъ за собою нетвердые шаги старика и глухіе возгласы. Потомъ все затихло, и Грэма охватила безмолвная темнота.

XII.

Острогъ.

Постепенно мысли Грэма дѣлались яснѣе. Онъ начиналъ давать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Онъ долго бродилъ по пустыннымъ улицамъ, и, наконецъ, строго обдумавъ то, что сказалъ ему старикъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что ему необходимо прежде всего найти этого Острога. Для него было совершенно ясно, что руководители возстанія съ удивительнымъ мастерствомъ сумѣли скрыть исчезновеніе его, Спящаго. Однако, совѣтъ, въ свою очередь, могъ каждую минуту заявить, что Спящій находится у него или что онъ умеръ.

Погруженный въ размышленія, Грэмъ не замѣтилъ, какъ къ нему приблизился какой-то человѣкъ, и очнулся только тогда, когда тотъ остановился передъ нимъ и окликнулъ его:

— Вы слышали?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Грэмъ, вздрогнувъ отъ неожиданности.

— Почти дюжина! Вы понимаете—почти дюжина!—Съ этими словами человѣкъ убѣжалъ дальше.

Затѣмъ изъ темноты показалась цѣлая группа мужчинъ. Всѣ они кричали:

— Сдались! Прекратили борьбу! Дюжина! Двѣ дюжины! Острогъ, ура! Острогъ, ура!

Не успѣли эти крики замолкнуть вдали, какъ раздались новые. Однѣ группы мужчинъ появлялись за другими. Всѣ были очень оживлены, всѣ кричали.

Вниманіе Грэма невольно привлекали къ себѣ доносившіеся до него обрывки фразъ. Порой онъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, что эти люди говорятъ по-англійски. Не только слоги, но и цѣлыя слова иногда звучали совершенно непонятно. Порой раздавались гортанные звуки китайскаго языка или слышались хриплые возгласы нарѣчій чернокожихъ обитателей центральной Африки, такъ называемый „ниггеръ-инглисъ". Все поведеніе народа, однако, было проникнуто такимъ чувствомъ побѣднаго торжества, что въ Грэмѣ все болѣе крѣпла увѣренность въ таинственномъ Острогѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ оттѣнкомъ злорадства начиналъ сознавать, что всѣ эти люди радовались пораженію совѣта, что тотъ самый совѣтъ, который нѣсколько дней тому назадъ произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, который съ такой энергіей преслѣдовалъ его по крышамъ, что этотъ самый совѣтъ въ борьбѣ оказался слабой стороной.

Однако... въ концѣ-концовъ... какое ему было до всего этого дѣло? Все, что до сихъ поръ окружало его, было до такой степени странно и дико, что Грэмъ положительно затруднился бы опредѣленно сказать, что для него лучше: бѣлый совѣтъ или таинственный Острогъ съ его голубыми повстанцами? Кромѣ того... въ данное время Грэмъ находился въ состояніи полной безпомощности. Онъ не зналъ, гдѣ находится совѣтъ, но въ то же время не имѣлъ понятія и о томъ, гдѣ находится Острогъ. Не разъ ему хотѣлось обратиться съ вопросомъ къ кому-нибудь изъ встрѣчныхъ, но его удерживало смутное чувство осторожности.

Однако, въ концѣ-концовъ надо было на что-нибудь рѣшиться. Послѣ долгихъ размышленій Грэмъ пришелъ къ убѣ-

жденію, что ему надо какъ-нибудь добраться до флюгеровъ. Ему не разъ говорили, что Острогъ находится около флюгеровъ. Старикъ тоже подтвердилъ, что его сыновья отправились къ Острогу, къ флюгерамъ. Ясно, что проще всего было бы пробраться къ этимъ таинственнымъ флюгерамъ.

Грэмъ обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ, какъ ему пройти къ флюгерамъ. Тотъ посовѣтовалъ ему отправиться въ Вестминстеръ. Другой встрѣчный указалъ ему кратчайшій путь, на которомъ Грэмъ, однако, заблудился. Ему посовѣтовали свернуть съ улицы и спуститься по какой-то темной лѣстницѣ, на перекресткѣ. Въ темнотѣ Грэмъ встрѣтилъ какое-то существо, которое хриплымъ голосомъ обратилось къ нему съ рѣчью, очень отдаленно напоминавшей англійскій языкъ. Потомъ его обхватили потныя руки какого-то существа женскаго пола. Женщина смѣялась, болтала что-то о какой-то сестрѣ, которую она гдѣ-то потеряла, напѣвала веселенькій мотивъ и оставила Грэма въ покоѣ только послѣ того, какъ онъ оттолкнулъ ее довольно неделикатно.

Оживленіе вокругъ него возрастало. Люди спотыкались въ темнотѣ, сталкивались другъ съ другомъ и обмѣнивались восклицаніями:

— Они сдались! Всѣ сдались! И совѣтъ! Нѣтъ, совѣтъ не сдался! Какъ не сдался? Объ этомъ всѣ говорятъ на улицахъ!..

Между тѣмъ проходъ дѣлался все шире и, наконецъ, привелъ Грэма на большую площадь, въ глубинѣ которой двигалась толпа. Грэмъ обратился къ одной изъ мелькавшихъ мимо него темныхъ фигуръ и спросилъ, какъ пройти къ флюгерамъ.

— Наискось и прямо,—отвѣтилъ ему женскій голосъ.

Грэмъ двинулся впередъ въ темноту, но сейчасъ же наткнулся на небольшой столикъ, на которомъ стояла какая-то стеклянная посуда. Грэмъ остановился. Его глаза уже настолько привыкли къ темнотѣ, что онъ могъ различить длинный рядъ столиковъ, разставленныхъ вдоль стѣны. Онъ направился мимо этихъ столиковъ. За нѣкоторыми изъ нихъ раздавался звонъ посуды и легкій шумъ ѣды. Очевидно, нашлись люди, которые, несмотря на происходившія грозныя событія, сохранили настолько хладнокровія, что могли ѣсть. Для него это было непонятно. Затѣмъ вдали, на значительной вышинѣ, Грэмъ замѣтилъ блѣдное свѣтлое пятно полукруглой формы. Но вслѣдъ за тѣмъ это пятно задернулось непроницаемой завѣсой. Грэмъ едва не упалъ на лѣстницѣ, которая привела его къ новой галлереѣ. Около него раздался тихій плачъ,—онъ вглядѣлся въ темноту и разглядѣлъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, пугливо

прижавшихся къ какой-то рѣшеткѣ. Онъ пытался успокоить ихъ, но онѣ продолжали молча всхлипывать. Онъ пошелъ дальше.

Черезъ нѣкоторое время передъ Грэмомъ открылась лѣстница, которая кончалась гдѣ-то наверху, гдѣ брезжилъ полусвѣтъ. Онъ поднялся по лѣстницѣ и снова вышелъ на улицу. Здѣсь шумно двигалась безпорядочная народная толпа. Всѣ кричали и довольно фальшиво пѣли уже слышанную имъ раньше пѣсню. Кое-гдѣ горѣли факелы, отбрасывавшіе фантастическія, колеблющіяся тѣни. Онъ два раза спрашивалъ, какъ ему пройти къ флюгерамъ, но получалъ отвѣтъ на непонятномъ для него нарѣчіи. Изъ третьяго отвѣта онъ, наконецъ, разобралъ, что до флюгеровъ осталось около двухъ миль, но что дорога туда идетъ все прямо.

Онъ отправился по указанному направленію. На улицахъ все чаще встрѣчались люди, восторженно кричавшіе о побѣдѣ, но сколько Грэмъ ни прислушивался, онъ не могъ уловить ни одного слова объ исчезновеніи его, Спящаго. Вдругъ, совершенно неожиданно, улицы залились яркимъ свѣтомъ, который окончательно возвѣщалъ о пораженіи совѣта, а о Спящемъ все-таки никто не упоминалъ.

Освѣщеніе появилось такъ внезапно, что въ первое мгновеніе Грэмъ долженъ былъ остановиться. Онъ былъ ослѣпленъ этимъ рѣзкимъ переходомъ отъ темноты къ яркому свѣту. Кругомъ него всѣ тоже остановились. Но уже черезъ мгновеніе на улицахъ царило лихорадочное оживленіе. Грэма толкали люди, изъ которыхъ многіе носили повязки и были забрызганы кровью. Эта кровь была пролита за него, за его дѣло!

Наконецъ Грэмъ добрался до грандіознаго зданія управленія флюгерами. Фасадъ этого зданія былъ ярко освѣщенъ какой-то движущейся картиной, которую Грэмъ не могъ различить. По отрывочнымъ восклицаніямъ окружавшихъ его людей онъ понялъ, что картина воспроизводитъ отдѣльные эпизоды борьбы около ратуши. Съ каждымъ мгновеніемъ Грэмъ все сильнѣе чувствовалъ желаніе возможно скорѣе найти этого таинственнаго Острога, побѣдителя совѣта. Онъ медленно, съ большимъ трудомъ протискивался сквозь толпу къ освѣщенному фасаду зданія. Передъ нимъ мелькнула лѣстница, которая вела внутрь зданія, и онъ энергично сталъ пробиваться къ ней. Однако прошло болѣе часа, пока ему удалось протѣсниться до входа на лѣстницу. Здѣсь онъ встрѣтилъ стражу, преграждавшую входъ. Когда онъ сказалъ, что онъ—Спящій, стража разразилась грубыми насмѣшками. Онъ понялъ свою оплошность, разсмѣялся самъ, заявилъ, что пошутилъ и что у него есть

важныя извѣстія для Острога, которыя онъ можетъ передать только ему самому. Послѣ долгихъ переговоровъ одинъ изъ часовыхъ отправился съ докладомъ, а Грэму позволили войти въ небольшую комнатку около шахты подъемной машины. Здѣсь ему пришлось ждать очень долго. Наконецъ отворилась дверь и вышелъ Линкольнъ. Онъ остановился, пристально вглядѣлся въ Грэма и бросился къ нему съ радостнымъ крикомъ:

— Это вы!—воскликнулъ онъ.—Вы живы! Какое счастье!

Грэмъ въ нѣсколькихъ словахъ описалъ свои приключенія.

— Мой братъ ждетъ васъ,—сказалъ Линкольнъ.—Мы боялись, что васъ убили въ театрѣ. Если бы это случилось, то... надо вамъ сказать, что, хотя мы увѣряемъ всѣхъ въ полной побѣдѣ, наши дѣла обстоятъ далеко не блестяще. Иначе мы давно бросились бы искать васъ.

Подъемная машина подняла ихъ на значительную высоту, затѣмъ они прошли по узкому коридору, миновали большой пустынный залъ и вошли въ небольшую комнату, вся обстановка которой состояла изъ длиннаго дивана и изъ большого овальнаго диска, висѣвшаго на длинныхъ кабеляхъ около стѣны. По этому диску, среди сѣрыхъ облаковъ, медленно проносились какія-то смутныя, расплывчатыя фигуры. Линкольнъ вышелъ въ другую дверь и оставилъ Грэма одного.

Прошло нѣсколько мгновеній. Вдругъ вниманіе Грэма привлекъ далекій ревъ толпы. Несмотря на то, что этотъ ревъ раздался внезапно и очевидно доносился издалека, Грэмъ ясно различилъ торжествующіе, радостные клики. Однако эти звуки смолкли такъ же внезапно, какъ они раздались. Получилось впечатлѣніе, будто быстро была открыта и затѣмъ снова закрыта дверь. Въ сосѣдней комнатѣ послышались быстрые шаги, сопровождаемые какими-то ритмическими металлическими звуками.

Затѣмъ раздался шелестъ одеждъ и мелодическій женскій голосъ произнесъ:

— Это Острогъ!

Серебристо прозвучалъ короткій звонокъ и потомъ все снова стихло.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ сосѣдней комнатѣ началось движеніе. Слышались шаги, голоса. Изъ общаго шума выдѣлились твердые, размѣренные шаги, приближавшіеся къ двери. Закрывавшая дверь портьера дрогнула и медленно раздвинулась; на ея темномъ фонѣ показался высокій, сѣдой человѣкъ, одѣтый въ кремовый шелковый плащъ.

На мгновеніе бѣлый человѣкъ остановился, пристально глядя на Грэма, затѣмъ онъ опустилъ за собою портьеру и вошелъ въ комнату. Въ первый моментъ Грэмъ замѣтилъ очень широкій лобъ, свѣтло-голубые глаза, глубоко спрятанные подъ густыми бѣлыми бровями, горбатый носъ и рѣзко очерченныя, энергичныя губы. Несмотря на то, что этотъ человѣкъ держался очень бодро и прямо, тяжелыя складки подъ глазами и опущенные углы рта краснорѣчиво говорили о его старости.

Грэмъ, только что опустившійся было на диванъ, какъ-то невольно поднялся. Нѣсколько секундъ оба молча разглядывали другъ друга. Затѣмъ Грэмъ спросилъ:

— Вы Острогъ?

— Да, я Острогъ.

Наступило опять неловкое молчаніе.

— Мнѣ сказали,—заговорилъ, наконецъ, Грэмъ,—что вамъ я обязанъ моимъ спасеніемъ.

— Мы боялись, что васъ убили, — сказалъ Острогъ.—Или, вѣрнѣе, обрекли на вѣчный сонъ. Когда вы исчезли, мы приняли всѣ возможныя мѣры, чтобы скрыть ваше исчезновеніе. Гдѣ вы были? Какъ вы добрались сюда?

Грэмъ кратко разсказалъ ему все

Острогъ молча выслушалъ его, затѣмъ сказалъ, слегка улыбаясь:

— А знаете ли вы, чѣмъ я былъ занятъ въ ту минуту, когда мнѣ сказали, что пришли вы?

— Право, не могу догадаться.

— Я готовилъ вашего двойника.

— Моего двойника?

— Да.—Съ большимъ трудомъ мы разыскали человѣка, похожаго на васъ. Мы хотѣли его гипнотизировать, чтобы избавить его отъ тяжелой необходимости играть трудную роль. Для насъ не оставалось другого выхода. Все народное возстаніе основано на увѣренности въ томъ, что вы проснулись, что вы живы и находитесь среди насъ. Уже теперь огромная народная толпа собралась въ театрѣ и властно требуетъ, чтобы ей показали васъ. Народъ не совсѣмъ довѣряетъ даже намъ... Я полагаю, что вы даете себѣ отчетъ въ томъ, какое положеніе вы занимаете?

— Объ этомъ я имѣю очень смутное понятіе, — сказалъ Грэмъ.

— Неужели?—Съ этими словами Острогъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ полный оборотъ вокругъ себя, широко раскрылъ руки и сказалъ:

— Вамъ нераздѣльно принадлежитъ половина земного шара. Вы—могучій властелинъ. Правда, ваша власть ограничена разными сложными законами и обычаями, но все-таки въ васъ всѣ видятъ символъ правительства, символъ власти. Этотъ бѣлый совѣтъ, распорядительный совѣтъ...

— Въ общихъ чертахъ я уже знакомъ со всѣмъ этимъ.

— Откуда же вы?..

— Во время моихъ скитаній я встрѣтилъ болтливаго старика, который...

— Ага! Понимаю... Наши народныя массы—это слово сохранилось еще отъ вашего времени—наши народныя массы видятъ въ васъ своего единственнаго законнаго властителя. Въ ваше время массы считали своими законными властителями королей. И вотъ, на всемъ земномъ шарѣ народныя массы недовольны правленіемъ совѣтовъ, распоряжающихся вашимъ именемъ. Въ общемъ здѣсь мы видимъ простое повтореніе прежняго: прежняя неудовлетворенность рабочихъ классовъ, прежнее требованіе обладанія полнымъ продуктомъ труда. Однако все-таки надо сознаться, что ваши управители позволили себѣ очень много злоупотребленій. Напримѣръ, особенно неосмотрительно они поступали по отношенію къ рабочимъ союзамъ. Съ теченіемъ времени противъ нихъ накопилось очень много обвиненій. Мы, представители рабочей партіи, готовились къ серьезному протесту, какъ вдругъ... вы проснулись. Вдругъ! Если бы намъ была дана возможность выбрать самое дѣйствительное средство для того, чтобы поднять народныя массы, мы не могли бы выбрать болѣе дѣйствительнаго средства, чѣмъ ваше пробужденіе. Среди борцовъ за народные интересы уже давно находились смѣлые мечтатели, фантазія которыхъ рисовала возможность разбудить васъ и обратиться къ вамъ, какъ къ высшему земному авторитету. И вдругъ!..

Острогъ жестомъ показалъ, какое впечатлѣніе произвело пробужденіе Грэма.

— Совѣтъ былъ такъ ошеломленъ, что сразу не могъ рѣшить, что съ вами дѣлать. Члены совѣта перессорились между собою. Впрочемъ, они всегда ссорились. Въ концѣ-концовъ, всѣ согласились съ тѣмъ, что васъ надо изолировать, арестовать, скрыть отъ народа.

— Да, я понимаю. Скрыть... Но теперь, когда мы побѣждаемъ...

— Мы побѣждаемъ. Вы правы—мы побѣждаемъ. За послѣдніе пять часовъ побѣда оказалась на нашей сторонѣ. Мы атаковали ихъ по всей линіи совершенно неожиданно. Намъ во-время удалось овладѣть аэропилами.

— Ага, аэропилами! — глубокомысленно замѣтилъ Грэмъ, смутно догадываясь, что аэропилами называются летательныя машины.

— Вы понимаете, что это было чрезвычайно важно. Иначе они могли бы бѣжать. Въ борьбѣ приняли участіе двѣ трети всего населенія города. На нашей сторонѣ были всѣ синіе, всѣ чиновники, за исключеніемъ нѣсколькихъ аэронавтовъ и половины красной полиціи. Впрочемъ, изъ всѣхъ сторонниковъ совѣта едва ли удалось добраться до ратуши половинѣ— остальные разсѣяны, обезоружены или убиты. Теперь въ нашихъ рукахъ находится весь Лондонъ, кромѣ ратуши.

Какъ я уже сказалъ, на сторонѣ совѣта осталась только половина красной полиціи, но значительная часть и этой половины погибла при безсмысленной попыткѣ овладѣть вами. Потерявъ васъ, они потеряли головы. Всѣ силы, оставшіяся въ ихъ распоряженіи, они направили на театръ. Мы воспользовались этимъ и отрѣзали главнымъ ихъ силамъ отступленіе къ ратушѣ. Мы побѣдили. Еще вчера всѣмъ управлялъ бѣлый совѣтъ, какъ онъ управлялъ цѣлый гроссъ лѣтъ, или, какъ говорили въ ваше время, полтора столѣтія. И вдругъ... онъ побѣжденъ, погибъ безвозвратно.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ Грэмъ.—Я не понимаю всей этой борьбы. Если бы вы могли мнѣ объяснить. Гдѣ сейчасъ находится совѣтъ? Кончилась борьба, или еще продолжается?

Острогъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, раздался короткій металлическій звукъ и комната погрузилась въ темноту. Только овальный экранъ былъ слабо освѣщенъ.

Оправившись отъ перваго удивленія, Грэмъ взглянулъ на экранъ. Вмѣсто сѣрой, туманной поверхности, передъ нимъ теперь находилось что-то въ родѣ овальнаго окна, за которымъ разыгрывалась странная, дикая сцена.

Въ первое мгновеніе Грэмъ не могъ разобраться въ томъ хаосѣ, который появился передъ нимъ на экранѣ. Послѣ яркаго искусственнаго свѣта казалось совершенно невѣроятнымъ это тусклое освѣщеніе сѣренькаго зимняго дня. Черезъ всю картину на первомъ планѣ, тянулся свернутый спиралью толстый бѣлый кабель. Затѣмъ онъ замѣтилъ цѣлый рядъ большихъ воздушныхъ колесъ и узналъ въ нихъ тѣ, среди которыхъ онъ бѣжалъ, спасаясь отъ совѣта. Черезъ большую открытую площадь маршировали сомкнутые ряды черныхъ и красныхъ фигуръ. Еще прежде, чѣмъ заговорилъ Острогъ, онъ понялъ, что передъ нимъ на экранѣ отражается крыша современнаго Лондона. Онъ замѣтилъ, что на крышѣ уже не было снѣга,

который причинилъ ему столько непріятностей въ минувшую ночь. Очевидно, что этотъ экранъ представлялъ собою последнее слово оптики, нѣчто въ родѣ усовершенствованной камеры обскуры.

Внимательно наблюдая развертывавшуюся передъ нимъ картину, Грэмъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что фигуры, маршировавшія слѣва направо, исчезали въ лѣвой части экрана. Вглядѣвшись пристальнѣе, онъ понялъ, что вся картина, какъ панорама, медленно передвигалась по экрану справа налѣво.

— Сейчасъ вы увидите борьбу, — сказалъ Острогъ.—Эти красные люди, которыхъ вы здѣсь видите,—наши плѣнные. Эта площадь—такъ называемые чердаки Лондона. Теперь всѣ дома слились между собою. Надъ улицами и площадями раскинуты сплошныя крыши. Теперь нѣтъ больше тѣхъ промежутковъ между зданіями, которые существовали въ ваше время.

На одно мгновеніе картина, отражавшаяся на овалѣ, затмилась какою-то расплывчатой тѣнью, смутныя очертанія которой напоминали человѣческую фигуру. Черезъ мгновеніе тѣнь исчезла, и картина снова пріобрѣла прежнюю ясность. Теперь Грэмъ видѣлъ, какъ подъ вѣтряными двигателями бѣжали люди, направлявшіе куда-то дула своихъ ружей, какъ изъ этихъ дулъ вдругъ вырывались небольшіе снопы пламени... Людей появлялось все больше и больше, они сплочивались въ густую толпу, махали руками, очевидно, кричали что-то, судя по выраженію ихъ лицъ... Толпа, вмѣстѣ съ размѣренно двигавшимися вѣтряными колесами, медленно перемѣщалась по экрану и исчезала за предѣлами его.

— Сейчасъ вы увидите ратушу,—сказалъ Острогъ.

По экрану медленно поползла какая-то черная полоса. Вглядѣвшись пристальнѣе, Грэмъ увидѣлъ передъ собою огромное пространство, почернѣвшее отъ копоти. Огромные, полуразрушенные столбы, роскошныя колонны кое-гдѣ поднимались среди этого опустошенія. Сверху не было обычной стеклянной крыши и къ блѣдному зимнему небу неслись легкія струйки дыма. Все это печальное мѣсто разрушенія кишѣло темными фигурками людей, прыгавшихъ и лазившихъ по развалинамъ.

— Посмотрите,—сказалъ Острогъ,—эти безумцы истратили такую массу снарядовъ, съ которой они могли бы продержаться цѣлый мѣсяцъ и истратили только на то, чтобы взорвать зданія вокругъ ратуши. Вы слышали взрывъ? Онъ во всемъ городѣ разбилъ тонкія стекла. Они воображаютъ, что такимъ способомъ имъ удастся удержать насъ отъ штурма.

Пока Острогъ говорилъ, на экранѣ вырисовались высокія бѣлыя зданія, одиноко поднимавшіяся среди дымящихся разва-

линъ. Взрывъ разрушилъ часть стѣнъ, за которыми зловѣще чернѣли впадины коридоровъ и залъ. Мутный дневной свѣтъ заливалъ своей блѣдной волной эту картину разрушенія и придавалъ ей зловѣщій характеръ. Всюду висѣли оборванные кабели и концы другихъ проводниковъ. Эта картина насильственной смерти оживлялась лишь красными точками двигавшихся по всѣмъ направленіямъ защитниковъ совѣта. Изрѣдка сверкали вспышки, напоминавшія молнію. Сначала Грэму показалось, что гарнизонъ этого одинокаго бѣлаго зданія отражаетъ нападеніе, но затѣмъ онъ понялъ, что красные защитники его безпрерывно стрѣляютъ по всѣмъ направленіямъ, не имѣя передъ собой опредѣленной цѣли, очевидно, просто для устрашенія.

А между тѣмъ не прошло еще десяти часовъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сидѣлъ въ крошечной комнаткѣ этого полуразрушеннаго зданія, подъ самой крышей, и тщетно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, что совершается за этими стѣнами.

Острогъ шагъ за шагомъ описывалъ всю борьбу съ совѣтомъ, начиная съ момента ея возникновенія. Онъ равнодушно говорилъ о безчисленныхъ жертвахъ, которыхъ стоило это чудовищное разрушеніе, обратилъ вниманіе Грэма на вереницы санитаровъ, двигавшихся среди развалинъ и подбиравшихъ раненыхъ. Онъ оживился только тогда, когда заговорилъ о способахъ защиты противника, сталъ указывать на болѣе сильныя и слабыя мѣста его цитадели. Черезъ полчаса событія, разыгравшіяся въ Лондонѣ, были для Грэма совершенно ясны. Онъ понялъ, что то, что произошло за послѣдніе часы, не было ни хаотическимъ возстаніемъ ни планомѣрной войной, но представляло собою блестяще организованный государственный переворотъ. Острогъ выказалъ поразительное знаніе всѣхъ мельчайшихъ подробностей развертывавшейся передъ ними картины. Для него были ясны намѣренія каждой черной или красной фигурки, ползавшей среди этого хаоса.

Острогъ протянулъ руку къ картинѣ и показалъ комнату, въ которой Грэмъ провелъ нѣсколько дней, намѣтилъ весь тотъ путь, по которому Грэмъ бѣжалъ изъ этой комнаты. Грэмъ узналъ тотъ желобъ, вдоль котораго его преслѣдовала летательная машина, узналъ тотъ большой вѣтряной двигатель, въ тѣни подножія котораго онъ скрывался отъ вспыхнувшаго яркаго свѣта. Однако теперь желобъ кончался обрывомъ, за которымъ начиналась область разрушенія.

— Неужели совѣтъ дѣйствительно побѣжденъ? — спросилъ онъ.

— Да, побѣжденъ окончательно.

— А я... неужели это правда?...

— Вамъ принадлежитъ полміра.

— Но это бѣлое знамя?...

— Это — знамя совѣта, знамя мірового владычества. Оно скоро падетъ. Теперь борьба кончена. Ихъ атака театра была послѣдней отчаянной попыткой. Теперь у нихъ осталось не болѣе тысячи человѣкъ, да и изъ тѣхъ многіе ждутъ только момента, чтобы перейти на нашу сторону. У нихъ нѣтъ патроновъ. А мы хотимъ вспомнить старину. Мы спѣшно льемъ пушки.

— Однако... къ нимъ могутъ прійти на помощь. Вѣдь этотъ городъ не весь міръ!?

— Нѣтъ. Но вся ихъ власть за послѣднее время была сосредоточена именно въ этомъ городѣ. Остальные города большею частью поднялись вмѣстѣ съ нами или ожидаютъ исхода нашей борьбы. Ваше пробужденіе всѣхъ поразило, нарушило всякое равновѣсіе.

— Однако... развѣ у совѣта нѣтъ летательныхъ машинъ? Отчего онъ не пользуется ими для борьбы?

— У него были летательныя машины. Но большая часть аэронавтовъ съ самаго начала была на нашей сторонѣ. Правда, они не хотѣли открыто перейти къ намъ, но и въ то же время они не предпринимали ничего противъ насъ. Чтобы выяснить положеніе, мы должны были вступить съ аэронавтами въ открытую борьбу. Какъ только выяснилось, что вамъ удалось бѣжать, всѣ летательныя машины немедленно опустились. Человѣка, который въ васъ стрѣлялъ, мы убили. Такимъ образомъ, мы овладѣли всѣми летательными машинами. Нѣсколькимъ легкимъ аэропланамъ удалось подняться, но мы поддерживали такой ожесточенный огонь, что не только не позволили имъ приблизиться къ ратушѣ, но заставили большинство изъ нихъ опуститься на землю. При этомъ нѣкоторые пострадали отъ нашего огня и разбились. Очень немногимъ удалось улетѣть на материкъ, но и для нихъ нѣтъ никакой надежды помочь совѣту. Вообще дѣло совѣта можно считать окончательно проиграннымъ.

Острогъ засмѣялся и снова протянулъ руку къ экрану чтобы указать Грэму на нѣсколько летательныхъ машинъ, парившихъ въ воздухѣ. Несмотря на утренній туманъ, скрывавшій ихъ очертанія, Грэма поразили чудовищные размѣры этихъ аппаратовъ. Четыре летательныхъ машины крейсеровали въ воздухѣ, очевидно, наблюдая за дѣйствіями непріятеля.

Пораженный всѣмъ видѣннымъ и пережитымъ, Грэмъ предложилъ своему собесѣднику нѣсколько вопросовъ. Острогъ

отвѣтилъ на первый изъ нихъ, затѣмъ перебилъ самъ себя и рѣшительно сказалъ:

— Обо всемъ этомъ мы съ вами поговоримъ потомъ. Теперь мы должны исполнить свои обязанности. Со всѣхъ концовъ города движущіяся улицы приносятъ сюда несмѣтныя толпы народа. Рынки и театры переполнены. Вы явились какъ разъ во-время. Народъ властно требуетъ, чтобы ему васъ показали. Васъ хотятъ видѣть вездѣ. Парижъ, Нью-Йоркъ, Чикаго, Капри... Тысячи городовъ поднялись и хотятъ васъ видѣть. Народъ уже давно требовалъ, чтобы васъ разбудили, а теперь... онъ непремѣнно хочетъ васъ видѣть...

— Однако... не могу же я объѣхать всѣ эти города...

Острогъ подошелъ къ стѣнѣ и нажалъ какой-то рычагъ. Картина на овальномъ экранѣ поблѣднѣла и исчезла, комната наполнилась яркимъ свѣтомъ.

— Вамъ совсѣмъ не надо объѣзжать эти города,—сказалъ Острогъ.—Для этого у насъ есть кинемотелефотографы. Если вы здѣсь, въ этой комнатѣ, сдѣлаете нѣсколько поклоновъ, то миріады людей во всемъ мірѣ, если они для этого соберутся въ темныхъ помѣщеніяхъ, ясно увидятъ васъ. Правда, не въ краскахъ, а въ видѣ сѣраго отраженія, но они васъ увидятъ совершенно ясно. А вы здѣсь услышите ихъ возгласы. Кромѣ того, мы воспользуемся особымъ приспособленіемъ, которое часто примѣняютъ акробаты и танцовщицы. Быть-можетъ, этотъ приборъ вамъ еще незнакомъ. Мы на васъ направимъ яркіе свѣтовые лучи, и ваше отраженіе въ увеличенномъ видѣ появится на экранѣ. При такомъ способѣ на самомъ огромномъ разстояніи можно будетъ перечесть всѣ волоски на вашихъ рѣсницахъ.

Грэмъ почувствовалъ, какъ у него отъ всего этого кружится голова.

— Понятно,—продолжалъ Острогъ, — что народъ жаждетъ услышать вашъ голосъ. Вамъ совсѣмъ не надо произносить цѣлую рѣчь, какъ это дѣлалось въ ваше время. Достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Я бы посовѣтовалъ вамъ сказать: „Я проснулся, и мое сердце съ вами". Это всѣхъ удовлетворитъ.

— Какъ вы сказали?—спросилъ Грэмъ.

— „Я проснулся и мое сердце съ вами". При этомъ вы должны поклониться. По-царски. Однако сначала васъ нужно одѣть въ черное, потому что вашъ цвѣтъ—черный. Вы ничего не имѣете противъ этого? А потомъ вы отдохнете и разъѣдетесь.

— Я въ вашей власти,—сказалъ Грэмъ.

Очевидно, Острогъ былъ того же мнѣнія. После короткаго раздумья онъ подошелъ къ двери, раздвинулъ портьеру и отдалъ нѣсколько отрывистыхъ приказаній. Черезъ нѣсколько секундъ явился слуга и принесъ черный плащъ, какъ двѣ капли воды похожій на тотъ плащъ, который Грэму накинули на плечи въ театрѣ. Слуга накинулъ плащъ на Грэма, завязалъ шнуры. Изъ-за двери раздался рѣзкій, громкій звонокъ. Острогъ обратился къ слугѣ, хотѣлъ задать ему вопросъ, но затѣмъ раздумалъ, быстро подошелъ къ двери и исчезъ за портьерой.

Нѣсколько мгновеній Грэмъ стоялъ неподвижно противъ почтительно склонившагося передъ нимъ слуги и прислушивался къ удалявшимся шагамъ Острога. Откуда-то доносились быстрые вопросы, отвѣты, слышался шумъ суеты многихъ людей, затѣмъ портьера снова раздвинулась и вошелъ Острогъ. Его внушительное лицо горѣло отъ возбужденія. Большими шагами онъ прошелъ черезъ комнату, повернулъ какой-то рычагъ, нажалъ кнопку, и въ комнатѣ наступила темнота, среди которой видѣлся освѣщенный экранъ.

— Смотрите!—сказалъ Острогъ, схватывая Грэма за руку и указывая на экранъ.—Только что мы отвернулись и вотъ...

Грэмъ взглянулъ на экранъ, передъ которымъ чернѣлъ указательный палецъ Острога, увидѣлъ отраженіе ратуши, но въ первое мгновеніе ничего не понялъ. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что штанга, на которой раньше красовалось бѣлое знамя Совѣта, теперь была пуста.

— Вы хотите сказать что...—началъ онъ.

— Да,—перебилъ его Острогъ.—Совѣтъ сдался. Его власть кончилась навсегда. Смотрите!

Съ этими словами Острогъ указалъ на пустую штангу, по которой медленно ползло вверхъ черное знамя, развертывавшееся постепенно.

Изображеніе на экранѣ поблекло въ это мгновеніе, потому что вошелъ Линкольнъ и оставилъ портьеру раздвинутой.

— Они бѣснуются!—сказалъ Линкольнъ.

Острогъ, не выпуская руки Грэма, обратился къ нему:

— Мы подняли весь народъ. Мы роздали ему оружіе. Сегодня, по крайней мѣрѣ, мы должны выполнить его желанія. Сегодня для насъ его воля—законъ.

Линкольнъ почтительно отступилъ въ сторону, пропуская въ дверь Грэма и Острога...

По пути къ рынкамъ Грэмъ замѣтилъ длинное, узкое помѣщеніе съ бѣлыми стѣнами, въ которомъ люди, одѣтые въ синія рубахи, переносили длинные предметы, похожіе на но-

силки. Между ними суетились доктора въ красныхъ халатахъ. Изъ помѣщенія неслись стоны и вопли. Всюду виднѣлась кровь. Но эта тяжелая картина мелькнула лишь на одно мгновеніе и сейчасъ же скрылась...

Между тѣмъ гулъ толпы все приближался, росъ и наконецъ сталъ напоминать стихійные, безпрерывные раскаты грома. Въ концѣ коридора Грэмъ увидѣлъ развѣвающіяся

Всюду стояли разрушенныя стѣны... Всевозможные спутанные кабели висѣли какъ морская трава на неводѣ.

черныя знамена, синія и коричневыя полотнища, которыми махали въ воздухѣ. Рамки картины раздвинулись и они вошли въ тотъ же самый колоссальный театръ, въ который въ первый разъ Грэмъ спустился по кабелю, откуда онъ бѣжалъ въ темнотѣ. Теперь они вышли туда черезъ галлерею, расположенную высоко надъ сценой. Зданіе опять было залито яркимъ свѣтомъ. Онъ искалъ проходъ между мѣстами амфитеатра, по которому онъ спасался отъ выстрѣловъ, но не могъ

отличить его среди десятковъ такихъ же проходовъ. Кромѣ сцены, весь театръ быть запруженъ густой толпой.

Когда Грэмъ, въ сопровожденіи Острога, появился на галлереѣ, ревъ сразу умолкъ. Любопытство превозмогло возбужденіе. Вся эта масса, какъ одинъ человѣкъ, устремила на него свои взоры.

XIII.

Конецъ стараго строя.

Насколько Грэмъ могъ судить, бѣлое знамя совѣта опустилось около полудня. Но на выполненіе всѣхъ формальностей сдачи должно было уйти нѣсколько часовъ, а потому онъ, сказавъ свою „рѣчь“, удалился въ отведенныя ему подъ флюгерами комнаты. Онъ чувствовалъ себя настолько утомленнымъ, что впалъ въ совершенную апатію. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ неподвижно, безучастно глядя передъ собой широко открытыми глазами, но ничего не видя. Потомъ онъ заснулъ. Его разбудили два доктора, которые дали ему какое-то лѣкарство для подкрѣпленія. Потомъ онъ, по ихъ совѣту, принялъ холодную ванну и снова почувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ. За нимъ зашелъ Острогъ, чтобы сопровождать его на любопытное зрѣлище: послѣднюю сцену сдачи Бѣлаго совѣта.

Грэму показалось, что они прошли нѣсколько миль. Они двигались черезъ настоящій лабиринтъ коридоровъ, галлерей, проходовъ между зданіями. Наконецъ они достигли извилистаго коридора, который, постепенно расширяясь, наконецъ вывелъ ихъ на свободное мѣсто. Они очутились на стѣнѣ, около площади, загроможденной развалинами взорванныхъ совѣтомъ зданій. Это зрѣлище уже было знакомо Грэму по отраженію на экранѣ.

На первый взглядъ Грэму показалось, что открывшееся передъ нимъ пространство раскинулось больше, чѣмъ на полмили. Слѣва оно было залито золотистымъ свѣтомъ, а справа тонуло въ хмурой тѣни. Надъ сѣрымъ зданіемъ ратуши висѣло черное знамя побѣдителей. Всюду стояли разрушенныя стѣны, сквозь которыя можно было видѣть внутренность комнатъ. Всевозможные спутанные кабели висѣли какъ морская трава на неводѣ. И изъ этого хаоса снизу неслись возгласы, крики, звуки трубъ и много другихъ звуковъ. Бросивъ взглядъ внизъ, Грэмъ увидѣлъ людей, сплошной массой копошившихся всюду, гдѣ только можно было поставить ногу. Всѣ стремились къ

серединѣ площади. Слѣдовъ сраженія, кромѣ разрушенныхъ домовъ, не было видно. Убитыхъ и раненыхъ уже успѣли убрать.

— Не угодно ли вамъ показаться народу, государь,—почтительно сказалъ Острогъ.—Они жаждутъ васъ видѣть.

Послѣ секунднаго колебанія Грэмъ сдѣлалъ шагъ впередъ и подошелъ къ самому краю отвѣсной стѣны. Снизу его черная фигура должна была рѣзко выдѣляться на свѣтломъ фонѣ вечерняго неба.

Снизу его не сразу замѣтили, но когда его узнали, то по всему пространству мгновенно разлилась бурная волна восторженныхъ кликовъ. Въ это же время около ратуши появились ряды людей, одѣтыхъ въ черные мундиры. Желая выразить свою признательность за побѣду, Грэмъ поднялъ руку, указалъ на ратушу и сдѣлалъ жестъ привѣтствія. Послѣ этого клики превратились въ настоящій ревъ.

Между тѣмъ внизу совершались приготовленія. Раздавались приказанія, сигналы. Люди въ черныхъ мундирахъ вытащили нѣсколько сотъ труповъ прежнихъ защитниковъ ратуши.

По распоряженію Острога, на одной изъ высокихъ грудъ развалинъ соорудили нѣчто въ родѣ помоста, изъ балокъ и металлическихъ подпорокъ. На этомъ помостѣ было устроено возвышеніе, на которое теперь перешли Грэмъ, Острогъ и Линкольнъ. Отсюда можно было гораздо удобнѣе и ближе наблюдать то, что происходило около ратуши. Помостъ около возвышенія заняли вожди возстанія и черная стража съ своимъ зеленымъ оружіемъ, которое Грэмъ не умѣлъ даже назвать. Взоръ Грэма безпрерывно переходилъ отъ копошившагося среди развалинъ народа къ внушительнымъ стѣнамъ ратуши и обратно.

Вдругъ народъ разразился криками, въ которыхъ клокотали яростныя угрозы: показались члены Бѣлаго совѣта. Передъ ними тянулся проходъ, среди черныхъ фигуръ стражи. Маленькая кучка бѣлыхъ фигуръ, появившаяся въ черной пасти воротъ ратуши, совсѣмъ потонула среди толпы. Члены совѣта, бывшіе до тѣхъ поръ въ темнотѣ, невольно остановились, ослѣпленные свѣтомъ и оглушенные криками, въ которыхъ народъ выливалъ всю свою злобу, накопившуюся за полтора вѣка угнетенія и рабства. Произошло минутное замѣшательство, но потомъ бѣлыя фигуры двинулись дальше, сопровождаемыя все возрастающимъ дикимъ ревомъ. Когда они приблизились къ помосту, Грэмъ могъ разглядѣть ихъ блѣдныя, изнуренныя и озабоченныя лица. Они замѣтили помостъ и внимательно глядѣли на стоявшія на немъ черныя фигуры. Грэмъ невольно представилъ себѣ залъ съ бѣлой фигурой

Атласа, когда онъ тоже стоялъ наверху и когда его снизу тоже разглядывали эти люди...

Онъ узналъ нѣкоторыхъ членовъ совѣта, узналъ высокаго мужчину съ рыжей бородой, который въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе Говарда ударилъ рукой по столу, узналъ и шедшаго рядомъ съ этимъ мужчиной приземистаго брюнета съ вытянутымъ черепомъ. Онъ видѣлъ, какъ они что-то шепнули другъ другу и указали на стоявшаго за нимъ Острога. За ними, понурившись, шелъ высокій, красивый человѣкъ. Онъ лишь на мгновеніе поднялъ голову, бѣгло скользнулъ взглядомъ по Грэму и Острогу, и затѣмъ повернулся. Путь, по которому шли члены совѣта, былъ разсчитанъ такъ, что они должны были пройти около помоста, затѣмъ повернуть и по боковому входу подняться къ помосту, гдѣ должна была совершиться послѣдняя церемонія сдачи.

— Государь! Государь! — вопилъ народъ. — Къ дьяволу совѣтъ! Государь!

Грэмъ окинулъ взоромъ волновавшееся у его ногъ море народа, которое сплошной массой разстилалось вокругъ и пропадало въ туманной дали, затѣмъ взглянулъ на Острога, стоявшаго около него съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ, обернулся къ маленькой группѣ бѣлыхъ фигуръ членовъ совѣта... и вдругъ въ немъ снова пробудилось сознаніе чудовищности, невѣроятія того, что онъ переживаетъ. Это сонъ? Нѣтъ. Тогда, быть-можетъ, сномъ, грезой была та далекая, чуждая ему теперь жизнь, отъ которой его оторвали властныя чары забвенія?..

XIV.

Воронье гнѣздо.

На слѣдующее утро Грэмъ проснулся въ своемъ роскошномъ помѣщеніи, но и проснувшись продолжалъ чувствовать себя во снѣ. Тысячи мыслей, одна другой страннѣе и отрывочнѣе, мелькали у него въ мозгу.

Смутно рисовалась ему картина сдачи членовъ совѣта. Смутно представлялись бѣлыя фигуры, двигавшіяся среди стихійнаго, яростнаго рева толпы. Рисовались ему, какъ видѣніе. Но въ первыя мгновенія онъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ, гдѣ онъ находится. Сонъ и дѣйствительность сплелись для него въ какой-то общій хаосъ. Онъ помнилъ все, что произошло за послѣдніе дни, но помнилъ такъ, какъ помнятъ эпизоды, вычитанные изъ книгъ: нить, фабула ясна, но изъ подробностей лишь кое-гдѣ мелькаютъ обрывки, кое-гдѣ сверк-

нетъ лучъ свѣта, кое-гдѣ появится красочный уголокъ... появится и сейчасъ же исчезнетъ въ общемъ туманѣ.

Борьба... восторженныя привѣтствія народа...

Ему принадлежитъ полміра. Онъ почти единовластный хозяинъ этого полміра. Онъ властитель надъ всѣмъ, что существуетъ, что живетъ на этомъ полмірѣ. Разумъ говорилъ ему, что это не сонъ, а дѣйствительность, но изъ глубины души все-таки поднимались сомнѣнія, слышался голосъ, требовавшій новыхъ доказательствъ.

Слуга, почтительный до раболѣпства, повинуясь жестамъ и взглядамъ величественнаго гофмейстера, лицо котораго носило явные слѣды восточнаго происхожденія, помогъ ему одѣться. Въ то же время Грэмъ составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о событіяхъ послѣднихъ дней. Переворотъ совершился окончательно. Въ городѣ уже началась нормальная жизнь. За границей паденіе совѣта почти всюду было встрѣчено съ восторгомъ. Совѣтъ нигдѣ не пользовался симпатіями и при первомъ извѣстіи о плѣненіи Грэма сотни городовъ западной Америки, несмотря на сохранившуюся въ нихъ зависть къ Нью-Йорку, Лондону и вообще востоку, возстали, какъ одинъ человѣкъ. Въ Парижѣ произошла настоящая междоусобная война. Лишь немногія части населенія земного шара остались безучастными или колебались.

Во время завтрака въ углу зазвонилъ телефонъ и раздался голосъ Острога, спрашивавшій о здоровьѣ Грэма. Грэмъ прервалъ свой завтракъ и отвѣтилъ. Вскорѣ пришелъ Линкольнъ. Грэмъ выразилъ желаніе видѣть около себя возможно больше людей и вообще ознакомиться съ той новой жизнью, въ которую его бросила судьба. Линкольнъ сообщилъ ему, что черезъ три часа состоится раутъ, на который приглашены главные чиновники и ихъ жены. Что же касается желанія Грэма осмотрѣть городъ, то пока оно неосуществимо, такъ какъ народъ еще слишкомъ возбужденъ. Но, если ему угодно, онъ можетъ ознакомиться съ городомъ съ высоты птичьяго полета, изъ „вороньяго гнѣзда“. Грэмъ немедленно изъявилъ согласіе на это. Линкольнъ извинился передъ нимъ за то, что важныя дѣла, связанныя съ даннымъ моментомъ, лишаютъ его возможности выполнить пріятную обязанность проводника, и Грэмъ отправился къ „вороньему гнѣзду“ въ сопровожденіи гофмейстера.

Высоко надъ гигантскими вѣтряными колесами висѣло это воронье гнѣздо не менѣе тысячи футовъ надъ крышами. Снизу оно казалось крошечнымъ дискомъ, насаженнымъ на острую мачту. Грэмъ поднялся кверху въ небольшой корзинѣ,

подвѣшенной на металлическихъ канатахъ. На половинѣ высоты мачты, которая кстати вблизи оказалась весьма солиднымъ сооруженіемъ, висѣла легкая галлерея, вокругъ которой свѣшивался внизъ цѣлый лабиринтъ трубъ, медленно вращавшихся кругомъ общаго центра. Эти трубы, казавшіяся издали небольшими волосками въ совокупности составляли чрезвычайно сложное приспособленіе, позволявшее обозрѣвать все, что происходило въ городѣ. При помощи этихъ трубъ Грэмъ имѣлъ возможность наблюдать на экранѣ отраженіе борьбы, которая кончилась побѣдой народа...

Почти цѣлый часъ Грэмъ разспрашивалъ гофмейстера обо всемъ, что открывалось передъ его взорами.

Помимо разрушенія, положившаго свою мрачную печать на мѣстность вокругъ ратуши и помимо чернаго знамени, развѣвавшагося надъ послѣдней, съ той высоты, на которой находился Грэмъ, нельзя было уловить никакихъ признаковъ того гигантскаго переворота, который въ нѣсколько часовъ измѣнилъ соціальный строй всего міра. Всюду копошились люди. На одномъ изъ мостовъ суетились рабочіе, спѣшившіе возстановить связь и починить кабели и другіе провода между ратушей и городомъ. Это было спѣшно необходимо въ виду того, что Острогъ намѣревался переселиться въ ратушу.

Помимо этой группы, напоминавшей о борьбѣ, о разрушеніи, вся панорама была проникнута спокойствіемъ, миромъ обыденной жизни. Вдали, на горизонтѣ, возвышались голубоватые гребни холмистыхъ хребтовъ. На этомъ разстояніи нельзя было различить подробностей, но Грэмъ ясно представлялъ себѣ, что и тамъ, какъ здѣсь, вертятся огромныя колеса, отбрасываютъ фантастическія тѣни чудовищныя лопасти, которыя улавливаютъ стихійныя силы, направляютъ ихъ въ аккумуляторы, которые потомъ распредѣляютъ эти могучіе скопы по жизненнымъ артеріямъ городовъ и селеній...

Напрасно Грэмъ вглядывался въ хаосъ раскинувшейся передъ нимъ панорамы зданій, его взоръ не встрѣчалъ ни одного знакомаго очертанія. Изъ разговоровъ съ гофмейстеромъ онъ зналъ, что многія древнія зданія, между прочимъ, соборъ Павла, дворцы Вестминстера и т. п., еще существуютъ, но что они скрыты подъ землей, подъ сводами, на которыхъ выросли сооруженія позднѣйшихъ вѣковъ. Отъ Темзы, которая когда-то оживляла Лондонъ, не осталось слѣда. Далеко за городомъ каждая ея капля жадно поглощалась безчисленными водопроводами. Со стороны моря русло Темзы было превращено въ глубокій каналъ, по которому до самаго города тянулись караваны грузовыхъ судовъ, снабжавшихъ этотъ

центръ всеземного царства жизненными припасами, привезенными со всѣхъ концовъ земли. Въ туманной дали терялись грандіозные своды водопроводовъ, а въ трехъ направленіяхъ блѣдными линіями тянулись улицы, по которымъ стремились въ городъ сѣрые потоки... народа, поднятаго вѣстью о совершившемся переворотѣ.

Когда Грэнъ оторвался отъ земли и взглянулъ наверхъ, онъ увидѣлъ цѣлыя стаи воздушныхъ судовъ, сновавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Чиновникъ, дежурившій на площадкѣ вороньяго гнѣзда, въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему устройство этихъ аппаратовъ. Впрочемъ, изъ этого объясненія Грэмъ понялъ только то, что воздушныя повозки бываютъ съ однимъ, двумя и четырьмя колесами и носятся со скоростью отъ одной до шести миль въ минуту. Кромѣ того, онъ понялъ, что желѣзныя дороги окончательно отошли въ область преданій, что прежнія желѣзнодорожныя насыпи сохранились лишь въ видѣ курьезовъ, напоминавшихъ о далекомъ прошломъ.

Изъ всего, что пришлось услышать Грэму во время этой бесѣды, его больше всего поразило то, что въ странѣ почти совершенно исчезли города и деревни. Только кое-гдѣ, какъ ему сказали, возвышаются гигантскія сооруженія, по описанію скорѣе напоминающія громадныя гостиницы. Исчезли хутора, помѣщичьи усадьбы, мѣстечки съ разными ремесленниками, мелкими торговцами, ветеринарами, докторами, адвокатами, церквами... исчезли потому, что сначала появились дешевые трамваи, потомъ быстроходные автомобили, наконецъ—воздушныя повозки. Разстоянія совершенно утратили всякое значеніе, и сельское населеніе перекочевало въ города, которые естественно разрослись съ невѣроятной быстротой.

Культура росла. Вмѣстѣ съ тѣмъ росли потребности людей, росла жажда пользоваться всѣми благами культуры. Чѣмъ сложнѣе дѣлалась жизнь, тѣмъ дороже она обходилась тому, кто ютился внѣ большихъ городовъ. Телефонъ, кинематографъ и фонографъ окончательно вытѣснили газету, книгу и школьнаго учителя. Жить, не имѣя возможности пользоваться электрическимъ кабелемъ, значило жить въ первобытномъ состояніи, отказаться отъ всѣхъ благъ культуры. А между тѣмъ, внѣ города, кромѣ того, постепенно исчезала возможность не только пользоваться благами культуры, но и самыми необходимыми предметами, которые сосредоточивались исключительно въ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ головокружительной быстротой расширялась область механическихъ изобрѣтеній, благодаря чему сельскохозяйственныхъ рабочихъ вытѣснилъ инженеръ. Для обработки полей примѣнялись исключительно

лишь сложныя машины, требовавшія для ухода за собой немногихъ опытныхъ людей, которые жили въ городѣ и приносились утромъ къ мѣсту работы по воздуху. Городъ поглотилъ все населеніе.

Понятно, что такое состояніе, при которомъ въ корнѣ измѣнялось былое равновѣсіе между городомъ и деревней, повлекло за собою и коренное измѣненіе всего соціальнаго строя, но, несмотря на всѣ усилія, Грэмъ никакъ не могъ составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о томъ, въ какія формы вылился старый, но вѣчно новый вопросъ о взаимоотношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ.

Относительно политическаго строя Грэмъ къ концу своей бесѣды съ гофмейстеромъ и дежурнымъ чиновникомъ тоже не пришелъ къ какому-либо опредѣленному выводу. Конгрессы и парламенты считались анахронизмами... но что же замѣнило эти учрежденія? Какъ былъ рѣшенъ расовый вопросъ? Онъ ничего не могъ понять.

— Куда дѣвалась желтая опасность?

Ни гофмейстеръ ни чиновникъ даже не поняли этого вопроса. Призракъ пробуждающагося Китая канулъ въ Лету. Уже въ XX вѣкѣ люди поняли, что образованный китаецъ ничѣмъ не отличается отъ образованнаго европейца или американца, что образованный китаецъ по своему интеллекту стоитъ выше необразованнаго европейца или американца. Люди поняли, что человѣкъ въ концѣ-концовъ есть человѣкъ, что значеніе человѣка обусловливается не цвѣтомъ кожи, не строеніемъ его черепныхъ костей, а только степенью его развитія...

Когда бесѣда дошла до этой точки, Грэмъ почувствовалъ, что его собесѣдники едва ли могутъ сказать ему что-либо новое, и его мысли приняли другое наставленіе, его вниманіе снова обратилось на понораму, разстилавшуюся подъ его ногами.

На юго-западѣ поднимались „города наслажденій", о которыхъ упоминалъ старикъ на улицѣ. На сѣверѣ виднѣлись зданія, въ которыхъ изготовлялись разные виды глиняной и фарфоровой посуды, всевозможныя статуи и украшенія. Тамъ же скучились фабрики, электрическія станціи, въ которыхъ безпроволочной передачей отправлялись и получались всевозможныя свѣдѣнія, изготовлялись телефонные отчеты, замѣнившіе газеты прошлаго.

На западѣ, за разгромленной ратушей, возвышались огромныя зданія муниципальныхъ и правительственныхъ учрежденій, а на востокъ, по направленію къ гавани, широко раскинулись

торговые кварталы, съ ихъ колоссальными рынками, театрами, дворцами для собраній, безконечными билліардными залами и безчисленными храмами христіанскихъ и полухристіанскихъ сектъ, магометанъ, буддистовъ, поклонниковъ огня, привидѣній и т. д. А къ югу поднималась темная масса всевозможныхъ заводовъ.

Въ городѣ, на подвижныхъ улицахъ неслись безчисленныя массы народа. Казалось, что тамъ раскинулся чудовищный муравейникъ, населеніе котораго встревожено вторженіемъ непріятеля. Эта огромная губка улицъ, зданій и переходовъ втянула въ себя тридцать три милліона жизней, и при одной мысли объ этомъ Грэмъ почувствовалъ, насколько, въ сущности, ничтожно его собственное воображаемое величіе. Тридцать три милліона... Развѣ можетъ одинъ человѣкъ принять на себя всю тяжесть отвѣтствія за нихъ?..

Онъ сдѣлалъ попытку представить себѣ, въ чемъ эти люди должны видѣть смыслъ жизни, и съ удивленіемъ пришелъ къ заключенію, что и теперь, какъ прежде, смыслъ жизни для людей сосредоточивался въ жизни. Правда, благодаря поразительнымъ успѣхамъ науки, человѣкъ могъ жить спокойно, не опасаясь насилія, не страдая отъ заразныхъ болѣзней, всякій сытъ, обутъ, одѣтъ, всякій защищенъ отъ холода и ненастья, словомъ, механическіе успѣхи науки и организація общества оставляли желать развѣ лишь немногаго. Но, несмотря на это, Грэмъ уже по мимолетнымъ впечатлѣніямъ послѣднихъ дней понялъ, что масса, толпа осталась той же темной массой, какой она была прежде. Безпомощной въ рукахъ опытнаго демагога или организатора, трусливой и жадной, страшной своей стадностью, невмѣняемой, поражающей неожиданностями. Внизу неслись безчисленныя фигуры, одѣтыя въ грубое синее платье. Грэмъ зналъ, что милліоны этихъ людей, мужчинъ и женщинъ, никогда въ жизни не покидали города, никогда не выходили за тѣ узкія границы, въ которыхъ вращались ихъ маленькія дѣла и пошленькія удовольствія. Онъ невольно вспомнилъ о тѣхъ свѣтлыхъ надеждахъ, которыя его современники когда-то возлагали на будущее, онъ вспомнилъ тѣ волшебныя картины, которыя рисовалъ Гудзонъ въ своей фантазіи „Хрустальное время“, вспомнилъ о своихъ собственныхъ надеждахъ, и его охватило чувство глубокой, тихой грусти.

Мечты... и онъ, и его современники вѣрили въ то, что настанетъ время, когда прекратятся страданія массъ ради благоденствія немногихъ избранныхъ; что близокъ день, когда каждый ребенокъ будетъ имѣть право на обезпеченное существованіе и въ настоящемъ и въ будущемъ. И вотъ, черезъ

два столѣтія та же надежда, еще не исполненная, властно и страстно кричитъ устами милліоновъ людей. Бѣдность и безпомощность массъ за эти двѣсти лѣтъ не только не ослабла, но даже усилилась, стала еще болѣе ощутительной на фонѣ этихъ грандіозныхъ свидѣтелей успѣховъ человѣческаго генія.

Изъ тѣхъ обрывковъ, которые ему до сихъ поръ удалось уловить, онъ кое-какъ составилъ себѣ понятіе о томъ, что пережило человѣчество за время его вѣкового сна. Онъ ясно представлялъ себѣ, какъ постепенно въ людяхъ притуплялись всѣ лучшія чувства, какъ на мѣстѣ порядочности, чести и нравственности утверждалось господство капитала, исчезала вѣра въ добро, въ торжество справедливости и замѣнялась вѣрой въ единое, всеобъемлющее могущество золота.

Когда гофмейстеръ Озано излагалъ Грэму политическую исторію послѣднихъ двухсотъ лѣтъ, онъ привелъ очень удачное сравненіе. Онъ сравнилъ человѣчество съ сѣменемъ растенія. Сѣмя попало на плодородную почву и успѣшно развивается. Но когда оно проросло, явился паразитъ и положилъ подъ его оболочку свое яичко. Черезъ нѣкоторое время отъ сѣмени осталась только кожица, подъ которой сидитъ личинка, сожравшая всю сердцевину сѣмени. Черезъ нѣкоторое время является какой-нибудь вторичный паразитъ проникаетъ сквозь оболочку сѣмени и кладетъ свое яичко подъ кожицу личинки, которая въ немъ жила до сихъ поръ. И личинка умираетъ и сама превращается въ пустую оболочку, въ которой живетъ новый, чуждый ей организмъ. А снаружи сѣмя все еще сохранило свой прежній видъ, и люди не замѣчаютъ той страшной перемѣны, которая въ немъ произошла.

— Ваше англійское королевство, — сказалъ Озано,—было такимъ сѣменемъ съ выѣденной сердцевиной. Землевладѣльцы, бароны и дворяне много сотъ лѣтъ тому назадъ начали свою разрушительную работу. Они обезглавили короля Іоанна, а затѣмъ создали парламентъ и положили конецъ королевской власти вообще. Парламентъ, учрежденіе состоятельныхъ классовъ и дворянъ, продолжался, однако, недолго. Его распадъ начался еще въ XIX вѣкѣ. Тогда было расширено избирательное право, и къ урнамъ открылся доступъ для невѣжественныхъ массъ. Въ выборахъ стала принимать участіе толпа, та толпа, которая такъ охотно подчиняется всякому вліянію, и въ результатѣ руководителями оказались партійные организаторы. Парламентская машина испортилась. Прошло немного времени и власть перешла въ руки капиталистовъ, купцовъ, которые властвовали при помощи купленныхъ ими газетъ и умѣлой организаціи выборовъ. Наступила политическая реакція. Про-

тивники такого положенія вещей измышляли самые тонкіе, самые рѣшительные планы, при помощи которыхъ они надѣялись вырвать власть у людей, сумѣвшихъ захватить ее въ свои руки. Безчисленное множество книгъ было написано по этому вопросу, но практически онъ не былъ рѣшенъ. Люди писали о справедливости, о любви къ ближнему и о чистотѣ нравовъ, но въ дѣйствительности отъ этихъ добродѣтелей въ людяхъ уже ничего не осталось. Всякая попытка создать организацію, которая могла бы оказать вліяніе на выборы, кончалась проваломъ: ее или раздробляли силой или обезсиливали подкупомъ. Въ концѣ-концовъ пуритане и реакціонеры, соціалистическія и народныя партіи котировались на биржѣ, какъ цѣнности, при помощи которыхъ можно было искусственно дать выборамъ то или иное направленіе. Вполнѣ понятно, что властью, пріобрѣтенною самымъ дорогимъ, что есть для спекулянтовъ на свѣтѣ,—деньгами, капиталисты старались возможно шире пользоваться для того, чтобы пріобрѣсти возможно больше тѣхъ же денегъ. Для нихъ весь міръ рисовался въ видѣ сплошной биржи, огромнаго поля битвы. Искусственныя повышенія и пониженія биржевого курса, таможенныя войны, всевозможныя манипуляціи, при помощи которыхъ богатые вытягивали послѣдній грошъ изъ кармана бѣдняковъ—все это подѣйствовало на народныя массы пагубнѣе, чѣмъ самыя страшныя эпидеміи.

Теперь передъ нимъ съ безпощадной ясностью вырисовывалась та роль, которую во всѣхъ этихъ событіяхъ пришлось играть ему самому. Онъ, и только онъ, былъ центромъ переворотовъ. Совѣтъ съ самаго начала объявилъ себя „управляющимъ" дѣлами спящаго. Сперва дѣла касались только капитала, который увеличивался съ каждымъ годомъ. Но могущество капитала, конечно, росло еще быстрѣе, чѣмъ самъ капиталъ. Земельная собственность, займы, акціи и тысячи другихъ скрытыхъ или явныхъ спекуляцій на чужую нужду скоро привели къ тому, что его денежная власть захватила значительную часть Европы и Америки.

Тогда совѣтъ занялся политикой. Имѣя въ своемъ распоряженіи огромныя денежныя средства, онъ очень скоро пріобрѣлъ рѣшающее значеніе въ дѣлахъ международной политики, а это значеніе, въ свою очередь, давало ему возможность все шире и шире раскидывать свои финансовыя сѣти, все больше и больше укрѣплять свою власть, наконецъ, онъ захватилъ въ свои руки всѣ партійныя организаціи обоихъ полушарій земли. Въ совѣтѣ объединилась вся земная политическая власть. Съ нимъ не могъ бороться никто...

Но этотъ всемогущій совѣтъ былъ только „управляющимъ“ дѣлами „Спящаго“ Грэма!

Захвативъ политическую власть, совѣтъ сталъ заботиться о томъ, чтобы никто не могъ вырвать ее у него. Прежде всего онъ принялъ мѣры, чтобы оградить себя отъ нежелательныхъ изобрѣтеній. Онъ скупалъ всѣ новыя изобрѣтенія и пользовался ими для своихъ цѣлей, если же встрѣчались изобрѣтатели несговорчивые, то онъ скоро находилъ способъ укротить ихъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Черезъ сто лѣтъ Грэмъ (или, вѣрнѣе, совѣтъ) былъ полнымъ властителемъ Африки, южной Америки, Франціи, Англіи. Кромѣ того, его вліянію почти всецѣло подчинялась Сѣверная Америка. Онъ по своему усмотрѣнію реорганизовалъ огромный Китай, пріобрѣлъ рѣшающее вліяніе во всей Азіи, по своему усмотрѣнію распоряжался судьбой государствъ всего міра.

Весь этотъ чудовищный захватъ совершался, однако, не явно, а подъ прикрытіемъ безчисленныхъ банковъ, обществъ, синдикатовъ и т. п. На сторонѣ совѣта была матеріальная сила: золото, и было то преимущество, что онъ могъ дѣйствовать сознательно, могъ шагъ за шагомъ направлять всѣ свои силы къ одной цѣли, въ то время какъ люди даже не догадывались о томъ, что руководящія нити опутавшихъ ихъ сѣтей сходятся въ одномъ мѣстѣ: въ рукахъ Бѣлаго совѣта. Совѣтъ подчинялъ себѣ всѣ учрежденія, необходимыя для жизни, и въ то же время безпощадно боролся со всѣми организаціями, въ которыхъ проявлялась хотя бы тѣнь самодѣятельности, взаимопомощи. Въ концѣ-концовъ совѣтъ подчинилъ себѣ всю землю. Тогда, почувствовавъ въ своихъ рукахъ неограниченное могущество, онъ воспользовался изобрѣтеніемъ, которое давно держалъ скрытымъ, „на всякій случай“: выпустилъ свои летательныя машины.

Къ этому времени на землѣ воцарился тотъ ничѣмъ не нарушаемый „миръ“, о которомъ люди мечтали еще въ XX вѣкѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ позволялъ себѣ бороться противъ рабочихъ массъ средствами, не имѣвшими ничего общаго съ человѣколюбіемъ, все обходилось тихо и мирно, потому что борьба была совершенно немыслима. На землѣ больше не существовало ни армій ни военныхъ флотовъ. Правда, по волнамъ океана плавали стальныя чудовища, изъ открытыхъ пастей которыхъ грозно выглядывали орудія-великаны, но эти чудовища повиновались только мановенію руки Бѣлаго совѣта. Правда, днемъ и ночью работали оружейные заводы и огромныя лабораторіи взрывчатыхъ веществъ, но правомъ носить оружіе пользовалась только всемірная полиція,

подчиненная совѣту. Полиція мореходная, желѣзнодорожная, аграрная, городская, фабричная, воздушная... Вотъ та вооруженная сила, которая замѣнила прежнія арміи.

Совѣтъ, совѣтъ и совѣтъ...

Это стало началомъ и концомъ всей земной жизни.

Черезъ 150 лѣтъ совѣтъ сбросилъ маску и сталъ править открыто, но все-таки продолжалъ прикрываться именемъ „Спящаго". Выборы, представительныя учрежденія и т. п. сдѣлались пустой формальностью, веселой комедіей. Все было предрѣшено заранѣе. Созывался парламентъ, но рѣшалъ совѣтъ. Засѣдали епископы господствующей Церкви, но рѣшалъ совѣтъ.

Такъ осуществилась мечта о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ.

Власть опьяняетъ. Опьянѣлъ отъ безпредѣльной власти и Бѣлый совѣтъ. Прежде онъ, хотя только для вида, но все-таки представлялъ свои распоряженія на утвержденія разнымъ конституціоннымъ организаціямъ, но потомъ онъ пересталъ соблюдать даже и эту формальность. Онъ сталъ ссылаться только на ту пожелтѣвшую, недвижимую фигуру, интересы которой, будто бы, для него, совѣта, дороже всего на свѣтѣ, и которой онъ, совѣтъ, долженъ будетъ со временемъ дать подробный отчетъ, когда эта фигура превратится въ живого человѣка, проснется.

И эта фигура проснулась...

XV.

Выдающіеся люди.

Если бы Грэмъ перешелъ въ свои роскошные покои подъ флюгерами прямо изъ девятнадцатаго вѣка, онъ нашелъ бы въ нихъ много поразительнаго, непонятнаго, но онъ въ короткое время уже успѣлъ освоиться съ условіями новой жизни, среди которой онъ такъ неожиданно очутился.

Собственно говоря, это парадное помѣщеніе даже нельзя было назвать комнатами или залами, это былъ какой-то лабиринтъ арокъ, сводовъ, переходовъ и галлерей, по которымъ непрерывно двигались полосы пола.

Знакомясь съ этимъ лабиринтомъ, Грэмъ вышелъ на большое пространство, къ которому сходился цѣлый рядъ широкихъ, отлогихъ лѣстницъ.

По ступенямъ этихъ лѣстницъ поднимались и опускались мужчины и женщины, одежды которыхъ отличались роскошью и изысканностью. Такихъ блестящихъ нарядовъ Грэмъ до сихъ поръ еще не видѣлъ. Передъ его изумленнымъ взоромъ от-

крылась далекая панорама сложныхъ, дивно прекрасныхъ орнаментовъ, сверкавшихъ яркими окрасками. Казалось, будто всѣ эти филигранные мосты и переходы сдѣланы изъ фарфора или другого, не менѣе хрупкаго, матеріала.

Грэмъ поднялъ глаза и увидѣлъ надъ собой безконечную сѣть такихъ же воздушныхъ переходовъ, на которыхъ двигались такія же нарядныя фигуры. Къ нему были обращены безчисленные взоры всѣхъ этихъ удивительныхъ людей, воздухъ былъ наполненъ шелестомъ тихаго говора, сквозь пелену котораго смутно доносились веселые звуки музыки...

Пораженный неожиданностью, Грэмъ поспѣшилъ удалиться въ свои помѣщенія. Но скоро онъ вернулся въ эти „залы общества“ въ сопровожденіи Линкольна. Теперь онъ сталъ внимательно вглядываться въ мелькавшія передъ нимъ фигуры. Его прежде всего поразило отсутствіе рѣзкой разницы между мужчинами и женщинами. Какъ тѣ, такъ и другія были одѣты и причесаны почти одинаково. У одного мужчины, котораго Линкольнъ опредѣлилъ мало понятнымъ названіемъ „амориста“, волоса были заплетены въ двѣ косы, какъ у Маргариты изъ древняго „Фауста“. Вообще, косы у мужчинъ встрѣчались довольно часто.

Что касается покроя платья, то Грэму показалось, будто онъ видитъ передъ собою странную смѣсь средневѣковой моды съ костюмами Востока. Встрѣчались широкія шаровары и пышныя складки, но рядомъ съ ними красовались формы, затянутыя почти въ одно трико. Вообще, Грэму, выросшему среди неуклюжихъ, угловатыхъ одеждъ девятнадцатаго вѣка, эти моды показались крикливыми, театральными. Не понравилось ему и то игривое оживленіе, которое царило среди этихъ людей.

Одежда женщинъ отличалась, главнымъ образомъ, богатствомъ и сложностью складокъ, а кромѣ того, всюду сверкали красивыя обнаженныя плечи. Казалось, что всѣ одѣты такъ, какъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ женщины одѣвались только для баловъ.

Отъ Линкольна Грэмъ узналъ, что это выдающіеся представители лондонскаго общества. Почти всѣ они занимали видныя должности или находились въ близкихъ отношеніяхъ къ сильнымъ міра сего.

Многіе изъ нихъ спеціально пріѣхали въ Лондонъ, чтобы привѣтствовать „господина земли“.

Нѣкоторыя фигуры особенно бросались въ глаза. Завѣдующіе летательными машинами, сыгравшіе такую видную роль въ недавнемъ возстаніи, держали себя очень гордо, но имъ не уступали и начальники вѣтряныхъ двигателей.

Линкольнъ обратилъ вниманіе Грэма на нѣкоторыхъ членовъ треста питательныхъ веществъ. По странной ироніи судьбы, завѣдующій европейскими свиными заводами отличался удивительно интереснымъ лицомъ, съ котораго не сходило выраженіе поэтической грусти. Грэмъ замѣтилъ епископа въ полномъ облаченіи, который разговаривалъ съ мужчиной, одѣтымъ въ греческій хитонъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

— Кто это?—невольно спросилъ Грэмъ.

— Лондонскій епископъ,—отвѣтилъ Линкольнъ.

— Нѣтъ... тотъ, съ которымъ онъ бесѣдуетъ.

— Poeta laureatus*).

— Какъ? У васъ еще есть...

— Разумѣется, онъ не пишетъ стиховъ. Но онъ—двоюродный братъ Уоттона, одного изъ членовъ совѣта. Онъ принадлежитъ къ монархистамъ красной розы. Это прекрасный клубъ, который придерживается прежнихъ традицій.

— Азано сказалъ мнѣ, что у васъ есть король.

— Да, но онъ не принадлежитъ къ числу членовъ клуба. Его пришлось исключить...

— Исключить? Короля... изъ клуба монархистовъ?..

Грэмъ ничего не понималъ. Очевидно, онъ слишкомъ далеко отсталъ отъ новыхъ понятій. Ясно было только то, что и въ этомъ новомъ соціальномъ строѣ классовая рознь сохранила свою прежнюю остроту, потому что Линкольнъ нашелъ удобнымъ представить ему только немногихъ изъ присутствовавшихъ, наиболѣе выдающихся по своему положенію. Одинъ изъ первыхъ оказался главнымъ начальникомъ воздухоплаванія. Его загорѣлое и обвѣтренное лицо рѣзко выдѣлялось среди остальныхъ изнѣженныхъ лицъ. Онъ сказалъ нѣсколько общихъ фразъ, освѣдомился о здоровьѣ Грэма, затѣмъ заявилъ, что онъ—воздушный волкъ, что онъ не выноситъ всякихъ глупостей, надѣется только на себя, и что то, чего онъ не знаетъ, и знать не надо. Онъ отвѣсилъ поклонъ, полный сознанія собственнаго достоинства, и удалился.

— Я радъ тому, что этотъ типъ еще сохранился,—сказалъ Грэмъ, глядя ему вслѣдъ.

— Фонографъ и кинематографъ!—презрительно бросилъ Линкольнъ,—знаетъ только свое дѣло.

И потомъ добавилъ:

— Собствено говоря, мы его купили. Частью. А частью онъ боялся Острога. Все зависѣло отъ него.

---

*) Увѣнчанный лаврами поэтъ. (*Перев.*).

Послѣ этихъ словъ Линкольнъ рѣзко повернулся и представилъ Грэму генеральнаго инспектора школьнаго треста.

Эта была гибкая, тонкая фигурка, облеченная въ академическій мундиръ синевато-сѣраго цвѣта. Во время разговора инспекторъ щурился на своего собесѣдника черезъ изящное пенснэ и сопровождалъ свои слова плавными, красивыми жестами. Грэмъ задалъ нѣсколько вопросовъ по поводу постановки дѣла воспитанія, но инспекторъ отвѣчалъ довольно неопредѣленно. Воспитаніе подрастающаго поколѣнія составляло монополію треста. Но, во всякомъ случаѣ, инспекторъ былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ, которые сдѣлало воспитаніе за послѣднее столѣтіе.

— Мы сдѣлали ученіе совсѣмъ легкимъ,—говорилъ онъ.— У насъ ничего не учатъ наизусть, не сдаютъ никакихъ экзаменовъ.

— Но какъ вы заставляете дѣтей работать?—спросилъ Грэмъ.

— Мы дѣлаемъ работу возможно болѣе интересной и привлекательной. А если это не удается, то мы переходимъ къ другой, болѣе подходящей формѣ.

Инспекторъ долго и подробно говорилъ о задачахъ воспитанія, о его прошломъ и настоящемъ. Имена Песталоцци и Фребеля онъ произносилъ съ уваженіемъ, но ихъ принципы считалъ устарѣвшими. Грэмъ узналъ, что университетовъ въ ихъ прежнемъ видѣ больше не существуетъ. Для желающихъ изучать какой-нибудь вопросъ лекціи читаютъ фонографы. Затѣмъ слушатели пишутъ сочиненіе на опредѣленную тему, и имена написавшихъ лучшія сочиненія заносятся на особыя доски.

— А начальныя училища?

При этомъ вопросѣ инспекторъ даже умилился и отвѣтилъ въ сентиментальномъ тонѣ:

— Мы стараемся сдѣлать дѣтямъ пребываніе въ начальныхъ школахъ возможно болѣе пріятнымъ. Мы не обременяемъ ихъ наукой: вѣдь ихъ ждетъ жизнь, полная труда; мы ограничиваемся тѣмъ, что знакомимъ ихъ съ нѣкоторыми основными принципами: послушаніемъ, прилежаніемъ...

— Слѣдовательно, вы ихъ почти совсѣмъ не учите?

— Зачѣмъ? Науки ведутъ народъ только къ волненіямъ и заблужденіямъ. Они создаютъ недовольныхъ. Нѣтъ, мы предпочитаемъ развлекать дѣтей. Но все-таки, несмотря на наши старанія, происходятъ безпорядки. Не понимаю, откуда рабочіе берутъ эти мысли. Правда, они говорятъ между собою. Мечтаютъ... Да! До сихъ поръ еще сохранились пагубныя сѣмена соціализма и даже анархіи! Но я всегда считалъ своей первой

обязанностью борьбу съ недовольствомъ народа. Зачѣмъ дѣлать людей несчастными?

— Да, конечно...—задумчиво произнесъ Грэмъ.—Но мнѣ хотѣлось бы знать...

Линкольнъ, внимательно слѣдившій за выраженіемъ лица Грэма, наклонился къ нему и почтительно шепнулъ:

— Оставьте... У насъ есть еще другіе.

Генеральный инспекторъ удалился. Линкольнъ уловилъ случайно брошенный взглядъ Грэма и спросилъ, не желаетъ ли онъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ дамъ. Черезъ нѣсколько секундъ Грэмъ уже бесѣдовалъ съ дочерью завѣдующаго свиными заводами европейскаго треста питательныхъ веществъ. Это была прелестная дѣвушка съ золотистыми волосами и голубыми глазами. Она съ увлеченіемъ говорила о „добромъ старомъ времени", въ которомъ прежде жилъ Грэмъ.

— Я,—говорила она,—много разъ старалась представить себѣ, какъ тогда жили люди. Странное было время! Я видѣла фотографіи и рисунки, на которыхъ изображены маленькіе дома съ закопчеными трубами, дома, сдѣланные изъ кусочковъ обожженной грязи. Мосты, торжественные люди въ удивительныхъ черныхъ одеждахъ... Поѣзда на желѣзныхъ рельсахъ, лошади, домашній скотъ и даже собаки на улицахъ! И вдругъ вы перенеслись сюда, къ намъ... изъ вашей старой жизни, въ которой для васъ все было знакомо и дорого...

— Я не жалѣю о старой жизни,—сказалъ Грэмъ.

— Нѣтъ?

Наступила короткая пауза. Дѣвушка кокетливо глядѣла на Грэма и вызывающе улыбалась.

— Нѣтъ,—повторилъ Грэмъ.—Не жалѣю. Но только... я еще не совсѣмъ понимаю эту новую жизнь. Вы не можете себѣ представить, какъ мало я о ней знаю...

— Спрашивайте. Все, что могу, я готова вамъ объяснить.

— Вотъ здѣсь, около насъ... вѣроятно, много людей, занимающихъ видныя должности? Напримѣръ, кто этотъ важный человѣкъ?

— Это одинъ изъ главныхъ нашихъ чиновниковъ. Его зовутъ Морденъ. Онъ завѣдуетъ производствомъ противожелчныхъ пилюль. Я слышала, что его рабочіе въ 24 часа приготовляютъ миріаду миріадъ пилюль. Представьте себѣ: миріаду миріадъ!

— Миріаду миріадъ? Да. Теперь меня не удивляетъ его важность. А этотъ: въ красномъ?

— Этотъ, собственно говоря, не принадлежитъ къ высшему обществу, но мы терпимъ его. Онъ довольно уменъ. Это одинъ

изъ лучшихъ лондонскихъ медиковъ. Всѣ медики у насъ одѣты въ красное. Но, знаете, люди, которые получаютъ плату за свои труды...

Она улыбнулась такъ презрительно, что Грэму стало жаль бѣдныхъ медиковъ.

— Нѣтъ ли здѣсь выдающихся писателей?

— О нѣтъ! Мы ихъ къ себѣ не пускаемъ. Это очень странные люди. Много воображаютъ о себѣ. Постоянно бранятся. Можете себѣ представить: нѣкоторые изъ нихъ дерутся за право пройти по лѣстницѣ впереди другихъ!

— Гмъ... А въ какомъ положенiи у васъ находятся искусства? Живопись, напримѣръ?

Она недоумѣвающе взглянула на него, потомъ разсмѣялась и воскликнула:

— Въ первое мгновенiе я думала, что вы...—Она опять разсмѣялась.—Теперь я поняла. Вы спрашиваете о тѣхъ людяхъ, которыхъ въ ваше время высоко цѣнили за то, что они умѣли покрывать масляными красками большiе куски холста? Четыреугольники. Потомъ этотъ холстъ вставляли въ рамы и вѣшали на стѣны. Нѣтъ, у насъ этихъ холстовъ нѣтъ. Они надоѣли людямъ.

— Но... о чемъ вы подумали, когда я спросилъ васъ?..

Она съ улыбкой приложила пальчикъ къ щекѣ, на которой горѣлъ здоровый румянецъ, описала небольшой кругъ, потомъ выразительно провела пальцемъ по рѣсницамъ и бровямъ.

— Я думала, что вы спрашиваете объ этомъ.

Грэмъ невольно покраснѣлъ за своихъ современницъ и смущенно отвернулся. Быстро оглянувшись вокругъ, онъ встрѣтилъ цѣлый рядъ устремленныхъ на него любопытныхъ взоровъ. Но всѣ сейчасъ же поспѣшили сдѣлать видъ, будто ихъ взглядъ былъ случайнымъ, и обращались къ своимъ сосѣдямъ. Онъ чувствовалъ, что служитъ центромъ, на которомъ сосредоточено вниманiе всѣхъ этихъ людей, понималъ, что такое положенiе обязываетъ... но никакъ не могъ придумать, что ему слѣдуетъ теперь дѣлать дальше. Прежде всего, надо было какъ-нибудь скрасить неловкость конца разговора съ голубоглазой дѣвушкой. Грэмъ взглянулъ наверхъ, какъ бы ожидая оттуда помощи, и вздрогнулъ отъ неожиданности: по одному изъ хрупкихъ мостовъ шла дѣвушка, которую онъ видѣлъ въ маленькой комнатѣ, въ театрѣ, въ день своего бѣгства отъ совѣта. Дѣвушка глядѣла на него, ихъ взоры встрѣтились. Съ этого мгновенiя имъ овладѣло какое-то смутное, едва уловимое безпокойство. Какой-то тайный голосъ шепталъ ему о важныхъ обязанностяхъ, о которыхъ онъ забылъ среди блеска и почета своего положенiя.

Сразу исчезло очарованіе, которое уже успѣло отуманить его голову. Музыка, роскошныя плечи и руки, улыбки и томные взгляды, мелодичные голоса и благоухающіе, дивные волосы, вся эта обстановка красивыхъ увлеченій утратила для него ту дымку, безъ которой она можетъ возбудить только непріятное, холодное чувство...

Грэмъ началъ вспоминать. Передъ нимъ воскресали всѣ событія... народное возстаніе, сраженіе... паденіе совѣта... и въ его ушахъ, заглушая ласкающіе звуки мягкой музыки, властно зазвенѣлъ гордый мотивъ того марша, подъ торжественные аккорды котораго народъ шелъ умирать...

Грэмъ переходилъ отъ одной группы людей къ другой, заговаривалъ съ мужчинами и женщинами, но чувствовалъ себя одинокимъ. Въ его душѣ открылась пропасть, которую нечѣмъ было заполнить. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Линкольна, который пошелъ справиться, позволяетъ ли погода совершить воздушную прогулку.

Грэмъ стоялъ на одной изъ верхнихъ галлерей и бесѣдовалъ съ голубоглазой дамой о преимуществахъ идамита, какъ вдругъ надъ его головой раздались звуки народнаго марша... Онъ взглянулъ наверхъ и увидѣлъ круглое отверстіе, за которымъ синѣли ярко освѣщенныя общественныя улицы съ движущимися платформами, висѣли кабели и возвышались фасады построекъ. Помимо пѣнія, оттуда несся гулъ голосовъ возбужденной толпы. Потомъ послышались какіе-то особые, рѣзкіе звуки, послѣ чего пѣніе и гулъ сразу прекратились и все помѣщеніе опять наполнилось мягкой, ласкающей музыкой. Что случилось? Для Грэма было ясно только то, что окружающій его блескъ достигается путемъ тяжелыхъ жертвъ со стороны народа. Что благополучіе этихъ роскошныхъ чертоговъ, въ которыхъ наслаждается онъ, „господинъ“, охраняется отъ того же народа. И глубокая горечь наполнила все его существо...

Вдругъ передъ нимъ, совсѣмъ близко, снова мелькнуло лицо таинственной дѣвушки. Ея фигура была облита складками блестящаго сѣраго платья, ея пышные темные волосы темной тучей нависли надъ красивымъ лбомъ.

Дама, напрасно старавшаяся выпутаться изъ дебрей, куда ее завела бесѣда объ идамитѣ, замѣтила взглядъ Грэма, и воспользовалась счастливымъ случаемъ, чтобы перемѣнить тему разговора:

— Не угодно ли вамъ сказать нѣсколько словъ этой дѣвушкѣ? — спросила она. — Это Елена Уоттонъ, племянница Острога. Я не знаю человѣка умнѣе и серьезнѣе, чѣмъ она.

Въ слѣдующее мгновеніе Грэмъ говорилъ съ Еленой, а дамочка радостно упорхнула.

— Я васъ отлично помню,—сказалъ Грэмъ.—Вы были въ театрѣ, въ маленькой комнатѣ, когда народъ пѣлъ свой маршъ и готовился къ сраженію.

Она поборола свое первоначальное смущеніе и твердо взглянула на Грэма.

— Да, это было дивно хорошо!—воскликнула она. Потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, добавила:—тогда весь народъ былъ готовъ погибнуть за васъ. Многіе и погибли въ ту ночь.

Ея лицо горѣло. Она быстро оглянулась, какъ бы опасаясь, что кто-нибудь услышитъ ея слова. Вдали показался Линкольнъ, поспѣшно направлявшійся къ нимъ. Она увидѣла его и торопливо, очевидно, спѣша воспользоваться моментомъ, сказала Грэму:

— Сейчасъ нельзя... не мѣсто... Но знайте, что народъ очень несчастливъ. Его угнетаютъ. Не забудьте народъ, который шелъ за васъ на смерть... на смерть за вашу жизнь...

— Я не знаю...—началъ Грэмъ.

— Теперь не время... не мѣсто...

Лицо Линкольна появилось около дѣвушки. Почтительно склонившись, Линкольнъ сказалъ Грэму:

— Я думаю, что міръ кажется вамъ сильно измѣнившимся!

— Да. Онъ измѣнился. Но многое осталось постарому.

— Вѣтеръ утихъ. Если вамъ угодно—аэропилъ готовъ.

Грэмъ взглянулъ на дѣвушку, хотѣлъ задать ей одинъ вопросъ, но ея взоръ предупреждалъ его не дѣлать этого. Онъ молча поклонился и пошелъ за Линкольномъ.

XVI.

Аэропилъ.

Въ первыя мгновенія Грэмъ былъ нѣсколько разсѣянъ, но Линкольнъ умѣлъ овладѣть вниманіемъ собесѣдника, зналъ, чѣмъ его можно заинтересовать, и скоро Грэмъ оживленно разговаривалъ о новѣйшихъ летательныхъ машинахъ. Воздухоплаваніе интересовало его еще въ XIX вѣкѣ, когда оно, такъ сказать, только что родилось. Теперь, черезъ два слишкомъ столѣтія, вопросъ о воздухоплаваніи былъ рѣшенъ окончательно. Человѣкъ создалъ два главныхъ типа летательныхъ машинъ. Одинъ изъ этихъ типовъ представлялъ огромный аэропланъ, съ двойнымъ рядомъ горизонтальныхъ крыльевъ и съ

двигательнымъ лопастнымъ винтомъ, который вращался при помощи сильной машины. Аэропланы могли свободно двигаться по воздуху лишь въ тихую погоду; не только буря, но даже сильный вѣтеръ являлись для нихъ неодолимымъ препятствіемъ. Аэропланы отличались поразительными размѣрами: размахъ крыльевъ достигалъ 600 футовъ, а длина корпуса—1000 футовъ. Аэропланы, главнымъ образомъ, служили для пассажирскаго движенія. Къ ихъ корпусу были подвѣшены легкіе вагончики, длиною въ 100—150 футовъ. Эти вагончики были подвѣшены на особыхъ механизмахъ, благодаря которымъ внутри почти не ощущались раскачиванія, неизбѣжныя даже при самомъ легкомъ вѣтрѣ. Кромѣ того, скамьи, на которыхъ сидѣли пассажиры, были тоже приспособлены къ этой цѣли.

Аэропланы поднимались съ особыхъ помостовъ, снабженныхъ изогнутымъ рельсовымъ путемъ. Эти помосты были безусловно необходимы, потому что малѣйшее столкновеніе съ какимъ-нибудь деревомъ могло сломать тонкіе переплеты и механическія части этихъ сложныхъ машинъ.

Когда Грэмъ увидѣлъ всѣ эти сложныя приспособленія, онъ до нѣкоторой степени почувствовалъ себя разочарованнымъ. Но потомъ онъ понялъ, что менѣе крупныя летательныя машины были бы очень невыгодны для практики, потому что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ размѣра машины въ еще большей степени уменьшается и ея грузоподъемная сила. Несмотря на всю свою громоздкость, аэропланы развивали необычайную скорость. Такъ, изъ Лондона въ Парижъ можно было перенестись въ три четверти часа, изъ Лондона въ Нью-Йоркъ приблизительно въ два часа, а вокругъ свѣта, при благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, т.-е. при тихой погодѣ, свободно можно было облетѣть въ теченіе сутокъ

Маленькіе аэропилы представляли изъ себя простую разновидность аэроплановъ. Они могли поднять не болѣе двухъ человѣкъ, но ихъ постройка и содержаніе обходились такъ дорого, что они были доступны лишь для очень богатыхъ людей. Благодаря своимъ незначительнымъ размѣрамъ, аэропилы могли спускаться на любой открытой площадкѣ. Они покоились на пневматическихъ колесахъ, на которыхъ ихъ можно было перемѣщать по землѣ, и которыя въ то же время помогали имъ подниматься на воздухъ, позволяли прямо съ земли дѣлать первый воздушный прыжокъ.

Платформы, съ которыхъ отлетали аэропланы, дугой окружали Лондонъ со стороны юго-востока и носили названія бывшихъ предмѣстій города. Подъ этими платформами, находившимися на значительной высотѣ, были устроены цѣлые лаби-

ринты переходовъ, лѣстницъ, подъемныхъ машинъ и площадокъ. Внизу гнѣздились десятки театровъ, ресторановъ, освѣдомительныхъ бюро и другихъ учрежденій, въ которыхъ можно было посмѣяться. Здѣсь пассажиры ожидали отправки аэроплановъ.

По пути къ воздухоплавательнымъ платформамъ Грэмъ долженъ былъ разстаться съ Линкольномъ, котораго вызвалъ къ себѣ Острогъ, но зато возлѣ него снова очутился Азано. Около флюгернаго управленія Грэма ждалъ сильный нарядъ полиціи, который немедленно очистилъ для него мѣсто на верхней подвижной платформѣ. Хотя народъ не былъ предупрежденъ о прогулкѣ Грэма, но скоро собралась значительная толпа, упорно слѣдовавшая за нимъ. Всюду, гдѣ проносился Грэмъ на движущейся площадкѣ, онъ видѣлъ, какъ изъ боковыхъ проходовъ и по лѣстницамъ стремглавъ несутся тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, слышалъ, какъ они что-то кричатъ ему вслѣдъ, часто упоминается его имя. Кромѣ этого имени, онъ ничего не могъ разобрать.

Около станціи аэроплановъ онъ сошелъ съ движущейся платформы. Вокругъ него тотчасъ собралась огромная толпа, которую его стража сдерживала лишь съ большимъ трудомъ. Грэму показалось, что многіе люди въ толпѣ протягивали ему бумаги, въ которыхъ, вѣроятно содержались какія-нибудь прошенія. Съ большимъ трудомъ стражѣ, наконецъ, удалось заставить толпу разступиться настолько, чтобы пропустить Грэма къ тому мѣсту, гдѣ его ждалъ аэропилъ, съ опытнымъ воздухоплавателемъ у руля.

Подобные аэропилы Грэмъ уже видѣлъ издали носящимися по воздуху. Но тогда они ему казались гораздо ничтожнѣе. Вблизи этотъ механизмъ оказался и сложнымъ и крупнымъ. Боковыя крылья, напоминавшія крылья пчелы, состояли изъ сложныхъ металлическихъ рамъ, затянутыхъ какимъ-то прозрачнымъ веществомъ, похожимъ на пленку. Кресла для инженера и одного пассажира были подвѣшены среди цѣлаго хаоса всякихъ рычаговъ и переплетенныхъ между собою подвѣсокъ и подпорокъ. Кресло пассажира было окружено особыми рамами, изъ которыхъ по желанію можно было составить родъ коробки, защищающей отъ вѣтра или дождя. Передъ инженеромъ, управлявшимъ машиной, находилось большое стекло, защищавшее его лицо отъ рѣзкихъ колебаній воздуха.

Азано въ общихъ чертахъ объяснилъ Грэму строеніе аэропила. Моторъ въ главныхъ частяхъ состоялъ изъ резервуара и цилиндра, въ которомъ двигался поршень, вращавшій своимъ

стержнемъ винтовой валъ. Азано объяснилъ, что этотъ моторъ основанъ на томъ же принципѣ взрывовъ въ цилиндрѣ, на которомъ были основаны тепловые двигатели прежнихъ столѣтій, съ той лишь разницей, что въ этомъ новомъ двигателѣ при каждомъ ходѣ поршня взрывается всего одна капля вещества „фомилъ“.

Далеко вокругъ аэропила платформа была пуста. По указанію инженера, Грэмъ усѣлся въ висячее кресло машины, затѣмъ выпилъ нѣсколько глотковъ эрготина, особой микстуры, которую принимали всѣ люди, пускавшіеся въ воздушное путешествіе. Эрготинъ предохранялъ отъ вреднаго вліянія, которое могъ оказать на организмъ разрѣженный воздухъ. Азано принялъ отъ него пустой бокалъ, отступилъ на шагъ и сдѣлалъ почтительно-привѣтственный жестъ рукой. Въ тотъ же моментъ Грэму показалось, что платформа вмѣстѣ съ Азано и стражей понеслась куда-то въ сторону. Раздался свистъ быстро вращающагося винта, и Грэмъ почувствовалъ, какъ мимо него съ силой понеслись струи воздуха. Черезъ мгновеніе платформа и все, что только что было рядомъ, провалилось въ бездну. Крыши и вѣтряные двигатели стали быстро уменьшаться. Грэмъ взглянулъ внизъ и застылъ въ ужасѣ. Онъ почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, первый разъ въ жизни почувствовалъ, что у него подъ ногами нѣтъ никакой опоры. Внизу, на разстояніи не менѣе 100 футовъ, мелькали лопасти одного изъ большихъ вѣтряныхъ колесъ юго-западнаго Лондона, а еще ниже вырисовывалась платформа, усѣянная черными точками, та самая платформа, съ которой онъ только что улетѣлъ. Грэмъ невольно закрылъ глаза и плотно сжалъ челюсти. Онъ ясно различалъ, какъ двигался винтъ машины: разъ, два, три—пауза; разъ, два, три—пауза... Черезъ нѣсколько секундъ Грэмъ овладѣлъ собою и открылъ глаза. Его взглядъ упалъ на улыбающееся лицо инженера. Онъ попробовалъ улыбнуться, въ свою очередь, но почувствовалъ, что вмѣсто улыбки у него вышла гримаса.

— Какъ это странно—съ непривычки!—воскликнулъ Грэмъ

Въ то же время у него въ головѣ мелькнула мысль о томъ, какъ легко можетъ случиться, что въ машинѣ что-нибудь испортится и тогда... онъ долженъ былъ сильно тряхнуть головой, чтобы заставить себя не думать о такой возможности.

Черезъ нѣкоторое время онъ настолько освоился со своимъ положеніемъ въ воздухѣ, что могъ осмотрѣться сознательно: прежде всего онъ взглянулъ наверхъ. Изъ-за бѣлыхъ перистыхъ облаковъ улыбалось ясное голубое небо. Затѣмъ онъ рѣшился опустить взоръ ниже. Онъ скользнулъ взглядомъ по

вереницѣ бѣлыхъ птицъ, разсѣкавшихъ воздухъ мѣрными взмахами крыльевъ, затѣмъ сталъ вглядываться въ то, что виднѣлось у него подъ ногами. Онъ узналъ Воронье гнѣздо, вздымавшееся надъ вѣтряными двигателями и дѣлавшееся съ каждымъ мгновеніемъ все меньше и меньше. Весь колоссальный Лондонъ казался безпорядочной кучей плоскихъ крышъ, за которыми вдали синѣли гребни холмовъ. Городъ кончался крутымъ обрывомъ въ нѣсколько сотъ футовъ. Не было видно никакихъ слѣдовъ пригородовъ, составлявшихъ прежде своего рода переходную ступень между городомъ и деревнею.

За городомъ тянулась широкая полоса дикой, запущенной растительности, среди которой кое-гдѣ сѣрѣли развалины древнихъ домовъ. Ближе къ Темзѣ вырисовывались крошечные квадраты зеленаго или буроватаго цвѣта: огороды, снабжавшіе городъ овощами.

Между тѣмъ машина все поднималась. Поднявшись на высоту, обычную для аэропиловъ, инженеръ повернулъ къ югу. Грэмъ продолжалъ внимательно вглядываться въ открывавшуюся подъ нимъ панораму. Теперь онъ могъ окинуть взоромъ огромное пространство, но нигдѣ не было видно ни одного селенія ни одной фермы. Правда, онъ былъ подготовленъ къ этому, но все-таки отсутствіе деревенскаго населенія отозвалось въ его сердцѣ тупой болью, какъ будто у него отняли что-то близкое, дорогое. Скоро онъ узналъ дорогу, ведущую къ Портсмуту. Онъ различилъ жалкіе остатки желѣзнодорожной линіи и здѣсь снова замѣтилъ ту же запущенность, которой отличались ближайшія окрестности Лондона. Тамъ, гдѣ берегъ начиналъ склоняться къ морю, возвышалось безчисленное множество громадныхъ вѣтряныхъ колесъ, въ сравненіи съ которыми самое большое колесо Лондона могло сойти за игрушку. Кое-гдѣ пестрѣли пятна огромныхъ стадъ барановъ британскаго треста питательныхъ веществъ. Но больше всего виднѣлось вѣтряныхъ двигателей, величественно взмахивавшихъ своими чудовищными лопастями. Мелькнула лента пролива Ламанша. На горизонтѣ появились очертанія Парижа и сейчасъ же скрылись, потому что аэропилъ повернулъ къ сѣверу. Виднѣлось только острее Эйфелевой башни, рядомъ съ ней—огромный куполъ, а съ другой стороны—гигантскій столбъ дыма. Инженеръ сказалъ что-то по поводу „волненія на подземныхъ дорогахъ“, но Грэмъ не обратилъ на его слова особаго вниманія. Онъ слѣдилъ за какой-то синеватой тѣнью, которая быстро поднялась надъ Парижемъ и неслась прямо на нихъ, съ каждымъ мгновеніемъ увеличиваясь въ объемѣ.

— Что это такое?—спросилъ Грэмъ.

— Аэропланъ!—прокричалъ инженеръ.

Они быстро поднялись кверху и помчались къ сѣверу, но аэропланъ догонялъ ихъ. Какимъ жалкимъ казался аэропилъ въ сравненіи съ этимъ чудовищнымъ сооруженіемъ, несшимся по воздуху со стремительностью урагана! Вотъ аэропилъ догналъ ихъ, мелькнулъ подъ аэропланомъ, Грэмъ ясно различилъ его крылья, его медленно вращавшіяся винтовыя лопасти... чрезъ мгновеніе аэропланъ уже несся далеко впереди... черезъ нѣсколько секундъ онъ началъ спускаться, превратился снова въ синюю тѣнь и исчезъ по направленію къ Лондону. Это былъ аэропланъ, поддерживавшій сношенія между Парижемъ и Лондономъ. Въ тихую погоду онъ успѣвалъ сдѣлать въ день четыре рейса взадъ и впередъ.

Они снова летѣли надъ каналомъ.

— Прикажете вернуться въ Лондонъ?—спросилъ инженеръ.

— Нѣтъ, подождите!—воскликнулъ Грэмъ,—я хочу поближе ознакомиться съ этой машиной. Скажите мнѣ, какъ вы пускаете въ ходъ моторъ?

Послѣ нѣкотораго колебанія инженеръ сказалъ:

— Виноватъ... но это слишкомъ сложно...

— Это все равно!—воскликнулъ Грэмъ.—Объясните!

Послѣ новой паузы инженеръ нерѣшительно произнесъ:

— Воздухоплаваніе составляетъ тайну... Это особая привилегія...

— Я знаю! Но я—господинъ, и я хочу знать эту тайну!

Опьяненный воздухомъ и быстрымъ движеніемъ, Грэмъ задорно расхохотался, вскочилъ съ своего кресла и пошелъ по рѣшетчатому переходу, отдѣлявшему его отъ мѣста инженера. Шляпа слетѣла съ его головы, воздухъ со свистомъ несся мимо его ушей, взлохмачивая его волосы. Инженеръ поспѣшно переставлялъ разные рычаги, чтобы возстановить равновѣсіе машины.

— Я хочу знать!—объясните!

— Но... строгій законъ...

— Закону не мѣсто тамъ, гдѣ приказываю я,—сказалъ Грэмъ, гордо выпрямляясь.—Вы забываете, кто я!

— О нѣтъ, я это помню,—почтительно сказалъ инженеръ.— Но до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, если только онъ не присягнулъ, не поклялся молчать... не узналъ этого секрета... и, если я теперь нарушу клятву..

Грэмъ нѣсколькими словами успокоилъ инженера и обѣщалъ ему полную безнаказанность...

— Въ такомъ случаѣ,—рѣшился, наконецъ, инженеръ,—благоволите внимательно слѣдить за моими движеніями.

— Нѣтъ! — воскликнулъ Грэмъ, хватаясь за какой-то рычагъ,—я самъ! я самъ хочу управлять машиной, если даже мнѣ суждено при этомъ погибнуть! Я самъ! Я сяду рядомъ съ вами и буду самъ управлять! Въ далекомъ прошломъ моей завѣтной мечтой было летать по воздуху. А потому теперь... держите балансъ.

— Господинъ!—за мной слѣдитъ дюжина шпіоновъ.

Грэмъ испустилъ громкое проклятіе и сдѣлалъ рѣзкое движеніе, чтобы обогнуть нѣсколько рычаговъ, преграждавшихъ ему путь. Весь аэропланъ задрожалъ и закачался.

— Господинъ я на землѣ, или нѣтъ!?—крикнулъ онъ.— Кто здѣсь выше, я или ваше общество? А потому прочь руки отъ рычаговъ! Такъ. Теперь возьмите меня за руки. Такъ. А теперь—какъ вы заставляете машину опуститься?

— Господинъ...

— Что?

— Вы меня защитите?

— Да! Да! Да! Даже, если для этого придется уничтожить Лондонъ!

Этимъ обѣщаніемъ Грэнъ заплатилъ за первый урокъ воздухоплаванія. Онъ храбро схватился за рычаги.

— Сюда? Что? Ага! Такъ!

— Назадъ господинъ, назадъ!

— Назадъ? Вѣрно. Разъ-два-три—ага! Теперь пошло наверхъ! Превосходно!

И вотъ, аэропилъ началъ совершать въ воздухѣ самые невѣроятные прыжки и пируэты. Онъ то вертѣлся по небольшой спирали, то вихремъ взлеталъ наверхъ, или камнемъ падалъ внизъ, то быстро несся впередъ, то замедлялъ полетъ и почти неподвижно повисалъ въ воздухѣ. Во время одного изъ такихъ паденій аэропилъ едва не столкнулся съ другой машиной, руководитель которой, очевидно, никакъ не могъ разсчитать направленія взбѣсившагося аэропила. Только благодаря находчивости инженера столкновеніе было предотвращено въ послѣднее мгновеніе.

Вѣроятно, опьянѣніе Грэма продолжалось бы еще долго, если бы его не отрезвилъ неожиданный случай. Спускаясь внизъ, машина вдругъ столкнулась съ какимъ-то тѣломъ и на лицо Грэма упала теплая капля. Онъ оглянулся и увидѣлъ что-то бѣлое, кружившееся вслѣдъ за винтомъ.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

Инженеръ тоже оглянулся, повернулъ рычагъ, чтобъ остановить быстрое паденіе аэропила, и затѣмъ отвѣтилъ:

— Мы столкнулись съ лебедемъ.

— Я его не замѣтилъ,—сконфуженно сказалъ Грэмъ.

Послѣ этого случая Грэмъ предоставилъ инженеру управлять машиной и перебрался на свое кресло. Винтъ заработалъ съ прежней правильностью и въ то время, когда наполовину скрывшееся за горизонтомъ солнце залило небо цѣлымъ потокомъ золотыхъ лучей, аэропилъ началъ спускаться къ платформѣ.

Платформа чернѣла толпой, ожидавшей возвращенія господина. Когда аэропилъ приблизился, его встрѣтили восторженными кликами и тысячи платковъ мелькали въ воздухѣ, привѣтствуя возвращавшагося господина.

XVII.

Три дня.

Линкольнъ ожидалъ Грэма въ особомъ помѣщеніи подъ платформами. Онъ интересовался узнать, какъ понравилась Грэму воздушная прогулка и былъ, видимо, очень радъ его оживленію. Грэмъ былъ очень возбужденъ.

— Я непремѣнно долженъ научиться управлять машиной!— воскликнулъ онъ.—Я жалѣю всѣхъ, кто умеръ, не дождавшись этого дивнаго изобрѣтенія! Этотъ воздухъ... это чувство полной свободы...

— Я надѣюсь, что вамъ представится еще не одинъ случай быть довольнымъ нашими изобрѣтеніями, — замѣтилъ Линкольнъ. — У насъ, напримѣръ, есть особый видъ музыки...

— Пока я весь поглощенъ летаніемъ по воздуху, — перебилъ его Грэмъ.—Но... вашъ инженеръ сказалъ, что всѣмъ строго запрещено знакомиться съ машинами?

— Да, но только—не вамъ! Если вамъ угодно, мы завтра же зачислимъ васъ въ присяжные аэронавты.

Грэмъ еще разъ подтвердилъ свое желаніе управлять аэропилемъ и затѣмъ неожиданно спросилъ:

— А дѣла? Въ какомъ положеніи сейчасъ находятся дѣла?

Послѣ секунднаго колебанія Линкольнъ отвѣтилъ:

— Все это вамъ завтра объяснитъ Острогъ. Я могу вамъ только сказать, что волна революціи распространилась по всей землѣ. Понятно, что кое-гдѣ случаются тренія. Но ваше господство уже установлено непоколебимо. Вы можете спать спокойно, пока ваши дѣла ведетъ Острогъ.

— Скажите, пожалуйста,—заговорилъ Грэмъ послѣ небольшого молчанія,—нельзя ли зачислить меня въ эти... присяж-

ные аэронавты... теперь же, сегодня? Тогда я охотнѣе всего опять занялся бы полетами.

— Можно,—согласился Линкольнъ.—Вполнѣ возможно. Я ожидалъ васъ, чтобы предложить вамъ на выборъ нѣсколько развлеченій, но оказывается, что вы уже выбрали себѣ занятіе. Отлично. Я сейчасъ же телефонирую въ управленіе воздухоплаванія. Затѣмъ мы вернемся въ ваши помѣщенія, а послѣ обѣда явятся и аэронавты. Или, быть-можетъ, вы предпочтете послѣ обѣда... мы предполагали устроить балетъ. Танцовщицъ привезли изъ театра съ Капри...

— Я ненавижу балетъ,—коротко отвѣтилъ Грэмъ.—Кромѣ того, танцовщицы существовали всегда... еще въ древнемъ Египтѣ, но аэропилы... Теперь меня больше всего интересуютъ эти машины.

— Все къ вашимъ услугамъ,—почтительно склонился Линкольнъ.—Приказывайте. Весь міръ находится въ вашемъ полномъ распоряженіи!

Явился Азано, и подъ прикрытіемъ сильной стражи они отправились въ помѣщенія Грэма. Народъ толпился на улицахъ и привѣтствовалъ шествіе громкими радостными кликами. Сначала Грэмъ раскланивался направо и налѣво, но Линкольнъ предупредилъ его, что такіе поклоны унижаютъ его достоинство, и остальной путь онъ совершилъ, застывъ въ величавой неподвижности...

Послѣ обѣда Грэмъ выразилъ желаніе выкурить сигару. Обычай курить совершенно исчезъ на землѣ, но немедленно были сдѣланы запросы во всѣ концы міра и уже черезъ четверть часа пневматическая почта доставила изъ Флориды нѣсколько превосходныхъ сигаръ.

Затѣмъ явились аэронавты и инженеры и началась наглядная демонстрація съ моделями всѣхъ важнѣйшихъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ за послѣдніе два вѣка. Прядильныя, подъемныя, строительныя, сельско-хозяйственныя машины, всевозможные виды двигателей и тысячи самыхъ разнообразныхъ другихъ механизмовъ прошли передъ изумленнымъ взоромъ Грэма.

— Мы были дикарями!—воскликнулъ онъ наконецъ.—Въ сравненіи со всѣмъ этимъ можно сказать, что мы жили въ каменномъ вѣкѣ.

Затѣмъ появились психологи и гипнотизеры. Уже давно исчезли прежніе способы преподаванія. Вмѣсто того, чтобы тратить годы на изученіе какой-нибудь науки, человѣкъ погружался на нѣсколько недѣль въ состояніе особой каталепсіи, и за это время опытные гипнотизеры внушали ему

все необходимое. Особенно хорошіе результаты этимъ пріемомъ достигались въ области математики.

Дѣти рабочихъ классовъ путемъ гипноза превращались въ опытныхъ обученныхъ рабочихъ, вполнѣ знакомыхъ съ уходомъ за сложными машинами. Гипнозомъ аэронавты избавлялись отъ головокруженія. Гипнозъ не только сообщалъ знанія, но, по мѣрѣ надобности, и искоренялъ ихъ. При помощи гипноза можно было уничтожить любое воспоминаніе, стремленіе или привычку. Словомъ, гипнозъ позволялъ производить своего рода психо-хирургическія операціи.

Однако, несмотря на всѣ уговоры Линкольна, Грэмъ не согласился произвести опытъ гипноза надъ собой. Онъ утверждалъ, что гипнозъ въ концѣ-концовъ все-таки долженъ отнимать у человѣка хотя часть его индивидуальности.

День и еще день прошелъ за этими практическими уроками, при чемъ нѣсколько часовъ неизмѣнно посвящались изученію летательныхъ машинъ.

На третій день Грэмъ самостоятельно поднялся надъ Франціей настолько высоко, что увидѣлъ сѣдой гребень Альпъ. Постоянное движеніе на воздухѣ благотворно вліяло на состояніе Грэма. Онъ отлично ѣлъ, прекрасно спалъ, и съ каждымъ днемъ все меньше чувствовалъ послѣдствія своего двухвѣкового сна.

Тѣ часы, когда онъ не спалъ или не леталъ въ аэропилѣ, Линкольнъ старался заполнить разными развлеченіями. Около одного часа каждый день посвящалось торжественному пріему. Грэмъ быстро освоился съ тѣми людьми, которые по своему положенію были признаны достойными окружать его. На второй день Грэмъ познакомился съ выдающейся танцовщицей и былъ пораженъ ея искусствомъ.

Вообще за эти три дня все время у Грэма было настолько заполнено интересными занятіями, что онъ совершенно перестал̕ъ интересоваться политическими событіями. Неизмѣнно каждый день къ нему являлся Острогъ и въ туманныхъ выраженіяхъ сообщалъ ему о томъ, что за истекшія сутки его владычество еще болѣе укрѣпилось. При этомъ вскользь упоминалось о „небольшихъ волненіяхъ“ въ такомъ-то городѣ или о „легкомъ возстаніи“ въ другомъ. Не тревожилъ его болѣе и народный революціонный маршъ. Онъ не зналъ, что пѣніе этого марша было подъ страхомъ тяжелаго наказанія запрещено въ предѣлахъ города...

Однако уже къ концу второго дня въ душѣ Грэма промелькнуло какое-то смутное облачко воспоминанія. Онъ старался удержать это облачко, но оно исчезло. Черезъ нѣкото-

рое время облачко появилось снова и теперь уже приняло довольно опредѣленныя формы: это было воспоминаніе о Еленѣ Уоттонъ. Вспомнились тѣ загадочныя слова, которыя она сказала ему при послѣдней встрѣчѣ.

Грэмъ все чаще сталъ задумываться надъ этими словами, все чаще дѣлалъ попытки понять ихъ смыслъ. Изъ-за хаоса новѣйшихъ механизмовъ все опредѣленнѣе выступали строгія черты этой странной дѣвушки. Въ немъ все сильнѣе дѣлалось желаніе снова увидѣть ее. И въ концѣ третьяго дня онъ ее увидѣлъ.

XVIII.

Отрезвленіе.

Онъ встрѣтилъ ее въ длинной галлереѣ, которая вела изъ его комнатъ къ управленію флюгерами. По обѣимъ сторонамъ этой галлереи были ниши съ арками, которыя выходили въ роскошный внутренній садъ. Она сидѣла въ одной изъ этихъ нишъ. При шумѣ его шаговъ она вдрогнула. Ея лицо покрылось блѣдностью. Она встала, сдѣлала шагъ къ нему, но нервное возбужденіе мѣшало ей говорить.

Грэмъ чувствовалъ, что надо ей помочь, и сказалъ:

— Я радъ встрѣчѣ съ вами. Нѣсколько дней тому назадъ вы хотѣли мнѣ что-то сказать... о народѣ. Что вы хотѣли мнѣ сказать?

Она молчала.

— Вы сказали, что народъ несчастливъ.

Послѣ небольшого колебанія она тихо произнесла:

— Вы... забываете народъ...

Онъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Я знаю, что вы удивлены моими словами, но вы не знаете, какое значеніе вы имѣете для народа. Вы не знаете, что теперь совершается.

— Можетъ-быть. Въ такомъ случаѣ объясните мнѣ.

— Я такъ давно ждала этого момента, такъ сильно хотѣла сказать вамъ все... а теперь я не нахожу словъ. Трудно. Но только ли все, что произошло съ вами чудесно. Вашъ сонъ, ваше пробужденіе—чудеса. По крайней мѣрѣ, для меня, для всего народа. Вы жили, какъ всѣ люди, потомъ заснули, умерли, чтобы воскреснуть царемъ земли.

— Царемъ земли,—задумчиво повторилъ онъ.—Это мнѣ уже говорили. Да, на мнѣ и Острогѣ лежитъ большая отвѣтственность.

— Нѣтъ,—серьезно и медленно сказала она,—на васъ и только на васъ, лежитъ вся отвѣтственность. Народъ признаетъ только васъ.

После короткаго молчанія она продолжала:

— Вы не знаете! Въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ люди молились о томъ, чтобы насталъ моментъ вашего пробужденія. Молились!

Грэмъ молчалъ.

— Вы слышали нашу поговорку: „когда Спящій пробудится". Каждое первое число къ вамъ допускали народъ. Вы лежали въ бѣлыхъ одеждахъ, и народъ проходилъ мимо васъ, какъ мимо святыни. Я помню, какъ я поклонялась вамъ, когда еще была ребенкомъ. Я вглядывалась въ ваше блѣдное лицо и мнѣ казалось, что на немъ лежитъ печать божественнаго всетерпѣнія...

Ея глаза блестѣли, голосъ сдѣлался сильнымъ и звучнымъ.

— Въ городѣ, на всей землѣ миріады миріадъ людей, мужчинъ и женщинъ, жадно ловятъ всякій слухъ о томъ, что вы дѣлаете, что вы думаете дѣлать. Всѣ страстно ждутъ...

— Чего?

— Того, что имъ дадите вы. И никто... ни Острогъ, никто, кромѣ васъ, не можетъ взять на себя отвѣтственность. Неужели вы думаете, что все это чудо совершилось только для того, чтобы вы продолжали свою маленькую личную жизнь? Неужели надеждамъ всего міра не суждено сбыться?.. Неужели вы пробудились только для того, чтобы другой взялъ на себя отвѣтственность за ваши дѣйствія? Миріады миріадъ людей готовы повиноваться движенію вашей руки.

— Но я ничего не знаю,—растерянно сказалъ Грэмъ,—мнѣ ничего не говорятъ. А всѣ эти другіе... Острогъ умнѣе, разсудительнѣе. Они все знаютъ. И потомъ—вы мнѣ еще ничего не сказали. Въ чемъ состоитъ несчастье народа? Что я долженъ дѣлать?

Она заговорила страстно, возбужденно. Ея щеки пылали.

— Вы спрашиваете, въ чемъ несчастье? Во всемъ! Всюду, въ крупномъ и въ мелочахъ, народъ задыхается въ тискахъ. Въ ваше время люди были свободнѣе и счастливѣе, чѣмъ теперь. Вы не знаете. Этотъ городъ—большая тюрьма и теперь каждый городъ—тюрьма. Ключи отъ этихъ тюремъ въ рукахъ у богачей. Миріады людей отъ рожденія до могилы не знаютъ ни одного свѣтлаго часа. И неужели это будетъ продолжаться вѣчно? Вездѣ, всюду царитъ горе и нужда. То, что вы видите вокругъ себя, создано для немногихъ, для тѣхъ,

которые живутъ угнетеніемъ народа. А самъ народъ не живетъ, а страдаетъ. Вы не можете себѣ представить, до чего дошла теперь тиранія. Въ ваше время она еще только начиналась. Въ ваше время половина людей еще жила среди полей и лѣсовъ. Только позднѣе душные города поглотили всѣхъ. Въ ваше время народъ зналъ, что такое отдыхъ, что такое свѣжій воздухъ. Народъ зналъ, что такое любовь. Все это было въ ваше время.

— А теперь?

— Теперь люди знаютъ только наживу и города наслажденій! Или рабство—вѣчное позорное рабство!

— Рабство! Неужели вы хотите сказать, что теперь существуетъ рабство, что теперь одни люди владѣютъ другими?

— Хуже этого, я знаю, что отъ васъ это скрываютъ. Васъ стараются развлечь, скоро васъ, вѣроятно, повезутъ въ города наслажденій. Но вы должны узнать все это. Вы должны помочь...

— Вы, конечно, видѣли мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ свѣтло-синихъ одеждахъ, съ желтыми лицами и тупыми взглядами?

— Да, видѣлъ.

— Они говорятъ высокимъ, непріятнымъ голосомъ.

— Да, я слышалъ.

— Это рабы. Ваши рабы. Это рабы рабочаго общества, которые принадлежатъ вамъ.

— Рабочаго общества? Что вы хотите сказать?

— Не знаю, какъ объяснить вамъ это. Почти треть нашего народа теперь носитъ синюю одежду. И съ каждымъ днемъ ее надѣваютъ все новые люди. Рабочее общество разрастается очень быстро.

— Но что такое это рабочее общество?

— Скажите, что прежде дѣлали съ людьми, которымъ грозила голодная смерть?

— Мы помѣщали ихъ въ рабочіе дома.

— Рабочіе дома! Да, я помню... о нихъ говорится въ исторіи. Такъ вотъ, рабочее общество замѣнило прежніе рабочіе дома. Оно выросло изъ религіозной организаціи, изъ такъ называемой арміи Спасенія, и со временемъ стало промышленнымъ предпріятіемъ. Сначала предполагалось, что общество оказываетъ благодѣяніе тѣмъ, кого оно спасаетъ отъ рабочаго дома. Сначала предполагалось создать учрежденіе благотворительное, но, когда оно попало въ руки совѣта, все пошло по-новому. Теперь нѣтъ ни рабочихъ домовъ, ни пріютовъ, ни благотворительныхъ учрежденій. Есть только рабочее общество.

И всякій человѣкъ, мужчина, женщина или ребенокъ, котораго жизнь выбила изъ колеи, непремѣнно попадаетъ въ тиски этого общества,—или синее платье или смерть. Во всякое время дня и ночи всякій человѣкъ можетъ найти у этого общества пищу и кровъ, но при этомъ онъ непремѣнно долженъ надѣть синее платье. За каждый день пріюта общество требуетъ день работы. Когда человѣкъ отработалъ свое время, ему возвращаютъ его платье, и онъ свободенъ.

— Свободенъ?

— Да, то-есть, онъ можетъ итти куда ему угодно. На первый взглядъ кажется, что это совсѣмъ не тяжело. Въ ваше время люди умирали отъ голода на улицахъ. Это было ужасно. Но они умирали людьми. А теперь—у насъ есть пословица: „Кто синее надѣлъ, тотъ его до смерти не сниметъ". Кто разъ попалъ въ общество, тотъ изъ него не выберется. Если человѣкъ даже получитъ назадъ свое платье—куда онъ пойдетъ? На другой день ему опять надо ѣсть, и онъ возвращается въ то же общество. Собственное платье изнашивается, приходится оставаться въ синей одеждѣ, и съ этого момента человѣкъ дѣлается полнымъ рабомъ общества, потому что пока на немъ синее платье, онъ не смѣетъ распоряжаться собой.

У общества есть родильные пріюты. Всякая женщина, воспользовавшаяся такимъ пріютомъ, обязана проработать мѣсяцъ. У общества есть воспитательные дома. Всякій ребенокъ, воспитанный въ такомъ домѣ, по достиженіи четырнадцатилѣтняго возраста долженъ работать на общество два года. Притомъ, конечно, воспитываютъ дѣтей такъ, что они годятся только для работы на общество. И эти дѣти обречены всю жизнь носить синее платье.

— А если человѣкъ не хочетъ работать?

— Тогда онъ можетъ умереть. И только. Человѣкъ, который одинъ разъ отказался работать, отмѣчается выжженнымъ клеймомъ на большомъ пальцѣ. Такой человѣкъ потомъ получаетъ меньше пищи и худшее платье, даже, если онъ работаетъ лучше другихъ. Уѣхать эти люди никуда не могутъ. У насъ теперь только одно средство сообщенія — аэропланы. Проѣздъ въ Парижъ стоитъ два льва. Откуда ихъ взять рабочему? А за неповиновеніе сажаютъ въ тюрьмы: сырыя, совсѣмъ темныя.

— Вы говорите, что третья часть народа одѣта въ синее?

— Больше трети. Миріады людей, искалѣченныхъ, угнетенныхъ, придавленныхъ тяжестью лишеній, работаютъ съ утра до ночи, не видя впереди никакого просвѣта. Они даже ли-

шены возможности убить себя: у нихъ для этого нѣтъ никакихъ средствъ. Ихъ жизнь поддерживаютъ искусственно. Они даже не могутъ надѣяться на смерть. Вотъ въ какомъ положеніи находится народъ.

Она умолкла. Грэмъ долго молчалъ, потрясенный ея словами. Наконецъ онъ тихо сказалъ:

— Но вѣдь теперь совершилась революція. Теперь все перемѣнится. Острогъ...

— Да, теперь народъ надѣется. Но только Острогъ ничего не сдѣлаетъ. Онъ политикъ. Онъ утверждаетъ, что положеніе вещей вполнѣ нормальное. Вѣдь это не ново. Всѣ богатые, всѣ вліятельные люди считаютъ, что положеніе вещей нормально. Народъ имъ нуженъ только для достиженія ихъ цѣлей. Народъ имъ нуженъ, какъ средство для сытой жизни. Безъ униженія народа такая жизнь невозможна. Но вы, вы — другое дѣло! На васъ народъ надѣется, только на васъ.

Ея глаза лихорадочно блестѣли. Чувствовалось, что въ эти слова она вложила душу. Грэмъ сразу забылъ свое увлеченіе воздухоплаваніемъ. Передъ нимъ открылись новые горизонты.

— Но что же мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ, пристально глядя на нее.

— Царствовать,—тихо отвѣтила она, наклоняясь къ нему.— Управляйте міромъ, какъ никто еще не управлялъ имъ, управляйте на счастье и благо людей. Народъ поднимается. Одно ваше слово—и за вами пойдутъ миріады миріадъ. Отъ васъ скрываютъ событія. Народъ отказывается сложить оружіе. Народъ не хочетъ больше мириться съ рабствомъ. Острогъ ошибся. Онъ разбудилъ великана, съ которымъ ему не справиться: онъ разбудилъ надежду на лучшее будущее.

Грэмъ долго сидѣлъ, неподвижно глядя передъ собой.

— Старыя мечты о свободѣ и счастьѣ. Или, можетъ-быть, одинъ человѣкъ... одинъ человѣкъ?!.

— Нѣтъ, не одинъ человѣкъ,—горячо воскликнула она,— а всѣ люди вмѣстѣ! Всѣ люди. А вы — только идите впереди нихъ.

— У меня нѣтъ вашей вѣры,—печально сказалъ Грэмъ.— Вы говорите, что я всесиленъ, но на самомъ дѣлѣ я безпомощенъ. У меня нѣтъ силъ прорвать ту преграду, которая окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ. Но все-таки—вы меня разбудили. Вы правы. Я попробую. Острогъ долженъ отойти на второй планъ. Во всякомъ случаѣ, я обѣщаю вамъ устранить это позорное рабство.

— И вы будете царствовать?

— Да. Только съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Что вы будете мнѣ помогать.

— Я?

— Да. Неужели вы не понимаете, что я совершенно одинокъ?

Въ ея глазахъ мелькнулъ лучъ жалости. Она гордо выпрямилась и сказала:

— Я готова.

— Въ такомъ случаѣ я буду царствовать... съ вами.

Въ это время часы пробили часъ. Грэмъ всталъ.

— Острогъ ждетъ меня,—сказалъ онъ.—Мнѣ надо разспросить его о многомъ. И когда я вернусь отъ него...

— Вы меня найдете здѣсь.

Онъ молча, пристально посмотрѣлъ ей въ глаза, медленно повернулся и пошелъ въ управленіе флюгерами.

XIX.

Мнѣніе Острога.

Острогъ уже ждалъ Грэма, чтобы сдѣлать ему обычный докладъ о послѣднихъ событіяхъ. За послѣдніе дни Грэмъ старался по возможности сократить эту дѣловую бесѣду, чтобъ вернуться къ своимъ излюбленнымъ опытамъ воздухоплаванія, но на этотъ разъ онъ началъ задавать короткіе быстрые вопросы. Теперь ему хотѣлось возможно скорѣе начать царствовать. Какъ и всегда, Острогъ сообщилъ о „небольшихъ волненіяхъ“ въ Парижѣ и Берлинѣ, о томъ, что снова подняло голову движеніе коммунистовъ. Но тоже, какъ всегда, докладъ кончался сообщеніемъ, что движеніе подавлено, что наступило „полное успокоеніе“.

Грэмъ спросилъ, были ли при этомъ вооруженныя столкновенія.

— Совершенно незначительныя, — поспѣшилъ увѣрить Острогъ.—Въ одномъ-двухъ городскихъ кварталахъ. Но наша полиція оказалась на высотѣ своего положенія, аэропланы тоже, такъ что все обошлось благополучно. Вообще,—добавилъ онъ, — мы заранѣе приняли мѣры, потому что ожидали небольшихъ волненій въ Европѣ и Америкѣ.

— Почему вы ожидали волненій?—быстро спросилъ Грэмъ.

— Въ народныхъ массахъ скопилось много злобы, недовольства соціальнымъ строемъ...

— Рабочимъ обществомъ?

— Однако вы быстро учитесь, — замѣтилъ Острогъ, не скрывая своего удивленія. — Да. Народъ, главнымъ образомъ, недоволенъ рабочимъ обществомъ. Это недовольство, вмѣстѣ съ вашимъ пробужденіемъ, дало главный толчокъ всему движенію.

— Что же дальше?

— Вы воспользовались моментомъ, — продолжалъ Острогъ, хитро улыбаясь, — мы достали изъ архивовъ древніе идеалы всеобщаго счастья, — всѣ люди равны, всѣ люди имѣютъ одинаковое право на жизненныя удобства,—все это мирно спало два столѣтія. Эти идеалы отжили, не годны для практики, но мы ихъ временно воскресили, чтобы свергнуть совѣтъ. А теперь...

— Теперь.

— Теперь революція совершилась, совѣтъ свергнутъ, но народъ, поднятый нами, еще не успокоился. Конечно, мы должны были кое-что обѣщать. Но... мы сами не думали, что эта старая ересь елейнаго гуманизма можетъ взволновать народныя массы въ наше время. Мы не разсчитывали на такой подъемъ народа. Миріады рабочихъ бастуютъ. Половина фабрикъ остановилась. Народъ толпится на улицахъ. Всюду громко говорятъ о коммунизмѣ. Почтенные люди, имѣющіе право на шелковое платье, подвергаются на улицахъ оскорбленіямъ. Синее платье ждетъ отъ васъ чего-то сверхъестественнаго, но вы можете спать спокойно. Всѣ говорильныя машины проповѣдуютъ повиновеніе законамъ и возвращеніе къ порядку. Мы крѣпко натягиваемъ вожжи.

— Да,—сказалъ Грэмъ.—Я слышалъ. Вы натягиваете вожжи до того, что для борьбы съ своимъ народомъ призываете вооруженныхъ негровъ. То, что вы называете спокойствіемъ, вы покупаете цѣной вражды между народностями. Вы позволяете разбойничать однимъ, чтобы держать въ страхѣ другихъ. Я пораженъ тѣмъ, что я вижу. Въ мое время люди мечтали о дивной гармоніи демократическаго строя, при которомъ всѣ люди будутъ равноправны и одинаково счастливы...

— Демократизмъ уже давно отжилъ свой вѣкъ,—сказалъ Острогъ. Теперь въ центрѣ всей общественной жизни стоитъ капиталъ. Тотъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточено золото, распоряжается судьбами другихъ. Только богатый можетъ считать себя выше другихъ людей. Это фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Народъ—толпа! Народъ—властелинъ! Это старо. Въ это перестали вѣрить даже въ ваше время.

А въ наше время люди вѣрятъ только въ могущество капитала.

Наступило тяжелое молчаніе. Грэмъ сидѣлъ, погруженный въ мрачную задумчивость. Первымъ заговорилъ Острогъ.

— Васъ безпокоятъ эти тренія, неизбѣжныя при всякомъ движеніи новаго механизма? Увѣряю васъ, что все это кончится благополучно. Неужели вы думаете, что я дѣйствовалъ опрометчиво? Я пробудилъ народныя силы, но пробудилъ ихъ не для того, чтобы онѣ уничтожали меня самого.

— Слѣдовательно, вы осуществите надежды народа?—спросилъ Грэмъ.

— Что? Надежды народа?..

— Да. Народъ имѣетъ на это право. Въ мое время, когда, какъ вы говорите, вѣрили въ торжество демократизма, съ желаніями народа считались. Вѣрили въ то, что этимъ надеждамъ суждено осуществиться въ будущемъ. И что же? Теперь, черезъ два вѣка, я нахожу на землѣ тиранію аристократіи!

— Совершенно вѣрно,—почтительно замѣтилъ Острогъ,—но... главнымъ тираномъ являетесь вы сами!

Грэмъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ! Я говорю о тѣхъ людяхъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться до сихъ поръ... всѣ эти инспекторы, директоры, завѣдующіе.

— О!—оживленно перебилъ его Острогъ,—съ этими людьми считаться не приходится. Это вымирающіе типы. Они настолько испорчены и изнѣжены, что не могутъ имѣть сколько-нибудь длительнаго вліянія на судьбу народа. Они вымираютъ.

— Хорошо,—сказалъ Грэмъ,—допустимъ, что они вымираютъ. А другіе? А народныя массы?! Вѣдь онѣ не вымираютъ. Онѣ живутъ и будутъ жить, и онѣ невыразимо страдаютъ... Съ ними вы сами вынуждены считаться...

— Совершенно вѣрно, народныя массы не вымираютъ, но зато имъ можно укрощать, какъ всякаго хищника. Онѣ опасны только тогда, когда въ нихъ неудержимо проявляется странное чувство. Вы видѣли ихъ возбужденіе, вы слышали ихъ гимнъ, слова котораго для нихъ же непонятны... Если бы вы спросили кого-нибудь одного изъ этой толпы, чему онъ радъ, къ чему онъ стремится, вы бы не получили отвѣта. Моментъ—вотъ все, что важно для такихъ движеній. Сегодня они съ восторгомъ свергли Бѣлый совѣтъ, а завтра они же ропщутъ на то, что у нихъ нѣтъ совѣта, кричатъ о томъ, что имъ нуженъ совѣтъ. Впрочемъ, вы выросли въ ту эпоху, когда люди всюду видѣли братство, единеніе и свободу. Ребенкомъ я читалъ вашего

Шелли и самъ мечталъ о свободѣ. Но потомъ я убѣдился въ томъ, что для человѣка свобода не существуетъ. Если человѣкъ сумѣлъ обогатить свой разумъ широкими знаніями, и притомъ умѣетъ владѣть собой, то онъ свободенъ. Свобода внутри насъ, мы можемъ быть свободными даже тогда, когда насъ сковываютъ цѣпи.

Представьте себѣ на одно мгновеніе, что эти синіе безумцы захватятъ власть въ свои руки. Что произойдетъ? Вмѣсто того, чтобы повиноваться намъ, они будутъ повиноваться другимъ господамъ. Но господа для нихъ необходимы, какъ воздухъ. Въ концѣ-концовъ все сводится къ тому же. Предоставьте народъ самому себѣ, освободите его отъ предразсудковъ, отъ начальниковъ—онъ сейчасъ же самъ создастъ себѣ новыхъ начальниковъ, выработаетъ новые предразсудки.

Снова наступило молчаніе.

— Можетъ-быть, вы и правы,—задумчиво сказалъ Грэмъ,—но во всякомъ случаѣ, я хочу самъ видѣть, какъ живетъ народъ. Я хочу самъ близко видѣть тѣ условія, въ которыхъ онъ живетъ. До сихъ поръ я былъ слѣпъ. Теперь я хочу видѣть. Я отправлюсь на улицы...

— Но это безуміе!—воскликнулъ Острогъ.—Здѣсь есть обстоятельства, которыя...

— Здѣсь не можетъ быть никакихъ обстоятельствъ,—рѣшительно заявилъ Грэмъ.—Я хочу видѣть свой народъ, и я увижу его.

При этихъ словахъ Острогъ бросилъ на него загадочный взглядъ, но сейчасъ же поклонился и сказалъ почтительно:

— Разумѣется, вы—господинъ и вы вольны въ своихъ поступкахъ. Вамъ угодно видѣть свой народъ—никто не смѣетъ помѣшать вамъ. Но только... народъ настолько возбужденъ, что я боюсь за послѣдствія такого поступка. Впрочемъ... пожалуй!—Пожалуй, это будетъ даже хорошо. Пожалуй, ваша мысль принесетъ отличные плоды. Но только я позволилъ бы себѣ посовѣтовать вамъ переодѣться. Азано достанетъ вамъ костюмъ и, конечно, будетъ сопровождать васъ.

— Скажите,—обратился Грэмъ къ Острогу, пристально глядя ему въ глаза,—въ ближайшемъ будущемъ не предвидится вооруженнаго столкновенія?

— Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ.

— Я не думаю, чтобы мой народъ по отношенію ко мнѣ предпринялъ что-нибудь враждебное. Но во всякомъ случаѣ я требую, понимаете: требую, чтобы въ Лондонъ для борьбы съ народомъ не вызывались негры. Ни въ какомъ случаѣ. Что бы ни случилось. Этого я требую безусловно!

Острогъ хотѣлъ что-то сказать, но, взглянувъ на рѣшительное выраженіе лица Грэма, отказался отъ своего намѣренія и почтительно поклонился.

XX.

На улицахъ.

Въ костюмѣ низшаго служащаго управленія флюгеровъ, въ сопровожденіи Азано, одѣтаго въ синее платье рабочаго общества, Грэмъ ночью вышелъ на улицы. Всюду кипѣла жизнь. Поверхностный наблюдатель не замѣтилъ бы никакихъ слѣдовъ того народнаго движенія, которое только что произвело коренной переворотъ во всемъ соціальномъ строѣ. Въ первый разъ Грэму пришлось наблюдать народъ непосредственно, не съ высоты платформы или балкона.

Среди сновавшей по всѣмъ направленіямъ толпы Грэмъ замѣтилъ какую-то процессію, двигавшуюся на одной изъ платформъ.

Процессія людей, двигающихся по городу въ сидячемъ положеніи!

Это были люди, одѣтые въ традиціонное синее платье. Они держали большія знамена, на которыхъ крупными, грубо намалеванными буквами было написано: „Не разоружайтесь!“—„Не надо разоружаться!“—„Зачѣмъ разоружаться!“—„Не разоружайтесь!“

Пронесся цѣлый потокъ знаменъ съ такими надписями, а въ концѣ процессіи слѣдовалъ оркестръ, игравшій гимнъ народнаго возстанія.

— Видите,—сказалъ Азано,—они уже два дня не работаютъ. Два дня они или не ѣли или крали себѣ ѣду.

На улицахъ царило необычайное оживленіе. Грэмъ чувствовалъ себя подавленнымъ тѣмъ хаосомъ звуковъ, который окружалъ его.

Его поразилъ тотъ жаргонъ, на которомъ говорили народныя массы. Вглядываясь въ людей и прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ, онъ уловилъ оттѣнки, о которыхъ ему необходимо было серьезно переговорить съ Острогомъ. Возбужденіе уличной толпы невольно захватило его.

Грэмъ и Азано усѣлись на одной изъ скамеекъ верхней, самой быстрой платформы, откуда удобнѣе всего было производить наблюденія. На поворотѣ одной изъ улицъ вниманіе Грэма привлекъ фасадъ дома какой-то христіанской секты.

Вся стѣна была покрыта бѣлыми и синими надписями, среди которыхъ на огромномъ транспарантѣ кинематографъ показы-

валъ сцену изъ Новаго завѣта. Грэмъ прочелъ нѣкоторыя изъ надписей: „Спасеніе души—первый этажъ направо".—„Помѣщайте ваши деньги въ секту Творца".—„Самое скорое спасеніе души".—„Будь христіаниномъ, не прерывая своихъ занятій".—„Сегодня въ банкѣ присутствуютъ всѣ епископы, плата за входъ обыкновенная".—„Дешевое благословеніе для купцовъ".

— Это ужасно!—сказалъ Грэмъ.

— Что ужаснаго?—спросилъ Азанъ, озиравшійся въ полномъ недоумѣніи.

— Вотъ это! Развѣ можно сводить религію до степени торгашества?!

— Ахъ, вы объ этомъ! Да, въ ваше время къ этимъ вопросамъ относились иначе. Но теперь люди такъ сильно заняты, что у нихъ нѣтъ времени заниматься такими вопросами. Теперь за нихъ это дѣлаютъ спеціалисты. У насъ есть особые разряды, для богатыхъ и бѣдныхъ. Для того, чтобы оправдывать свои расходы, такимъ христіанскимъ сектамъ приходится прибѣгать къ рекламамъ. Ничего не подѣлаешь. Та секта, напримѣръ, домъ который мы сейчасъ видѣли, платитъ совѣту... виноватъ, вамъ!—нѣсколько дюжинъ львовъ.

Львы! Грэмъ не разъ слышалъ это выраженіе, но до сихъ поръ не уяснилъ себѣ его значенія. Онъ спросилъ объ этомъ Азано и узналъ, что львомъ называется ассигнація, отпечатанная на прозрачной ткани, очень мягкой, испещренной шелковыми нитями — для прочности. Азано сейчасъ же указалъ ему такую ассигнацію: на ней изъ угла въ уголъ тянулась точно воспроизведенная подпись Грэма.

Послѣ зданія религіозной секты вниманіе Грэма, отвлеченное разговоромъ о денежныхъ знакахъ, привлекла къ себѣ народная столовая. Благодаря энергіи и находчивости Азано, имъ удалось пробраться на небольшую галлерею, съ которой можно было наблюдать все помѣщеніе. Грэмъ до извѣстной степени привыкъ къ толпѣ, къ массамъ, но зрѣлище тысячъ людей, одновременно обѣдавшихъ въ этой столовой, все-таки поразило его. Здѣсь передъ нимъ осуществлялась одна изъ самыхъ смѣлыхъ, самыхъ невѣроятныхъ фантазій его времени. Вѣдь и прежде люди селились въ городахъ, чтобы имѣть возможность сообща пользоваться удобствами при наименьшихъ затратахъ на нихъ. Но такое полное сліяніе, полное уничтоженіе отдѣльнаго домашняго хозяйства было немыслимо: этому мѣшалъ недостатокъ развитія народа, разные предразсудки и страсти. Но за время его сна народъ, очевидно, сумѣли укротить окончательно. Обычай питаться внѣ своего жилища укрѣпился безповоротно.

Азано объяснилъ, что эта столовая предназначена для средняго класса, стоящаго нѣсколько выше рабочихъ въ синей одеждѣ. Тысячи людей сидѣли и ходили внизу, разговаривая, смѣясь, звеня приборами, но не было замѣтно суеты, безъ которой прежде была немыслима жизнь ресторана, полнаго людьми. Грэмъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что, хотя прислуги не было видно, столы оставались совершенно чистыми, безъ всякаго слѣда крошекъ, пролитыхъ напитковъ и другихъ остатковъ. Передъ каждымъ обѣдающимъ стоялъ аппаратъ съ фарфоровыми и металлическими частями. На каждаго человѣка полагалась только одна тарелка, которую во время ѣды приходилось мыть. Для этого въ каждомъ аппаратѣ имѣлись краны съ холодной и горячей водой. Приходилось также мыть вилку, ножъ и ложку.

Супъ и вино наливались изъ особыхъ крановъ, и кушанья лежали въ красиво убранныхъ блюдахъ, которыя медленно двигались вдоль стола, на рельсахъ. Эти блюда появлялись въ дверцѣ на одномъ концѣ стола и исчезали въ дверцѣ на другомъ концѣ...

Изъ столовой Грэмъ и Азано перешли въ другое помѣщеніе, за входъ въ которое взималась небольшая плата. Какой-то громкій, пронзительный голосъ громко выкрикивалъ свѣжія новости:

„Господинъ намѣренъ посвятить себя воздухоплаванію. Онъ чувствуетъ себя превосходно. Онъ говоритъ, что теперь женщины красивѣе, чѣмъ были когда-нибудь. О-о! наша дивная цивилизація приводитъ его въ восторгъ. О-о! Онъ вполнѣ довѣряетъ великому Острогу. Острогъ будетъ назначенъ первымъ министромъ при господинѣ. О-о! Члены совѣта помѣщены въ тюрьму въ зданіи совѣта!"

При первыхъ раздавшихся звукахъ Грэмъ взглянулъ наверхъ и увидѣлъ огромную маску, изо рта которой вылетали эти слова. Маска немного помолчала, какъ бы собираясь съ силами, потомъ снова заговорила:

„Парижъ успокоился. Возстаніе подавлено. Черная полиція заняла всѣ важные пункты. Она сражалась съ безумной храбростью и пѣла воинственныя пѣсни своихъ предковъ, которыя записалъ поэтъ Киплингъ. Полиція жестоко расправлялась съ сопротивлявшимися, съ женщинами и мужчинами. Подѣломъ: не бунтуй. Пусть это послужитъ предостереженіемъ той шайкѣ бунтовщиковъ, которая мутитъ населеніе этого города. Да-а! О-о!"

Машина умолкла. Среди слушателей пронесся ропотъ негодованія.

— Проклятые негры!

Человѣкъ, стоявшій около Грэма, громко и возбужденно говорилъ:

— Что же это такое?! Неужели это дѣлается по приказанію Господина? Неужели этого хочетъ Господинъ?

— Что такое?—въ свою очередь, спросилъ Грэмъ.—Черная полиція? Неужели они...

Но Азано пожалъ ему руку и предупреждающе кивнулъ головой. Въ это время закричала другая машина:

„А-а-а! Го! Слушайте! Страшныя преступленія въ Парижѣ! Населеніе доведено черной полиціей до отчаянія. Ужасныя репрессіи! Возвращаются дикія времена. Вездѣ льется кровь...“

Но вновь закричала ближайшая машина и заглушила послѣднія слова своей сосѣдки:

„Законъ прежде всего! Надо соблюдать законъ. Надо всѣми мѣрами охранять законъ и порядокъ...“

— Что все это значитъ?—громко спросилъ Грэмъ.

— Не спрашивайте, — испуганно шепнулъ ему Азано. — Здѣсь ни о чемъ не спрашивайте, иначе выйдетъ ссора.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте отсюда. Я не хочу слышать это...

Они пошли къ дверямъ. Только теперь Грэмъ осмотрѣлся. Въ огромныхъ помѣщеніяхъ стояло много разныхъ говорильныхъ машинъ, начиная отъ маленькихъ, хихикавшихъ по угламъ, и до великановъ, одинъ изъ которыхъ первымъ заговорилъ надъ Грэмомъ. Помѣщеніе было переполнено слушателями, среди которыхъ преобладали синія одежды. Слушатели волновались. Неслись негодующіе возгласы:

— Живыми сжигаютъ женщинъ! Какъ позволяетъ все это Господинъ! Такъ вотъ какъ начинаетъ нами править Господинъ! Вотъ каковъ Господинъ!

Господинъ, господинъ, господинъ... Это слово преслѣдовало Грэма до самаго выхода.

На улицѣ Грэмъ сталъ разспрашивать Азано о событіяхъ въ Парижѣ.

— Что все это значитъ? Почему народъ не хочетъ разоружаться? Почему онъ волнуется?

Но Азано отвѣчалъ уклончиво, стараясь, главнымъ образомъ, успокоить Грэма и увѣрить его, что ничего особеннаго не произошло.

— Для того, чтобы приготовить яичницу, — сказалъ онъ, между прочимъ,—надо разбить яйца. Это самый простой, низшій народъ. Въ рабочемъ кварталѣ. А то все спокойно. Парижскіе рабочіе—самый дикій элементъ послѣ нашихъ рабочихъ.

— Что?! Послѣ лондонскихъ?

— Нѣтъ, послѣ японскихъ. Ихъ приходится держать въ постоянномъ страхѣ.

— Но все-таки... сжигать женщинъ!

— Это были члены Коммуны. Коммуна стремится захватить все въ свои руки. Отнять у васъ то, что вамъ принадлежитъ по праву. Вы — Господинъ. Вамъ принадлежитъ вся земля. Вамъ всѣ должны повиноваться. Но вы можете быть спокойны: сюда Коммуна не явится. Если же она посмѣетъ... то васъ защитятъ черные полки.

— Полки? Я думалъ, что есть только одинъ черный полкъ?

Азано бросилъ на него бѣглый, загадочный взглядъ и сказалъ:

— Нѣтъ. Этихъ полковъ у насъ много.

— Но мнѣ сказали...

Грэмъ хотѣлъ продолжать, но во-время остановился и перемѣнилъ тему разговора. Онъ началъ разспрашивать о томъ, какъ организовано сообщеніе свѣдѣній населенію. Онъ узналъ, что „освѣдомительныя бюро", въ одномъ изъ которыхъ они только что были, разсчитаны только на самые низшіе слои населенія, что средніе классы, не говоря уже о высшихъ, имѣютъ въ своихъ кварталахъ собственныя говорильныя машины, которыя соединены съ синдикатами свѣдѣній, подходящими по своему направленію къ политическимъ взглядамъ абонентовъ.

— Но почему же въ моихъ комнатахъ нѣтъ такихъ машинъ?—спросилъ Грэмъ.

Азано смутился. Очевидно, онъ понялъ свою оплошность.

— Должно-быть... должно-быть, Острогъ велѣлъ убрать ихъ...—пробормоталъ онъ. — Острогъ боялся, что онѣ будутъ васъ безпокоить...

— Я велю ихъ сейчасъ же поставить!—рѣшительно сказалъ Грэмъ.—Я хочу знать все, что дѣлается на землѣ, что приказывается отъ моего имени!

— Сейчасъ мы посѣтимъ танцовальный залъ, — засуетился Азано, которому новый оборотъ разговора видимо не нравился. — Онъ, вѣроятно, полонъ. Несмотря на всѣ политическія волненія, люди увлекаются танцами. Особенно женщины...

Они вошли въ клѣтку подъемной машины, которая быстро помчала ихъ наверхъ. Скоро до слуха Грэма донеслась музыка. Звуки росли, дѣлались громче и, наконецъ, смѣшались съ ритмическимъ притопываніемъ ногъ танцующихъ. Клѣтка

остановилась. Они заплатили за входъ и черезъ секунду очутились на галлереѣ, висѣвшей надъ танцовальнымъ заломъ. Азано былъ правъ: залъ былъ переполненъ танцующими.

Грэмъ оглянулся. Галлерея, на которой онъ стоялъ, шла вокругъ всего громаднаго зала. Съ одной стороны стѣна состояла изъ довольно прозрачной ширмы, сквозь которую виднѣлись ярко освященныя улицы; за этой ширмой тоже танцовали... Люди, одѣтые въ синія лохмотья, слишкомъ бѣдные для того, чтобы заплатить за входъ, пользовались доносившимися до нихъ смутными обрывками музыки и танцовали... На время они забыли свои лохмотья и старались тоже пріобщиться къ благамъ цивилизаціи!

Грэмъ невольно вспомнилъ далекое прошлое, когда въ деревняхъ люди могли танцовать подъ открытымъ небомъ, подъ звуки плохой, но *своей* музыки...

Грэмъ облокотился на перила и сталъ глядѣть внизъ. Какъ мужчины, такъ и женщины были одѣты очень легко, съ открытыми шеями и руками. У многихъ мужчинъ волосы были завиты локонами, а щеки слегка накрашены.

— Что это за люди?—спросилъ онъ.

— Рабочіе, — отвѣтилъ Азано.—Но рабочіе обезпеченные. То, что въ ваше время называли „среднимъ классомъ". Теперь у насъ нѣтъ отдѣльныхъ торговцевъ или ремесленниковъ. Все необходимое вырабатывается и распредѣляется крупными организаціями. Это люди, работающіе въ такихъ организаціяхъ. Теперь они свободны и развлекаются. Вѣроятно, такъ же переполнены всѣ другіе танцовальные залы города.

— А эти женщины? Есть между ними матери?

— Почти у всѣхъ женщинъ есть дѣти. Имѣть ребенка теперь считается гордостью.

— Но кто же заботится о дѣтяхъ?

— Воспитательные тресты. Всѣ дѣти послѣ рожденія отдаются на воспитаніе. Зачѣмъ причинять себѣ лишнія заботы?

— Лишнія заботы...

Грэмъ долго стоялъ, погруженный въ задумчивость. Передъ нимъ вереницей проходили воспоминанія о прошломъ, когда женщины употребляли всѣ усилія для того, чтобы не разлучаться съ своими дѣтьми, когда женщины считали для себя величайшимъ счастьемъ эти самыя „лишнія заботы"... Наконецъ онъ стряхнулъ съ себя эти грезы о быломъ и спросилъ:

— Но гдѣ же они спятъ? Гдѣ работаютъ? Я хочу видѣть все это.

— Спятъ они и наверху и внизу. Это довольно сложная система. А работаютъ... въ низахъ. Но только вамъ едва ли

удастся теперь видѣть ихъ за работой. Рабочіе почти всѣ бастуютъ. Половина изъ нихъ вооружена и несетъ охранную службу. Однако если вамъ угодно, мы все-таки можемъ отправиться въ рабочія помѣщенія.

— Да, отправимся туда!—воскликнулъ Грэмъ.—Я хочу видѣть трудящихся людей. Эти раскрашенныя куклы внушаютъ мнѣ отвращеніе.

— Какъ вамъ угодно,—почтительно наклонился Азано.—Но по пути къ рабочимъ низамъ я позволю себѣ показать вамъ нѣчто знакомое для васъ... еще съ вашего времени...

— Что такое?

— Пожалуйте.

Они покинули галлерею черезъ небольшую боковую дверь и пошли по узкому, довольно холодному коридору. По звонкимъ ударамъ шаговъ Грэмъ догадался, что они идутъ по длинному мосту. Показалась крутая лѣстница. Они поднялись по ней, прошли по короткому, извилистому коридору, взобрались по второй лѣстницѣ и очутились... на крошечной площадкѣ подъ крестомъ стараго собора св. Павла!

Широко раскинулся темный небосклонъ. Въ морозномъ, прозрачномъ воздухѣ торжественно сверкали знакомыя созвѣздія: Капелла, Вега, Большая Медвѣдица... въ зенитѣ величаво переливала всѣми цвѣтами радуги Полярная звѣзда...

Да! Все было попрежнему. На землѣ многое измѣнилось, но звѣздное небо осталось старое!

Долго стоялъ Грэмъ, любуясь знакомой картиной. Раздавались завыванія сиренъ аэроплановъ, доносился глухой гулъ жизни многомилліоннаго города... но Грэмъ не слышалъ ничего, не видѣлъ ничего, кромѣ звѣздъ!..

Наконецъ онъ оторвался отъ родного зрѣлища, и они снова спустились внизъ, на улицы. По разнымъ переходамъ они достигли торговаго квартала. Шумъ, визгъ, крики, стукъ почти оглушили Грэма. Всюду люди толпились вокругъ рулетокъ и другихъ игорныхъ машинъ, за которыми каждый день и каждую ночь проигрывались и выигрывались чудовищныя состоянія. Масса свѣтящихся объявленій пестрѣла на стѣнахъ, крышахъ и въ окнахъ. Придя немного въ себя, Грэмъ обратилъ вниманіе на одинъ особенно яркій транспарантъ, на которомъ буквами, величиною въ два человѣческихъ роста, было написано:

Здѣсь стражется хозяинъ!

— Кто это хозяинъ?—спросилъ онъ.

— Вы,—отвѣтилъ Азано.

— А что значитъ „стражется“?

— Развѣ въ ваше время не стражили имущества?

— Ахъ, вы говорите о страхованіи?

— Да, прежде люди примѣняли это странное слово. Здѣсь стражется... виноватъ, страхуется, ваша жизнь. Люди помѣщаютъ свои капиталы подъ вашу жизнь. Миріады львовъ. Это дѣлается давно. Много дюжинъ лѣтъ. До сихъ поръ это считалось самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ. Даютъ 17 процентовъ въ годъ. Впрочемъ, вѣрнѣе, давали. Если бы они увидѣли васъ теперь, здѣсь, они сильно понизили бы проценты! Теперь вы—рискованное предпріятіе.

— Рискованное предпріятіе...

Грэмъ чувствовалъ, какъ у него сознаніе уплываетъ куда-то, задергивается мутной пеленой. А кругомъ волновалось людское море, кричало, визжало, злобно сремилось во всѣ эти игорные притоны и мѣста, гдѣ „стражется“ онъ, Грэмъ, „рискованное предпріятіе“...

— Пойдемте отсюда! — хрипло сказалъ онъ. — Это невыносимо.

Хаосъ звуковъ проглотилъ послѣднія слова удачно начатой фразы.

XXI.

Низы.

Изъ торговаго квартала они отправились въ отдаленную часть города, гдѣ были сосредоточены мастерскія. Движущіяся платформы два раза переносили ихъ черезъ Темзу. Рѣка оба раза показалась Грэму черной лентой, протянутой на днѣ глубокаго, узкаго каменнаго ящика. Постепенно улица превратилась въ туннель, по которому, рядомъ съ платформами, безшумно двигались громоздкія повозки, скользившія на высокихъ колесахъ съ пневматическими шинами. Грэмъ замѣтилъ одну такую повозку, на которой возвышались нѣсколько рядовъ металлическихъ перекладинъ, сплошь увѣшанныхъ бараньими тушами.

Наконецъ они покинули платформу, спустились по подъемнику въ какой-то колодецъ, миновали коридоръ съ сильно покатымъ поломъ, и снова спустились въ шахту. Обстановка рѣзко перемѣнилась. Исчезли орнаменты и вообще украшенія, фонари были развѣшаны рѣже и свѣтили тусклѣе. Начались переходы рабочаго города. Пыльные туннели горшечныхъ и камнебитыхъ мастерскихъ смѣнялись раскаленными стѣнами литейныхъ или идамитныхъ рабочихъ помѣщеній, и всюду мелькали синія одежды, даже на женщинахъ и дѣтяхъ.

Большинство этихъ переходовъ теперь, благодаря забастовкѣ, были пусты, но темныя жерла печей и груды топлива говорили о томъ, что въ другое время здѣсь кипитъ работа. Тѣ рѣдкіе люди, которые продолжали работать, дѣлали свое дѣло медленно, съ видимой неохотой. Грэмъ замѣтилъ, что рабочіе отличались вялымъ видомъ и тощей мускулатурой. Ему невольно вспомнились крѣпкіе, здоровые рабочіе его времени, когда роль человѣка еще не была сведена до степени какого-то вспомогательнаго рычага при машинѣ... Встрѣчавшіяся женщины поражали своимъ жалкимъ видомъ. Некрасивыя, съ впалой грудью и усталой походкой, онѣ производили гнетущее впечатлѣніе.

— Грэмъ и Азано опускались все ниже. Въ одномъ мѣстѣ они прошли подъ улицей. Грэмъ увидѣлъ бѣгущія по рельсамъ колеса, на которыхъ передвигалась уличная платформа. Въ щели сверху падали полосы бѣлаго свѣта, рѣзко выдѣлявшіяся среди царившаго внизу полумрака. Кое-гдѣ выступали неясныя очертанія огромныхъ, сложныхъ машинъ, застывшихъ въ грузной неподвижности. Но даже и тамъ, гдѣ работа продолжалась, освѣщеніе было далеко не такое яркое, какъ наверху, на улицахъ.

Они добрались до мастерскихъ по обработкѣ золота. Чтобы проникнуть туда, Грэму пришлось дать свою подпись. Эти мастерскія оказались высокими, темными и довольно холодными залами, въ которыхъ работали разныя золотыя украшенія. Каждый рабочій сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ, на которомъ горѣла особая, небольшая лампочка. Хаосъ крошечныхъ огоньковъ, скрывавшихся гдѣ-то вдали, производилъ странное впечатлѣніе. Грэма поразила быстрота, съ которой люди создавали на золотѣ самые сложные орнаменты.

— За этими мастерскими находились залы, въ которыхъ женщины вырѣзали искусственные рубины и вставляли ихъ въ оправы. У большинства женщинъ лица были обезображены язвами, вызванными веществомъ, которымъ достигалась пурпуровая окраска. Азано извинился за то, что онъ повелъ Грэма этимъ кратчайшимъ путемъ, на которомъ имъ пришлось натолкнуться на такое непріятное зрѣлище.

— Но,—добавилъ онъ,—безъ этой краски никакъ нельзя обойтись. Въ ваше время, когда люди были менѣе изнѣжены, ее, вѣроятно, переносили бы лучше.

Черезъ длинные коридоры они вышли на небольшой мостъ, подъ которымъ, на значительной глубинѣ, оказалась корабельная верфь. Тамъ какъ разъ выгружали каменную муку съ трехъ барокъ, нуждавшихся въ починкѣ. Среди густыхъ обла-

ковъ колючей пыли взадъ и впередъ двигались люди, перевозившіе муку на тачкахъ. Непрерывно слышался глухой кашель. Эти синія фигуры, мелькавшія среди полумрака, окруженныя столбами пыли, похожей на дымъ, напомнили Грэму адъ, какъ его изображали въ его время.

Я не буду утомлять читателя перечисленіемъ всего того, что пришлось видѣть Грэму во время его странствованій по рабочимъ „низамъ". Не буду описывать тѣхъ жалкихъ фигуръ, которыя на каждомъ шагу встрѣчались среди бездушныхъ машинъ, монотонно дѣлавшихъ свое дѣло. Наконецъ они выбрались на освѣщенныя улицы. Они остановились, чтобы дать своимъ глазамъ освоиться съ яркимъ свѣтомъ.

Вдругъ до нихъ донесся тревожный гулъ. Черезъ мгновеніе на улицѣ началась паника. Люди бѣжали, размахивая руками и отчаянно крича.

— Что случилось?—спросилъ Грэмъ, плохо понимавшій народное нарѣчіе.

Мимо него пронеслась женщина съ мертвенно-блѣднымъ, искаженнымъ отъ ужаса, лицомъ. За ней бѣжала другая, задыхаясь отъ усилій и волненія.

— Что случилось?

И, какъ бы въ отвѣтъ на это, со всѣхъ сторонъ понеслись дикіе крики:

— Острогъ вызвалъ въ Лондонъ черную полицію! Черная полиція летитъ сюда изъ Африки!.. Черная полиція!

Азано стоялъ съ поблѣднѣвшимъ, недоумѣвающимъ лицомъ.

— Откуда они узнали это?—пробормоталъ онъ.

Раздались новые возгласы, въ которыхъ, на ряду съ ужасомъ, звучали нотки негодованія и угрозы:

— Это дѣло рукъ Острога! Онъ предалъ Господина. Прекращайте всѣ работы! Господина предали! Спасайте Господина! Острогъ—предатель!

Въ первое мгновеніе Грэмъ совершенно растерялся. Но потомъ онъ взялъ себя въ руки. Онъ понялъ, что теперь онъ долженъ былъ дѣйствовать. Если не все, то многое зависѣло теперь отъ него.

— Настало время, — сказалъ онъ.—Надо дѣйствовать. Что мнѣ дѣлать?

— Возвращайтесь въ ратушу

— Но почему же не..? Вѣдь народъ здѣсь.

— Вы только напрасно потеряете время. Народъ не сразу признаетъ васъ. Лучше вернуться въ ратушу. Туда стремится весь народъ. Тамъ соберутся всѣ вожди.

— Но, можетъ-быть, это пустые слухи?

— Нѣтъ, это похоже на правду.

— Надо узнать все.

— Не будемъ терять время. Отправимся въ ратушу! Скорѣе. Иначе мы туда не проберемся. Можетъ-быть, уже и теперь поздно!

Послѣ короткаго колебанія Грэмъ согласился. Они взбѣжали на верхнюю, самую быструю платформу и помчались. Азано заговорилъ съ какимъ-то рабочимъ.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Грэмъ.

— Онъ мало знаетъ, но, по его словамъ, черная полиція явилась бы сюда совершенно неожиданно, если бы о ея прибытіи случайно не узнала какая-то дѣвушка.

— Дѣвушка? Неужели?..

— Да, дѣвушка. Она бросилась къ народу и сообщила ему это извѣстіе.

Грэмъ стоялъ, тяжело дыша отъ волненія. А кругомъ уже неслась буря новыхъ криковъ:

— Всѣ по своимъ мѣстамъ! Всѣ вооружайтесь! По мѣстамъ! Къ оружію!

XXII.

Борьба въ ратушѣ.

Пока Грэмъ и Азано спѣшили къ ратушѣ, толпа непрерывно кричала:

— Къ оружію! По мѣстамъ! Готовьтесь!

Изъ люковъ средней неподвижной части улицъ непрерывнымъ потокомъ появлялись синія фигуры мужчинъ и женщинъ. Въ одномъ мѣстѣ густая толпа осадила арсеналъ, требуя оружія. Въ другой промелькнули нѣсколько желтыхъ мундировъ полицейскихъ, спасавшихся отъ преслѣдованія.

Опасенія Азано оправдались: къ ратушѣ пробраться было уже невозможно. Однако Азано быстро нашелся и направился съ Грэмомъ въ центральный почтамтъ. Здѣсь, по совѣту Азано, Грэмъ назвалъ себя. Вокругъ него засуетились и черезъ нѣсколько мгновеній въ ихъ распоряженіе предоставили посылочную корзину, въ которой они по кабелю быстро примчались въ ратушу, прямо въ комнату, примыкавшую къ бѣлому залу съ фигурой Атласа.

Въ комнатѣ не было никого, кромѣ двухъ слугъ, которые были очень изумлены неожиданнымъ появленіемъ Грэма.

— Гдѣ Елена Уоттонъ?—спросилъ онъ.

Они не знали.

— Въ такомъ случаѣ, гдѣ Острогъ? Мнѣ надо его видѣть. Онъ не выполнилъ моихъ приказаній, и я явился взять власть въ свои руки!

Не обращая вниманія па Азано, онъ подошелъ къ тяжелому занавѣсу, раздвинулъ его и вошелъ въ залъ совѣта. Съ того времени, когда онъ былъ здѣсь послѣдній разъ, кое-что измѣнилось. Какъ разъ около статуи Атласа въ стѣнѣ зіяла брешь, вышиною не менѣе двухсотъ футовъ. Эта брешь, очевидно, пробитая во время борьбы съ совѣтомъ, теперь была затянута такой же прозрачной пленкой, какая окружала Грэма при его пробужденіи. Но сквозь пленку все-таки доносились снаружи крики:

— Къ оружію! По мѣстамъ!

Въ залѣ находилось нѣсколько рабочихъ, занятыхъ исправленіемъ стѣны. Они управляли сложной машиной, аккуратно задѣлывавшей отверстіе какимъ-то мягкимъ матеріаломъ. Рабочіе постоянно выглядывали черезъ пленку на толпу, гудѣвшую за стѣной. Грэмъ на мгновеніе остановился, и его догналъ Азано.

— Острогъ, вѣроятно, въ кабинетѣ совѣта,—сказалъ онъ Грэму, едва владѣя своимъ голосомъ. Его лицо было сѣро, блѣдныя губы тряслись.

Въ это мгновеніе въ одной изъ стѣнъ поднялась полоса и въ отверстіи показался Острогъ, въ сопровожденіи Линкольна и двухъ рослыхъ негровъ, одѣтыхъ въ мундиры съ желтыми и черными полосами. Острогъ съ своей свитой быстро направился къ противоположной стѣнѣ, въ которой тоже открылось отверстіе.

— Острогъ!—громко произнесъ Грэмъ.

При звукѣ его голоса всѣ остановились и быстро обернулись къ нему. Острогъ тихо сказалъ что-то Линкольну и одинъ подошелъ къ Грэму.

Грэмъ заговорилъ первый,—заговорилъ громкимъ, властнымъ голосомъ человѣка, сознающаго свою силу:

— Что это значитъ? Вы вызвали негровъ для борьбы съ народомъ?

— Да,—спокойно отвѣтилъ Острогъ.—Это своего рода предосторожности. Со времени возстанія буйство народа возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Необходимо принять мѣры...

— Вы хотите сказать, что эти проклятые негры уже находятся въ пути?

— Совершенно вѣрно.

— Эти негры не появятся въ Лондонѣ.

— Почему? — загадочно спросилъ Острогъ и черезъ плечо бросилъ взглядъ на Линкольна, который сейчасъ же приблизился съ своими неграми.

— Потому что я этого не хочу. Я—Господинъ, и я вамъ говорю, что эти негры сюда не явятся!

Острогъ нѣсколько мгновеній неподвижно глядѣлъ Грэму въ глаза и затѣмъ твердо сказалъ:

— Нѣтъ, они будутъ здѣсь.

— Я запрещаю!

— Они уже находятся въ пути.

— Я не хочу этого! Я запрещаю!

— Очень жаль,— сказалъ Острогъ, пожимая плечами,— но я не могу васъ послушаться. Но, такъ какъ я теперь знаю, чего можно ждать отъ васъ, то, какъ мнѣ это ни больно, я вынужденъ послѣдовать примѣру совѣта... для вашей же пользы... Вы не должны принимать участіе въ этомъ возстаніи. Очень хорошо, что вы явились сюда.

При этихъ словахъ Линкольнъ положилъ Грэму на плечо свою руку. Только теперь Грэмъ понялъ, какую огромную оплошность онъ сдѣлалъ, явившись въ ратушу. Онъ хотѣлъ отступить назадъ, но его держалъ Азано. Въ то же мгновеніе Линкольнъ другой рукой схватилъ его за плащъ.

Тогда Грэмъ рѣшился дѣйствовать энергично.

Онъ обернулся и ударилъ Линкольна въ лицо, но его тотчасъ схватилъ одинъ изъ негровъ. Онъ рванулся, но подоспѣлъ другой негръ и повалилъ его на полъ. Грэмъ кричалъ, отчаянно боролся. Онъ схватилъ одного изъ негровъ за ногу и повалилъ его, послѣ чего ему удалось вскочить. Передъ нимъ мелькнулъ Линкольнъ, но послѣ ловкаго удара по подбородку отлетѣлъ въ сторону и остался лежать. Грэмъ сдѣлалъ два прыжка въ сторону, поскользнулся и сейчасъ же почувствовалъ на своей шеѣ тяжелыя руки Острога. Подбѣжали негры и крѣпко прижали его къ полу. Грэмъ понялъ безцѣльность сопротивленія и остался лежать неподвижно.

— Вы... мой плѣнникъ!—торжествующе прохрипѣлъ Острогъ.— Хорошо, что вы вернулись.

Грэмъ отвернулся. Его взглядъ упалъ на рабочихъ, исправлявшихъ стѣну. Теперь они возбужденно жестикулировали по направленію къ народу: они все видѣли.

Острогъ взглянулъ по тому же направленію, сильно вздрогнулъ, крикнулъ что-то Линкольну, но тотъ не двигался. Снаружи влетѣла пуля. Она прорвала затягивавшую брешь прозрачную пленку, которая быстро свернулась, сморщилась и черезъ мгновеніе въ открытую брешь свободно ворвался по-

рывъ вѣтра. Вмѣстѣ съ вѣтромъ ворвался хаосъ криковъ, въ которомъ можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Спасите Господина! Что они дѣлаютъ съ Господиномъ? Господина предали!

Грэмъ почувствовалъ, что рука Острога слабѣе охватываетъ его шею. Онъ воспользовался этимъ, рванулся, высвободился, поднялся на колѣни, отбросилъ Острога и схватилъ его за горло.

Въ это мгновеніе черезъ отверстіе въ стѣнѣ вбѣжала толпа людей. Острогъ вырвался, вскочилъ на ноги, а прибѣжавшіе люди набросились на Грэма. Онъ ошибся: они повиновались Острогу. Его схватили десятки рукъ и потащили къ двери. Онъ сталъ сопротивляться, отчаянно закричалъ о помощи, и... услышалъ отвѣтъ.

Въ нижней части бреши за фигурой Атласа появились черныя фигуры людей. Они спрыгивали въ галлерею, шедшую по стѣнѣ зала, и бѣжали къ лѣстницѣ. Въ ихъ рукахъ виднѣлось оружіе. Острогъ криками старался ободрить своихъ людей:

— Они не могутъ спуститься! Лѣстница заперта. Стрѣлять они не посмѣютъ. Мы еще успѣемъ скрыть его отъ нихъ.

Опять началась отчаянная борьба одного противъ многихъ.

Грэму казалось, что эта борьба длится цѣлые часы. Онъ уже потерялъ надежду. Темное отверстіе стѣны приближалось съ каждымъ мгновеніемъ.

Но помощь все-таки явилась во-время. Раздались выстрѣлы. Державшіе его люди отшатнулись въ сторону. Онъ видѣлъ, какъ Острогъ обратился въ бѣгство. Грэмъ обернулся и лицомъ къ лицу столкнулся съ человѣкомъ въ черномъ. Около него грянулъ выстрѣлъ, такъ что дымъ на мгновеніе окуталъ его лицо. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него человѣкъ въ черномъ на его глазахъ закололъ негра въ полосатомъ мундирѣ. Грэма подхватили сильныя руки и понесли къ возвышенію среди зала. Онъ видѣлъ, какъ люди въ синихъ и черныхъ одеждахъ преслѣдовали убѣгавшихъ сторонниковъ Острога.

Когда Грэмъ поднялся на возвышеніе, раздался настоящій ревъ восторга. Вокругъ возвышенія плотнымъ кольцомъ расположилась стража. Огромный залъ былъ полонъ кричащими людьми. Желѣзная галлерея гнулась подъ тяжестью человѣческихъ тѣлъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ человѣкъ въ желтомъ, который всего нѣсколько дней тому назадъ привѣтствовалъ его въ театрѣ. Теперь этотъ человѣкъ распоряжался. Съ не-

вѣроятными усиліями стражѣ удалось расчистить среди толпы проходъ. Человѣкъ въ желтомъ сдѣлалъ жестъ рукой, и они по грубо сложенной узкой лѣстницѣ направились къ бреши. Потомъ Грэма повели по узкому проходу, со всѣхъ сторонъ окруженному рѣшетками, и вдругъ передъ нимъ открылся колоссальный амфитеатръ площади, образовавшейся на мѣстѣ зданій, разрушенныхъ при осадѣ ратуши. Все это огромное пространство было сплошь залито народными массами. Могучей волной пронесся по этому морю головъ крикъ:

— Господинъ съ нами! Господинъ! Господинъ!

Эта волна бурно пронеслась до далекихъ каменныхъ стѣнъ, разбилась о нихъ, и, какъ настоящая морская волна, пѣной прибоя вернулась обратно.

— Господинъ на нашей сторонѣ!

Грэмъ стоялъ одинъ, на маленькой площадкѣ изъ бѣлаго металла.

Всюду, куда только могъ проникнуть взоръ, толпились люди. Нѣкоторые изъ нихъ взобрались на верхніе уступы бреши надъ его головой и развернули тамъ широкія складки громаднаго чернаго знамени.

— Куда скрылся Острогъ?—громко спросилъ Грэмъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на это взоры всѣхъ обратились наверхъ, къ гребнямъ стѣнъ ратуши. Грэмъ взглянулъ туда же.

Сначала онъ не видѣлъ ничего, кромѣ темнаго гребня стѣны, но затѣмъ онъ съ содроганіемъ различилъ внутренность комнаты, служившей ему тюрьмой при совѣтѣ. Во время взрывовъ наружная стѣна этой комнаты была разрушена, и вотъ въ этой комнатѣ появилась бѣлая фигура, въ сопровожденіи двухъ другихъ фигуръ, одѣтыхъ въ черно-желтые мундиры. Около Грэма раздался возгласъ:

— Острогъ!

За этимъ послѣдовали крики испуга и нѣсколько пальцевъ указали наверхъ. Грэмъ взглянулъ туда и вдали, высоко въ лазури неба, замѣтилъ аэропилъ, который, описывая круги, приближался къ ратушѣ. Острогъ махалъ руками, въ то время, какъ его спутники продѣлывали брешь въ одной изъ уцѣлѣвшихъ стѣнъ комнаты.

— Что они дѣлаютъ?—воскликнулъ человѣкъ въ желтомъ.

— Какъ они могли выпустить Острога? Теперь онъ скроется. Его приметъ аэропилъ.

Онъ сказалъ еще что-то, но его слова потонули въ раздавшихся внизу крикахъ и въ трескѣ выстрѣловъ. Онъ взглянулъ по направленію, откуда неслись эти звуки, и увидѣлъ, какъ по галлереѣ, повисшей въ воздухѣ около стѣны ратуши, бѣжали

люди въ полосатыхъ мундирахъ. Они на бѣгу оборачивались и стрѣляли. Вслѣдъ за ними неслись люди, одѣтые въ синее платье. Они тоже стрѣляли. Издали эти люди казались игрушечными солдатиками. Но вотъ полосатые мундиры добѣжали до большой арки, остановились и дали правильный залпъ въ своихъ преслѣдователей. Одна изъ синихъ фигуръ широко взмахнула руками, на мгновеніе какъ бы повисла въ воздухѣ и затѣмъ стремительно полетѣла въ бездну.

Отъ послѣдняго момента борьбы на галлереѣ вниманіе Грэма отвлекла тѣнь, упавшая на его площадку. Онъ взглянулъ наверхъ.

Надъ гребнемъ стѣны двигался винтъ аэропила. Острога въ зеленой комнатѣ больше не было.

— Стрѣляйте!—крикнулъ человѣкъ въ желтомъ,—стрѣляйте, не дайте имъ бѣжать!

Черезъ мгновенье вся площадь окуталась сизой дымкой и раздался сухой трескъ безчисленныхъ выстрѣловъ. Вдругъ аэропилъ выдвинулся изъ-за стѣны ратуши, почти перекувырнулся и сталъ падать. Во время своего паденія онъ настолько приблизился къ площадкѣ, на которой стоялъ Грэмъ, что послѣдній ясно различилъ Острога, судорожно вцѣпившагося въ рычаги. Въ то же время онъ увидѣлъ, какъ инженеръ отчаяннымъ движеніемъ переставилъ двигательные рычаги на крайнюю скорость.

Это мгновеніе Грэму показалось вѣчностью. Затѣмъ аэропилъ вздрогнулъ, выпрямился и плавно понесся кверху. Только теперь опомнились люди съ остановившимся дыханіемъ слѣдившіе за его паденіемъ. Снова затрещали выстрѣлы, но уже было поздно. Аэропилъ дѣлался все меньше и меньше.

Острогу удалось спастись.

Черезъ нѣкоторое время вниманіе всѣхъ людей снова было обращено на Грэма. Сначала робко, но затѣмъ все увѣреннѣе, разливаясь въ ширь, понеслись звуки параднаго марша: разъ-два, разъ-два, разъ-два.

Медленно сползалъ туманъ, закрывавшій до сихъ поръ сознаніе Грэма. Съ неумолимой ясностью онъ начиналъ понимать все значеніе происшедшей перемѣны.

Комедія кончилась, начиналась жизнь. Теперь ему предстояло быть настоящимъ Господиномъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ ждутъ отъ него дѣйствій, и онъ рѣшилъ дѣйствовать, хотя еще не понималъ, что именно надо сдѣлать. Пока ему ясно было только одно: въ Острогѣ для него выросъ грозный противникъ, котораго надо побѣдить во что бы то ни стало.

XXIII.

Въ ожиданіи аэроплановъ.

Въ первыя мгновенія Грэмъ растерялся. Аэропланы, борьба... возстаніе... Собравшись съ мыслями, онъ понялъ, что ему прежде всего слѣдуетъ обратиться къ населенію съ манифестомъ. Человѣкъ въ желтомъ проводилъ его въ небольшую комнату, въ которой ему предстояло сказать свое обращеніе къ народу.

Въ серединѣ комнаты находился овалъ, ярко освѣщенный скрытыми электрическими лампами. Вся остальная часть комнаты тонула въ полумракѣ. Тяжелыя двери глухо захлопнулись, и наступившая тишина казалась жуткой послѣ царившей за этими стѣнами громкой суеты. Около стѣнъ безшумно двигались люди, проводившіе его сюда; они казались безплотными, едва уловимыми тѣнями.

Гигантскія уши фонографическихъ камеръ ждали начала рѣчи Грэма. Онъ ступилъ на освѣщенный овалъ и его силуэтъ рѣзко отразился на бѣлой гладкой поверхности.

Грэмъ медлилъ. Въ общихъ чертахъ онъ чувствовалъ, что именно надо сказать, но отвѣтственность момента невольно пугала его.

Пока онъ медлилъ, пришло извѣстіе, что аэропланы съ неграми должны прибыть черезъ нѣсколько часовъ въ сумерки.

— Черезъ нѣсколько часовъ!? А что народъ?

— Народъ вооруженъ и готовъ оказать сопротивленіе до послѣдней капли крови.

Народъ готовъ! Теперь все дѣло за нимъ, властителемъ этого народа. Но онъ все еще медлилъ...

Въ это время отворилась дверь и въ ея рамѣ появилась стройная фигура Елены Уоттонъ. За ней неслись восторженные крики. Человѣкъ въ желтомъ приблизился къ освѣщенному центру комнаты, почтительно поклонился и сказалъ:

— Вотъ дѣвушка, которая открыла намъ глаза на предательство Острога.

Ея лицо пылало. Тяжелыя пряди волосъ опускались на плечи. Мягкія складки сѣраго шелка облекали ея фигуру красивыми каскадами. Она быстро вошла въ комнату и радостно воскликнула:

— Вы съ нами? Я это знала! Я знала, что вы будете на нашей сторонѣ! Да, я сорвала маску съ Острога, и народъ поднялся. Народъ пробудился. И я благодарю Бога за то, что мой поступокъ поднялъ народъ. Вы, Господинъ, съ нами!

— Вы сказали народу, что Острогъ вызвалъ черную полицію...— медленно произнесъ Грэмъ.

— Да. Я случайно была здѣсь, когда Острогъ отдавалъ приказъ. Онъ вызвалъ негровъ сюда, чтобы подавить послѣднее движеніе народа, чтобы стеречь васъ, чтобы держать васъ у себя въ плѣну. Тогда я пошла къ народу и сказала ему все.

— И это сдѣлали вы, племянница Острога!?

— Да, сдѣлала для васъ! Чтобы васъ, кого такъ долго ждалъ народъ, не обманули, не предали.

Нѣкоторое время Грэмъ стоялъ неподвижно. У него въ голосѣ все путалось. Но затѣмъ онъ вспомнилъ о надвигающейся опасности, о черныхъ полкахъ, несущихся на аэропланахъ, и понялъ, что дорога каждая минута. Онъ обратился къ черной пасти, зіявшей передъ нимъ въ стѣнѣ. Черезъ эту пасть его слова должны долетѣть до слуха многихъ милліоновъ людей. И онъ мысленно видѣлъ эти милліоны, когда началъ свою рѣчь.

— Мужчины и женщины новаго времени,—медленно заговорилъ онъ.—Вы поднялись, чтобы защитить свои права. Не легка будетъ наша побѣда...

Онъ остановился, подыскивая слова, которыя могли бы возможно яснѣе выразить его мысль. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Эта ночь, то сраженіе, которое предстоитъ намъ сегодня,— только начало борьбы. Возможно, что вамъ придется бороться всю свою жизнь. Боритесь! Боритесь даже въ томъ случаѣ, если я буду побѣжденъ, если я буду совершенно уничтоженъ. Я пришелъ къ вамъ изъ прошлаго, съ воспоминаніемъ о времени, когда люди умѣли надѣяться. Мое время было временемъ мечтаній, временемъ благородныхъ надеждъ. Во всемъ мірѣ мы уничтожили рабство, во всемъ мірѣ люди жили надеждой, что прекратится война, что всюду воцарится миръ и свобода. И вотъ теперь, черезъ двѣсти лѣтъ, война не только не уничтожилась, но стала еще грознѣе и безпощаднѣе. Надежды и мечты не только не осуществились, но умерли, исчезли совершенно...

Чѣмъ дольше Грэмъ говорилъ, тѣмъ краснорѣчивѣе онъ дѣлался. Онъ говорилъ долго, говорилъ о томъ, что надеждамъ суждено опять воскреснуть, говорилъ о красотѣ и величіи самопожертвованія, о вѣрѣ въ лучшее будущее... и, наконецъ, закончилъ словами:

— А теперь я громко объявляю свое завѣщаніе. Все, что принадлежитъ мнѣ въ этомъ мірѣ, я отдаю народу! Я отдаю это вамъ, какъ отдаю вамъ самого себя. Если Господь захочетъ, я буду жить для васъ, если нѣтъ—я умру за васъ!—Онъ сдѣлалъ широкій жестъ и отвернулся. Его взоръ встрѣтился съ восторженнымъ взоромъ Елены.

— Я знала это...—шептала она.—Я ждала этого...—Онъ молча пожалъ ей руку. Около него выросла фигура человѣка въ желтомъ, который возбужденно сообщилъ, что народные полки занимаютъ юго-западный кварталъ города.

— Я не думалъ, что это удается имъ сдѣлать такъ скоро. Они выказали чудеса быстроты и сообразительности. Вамъ слѣдовало бы поощрить ихъ нѣсколькими словами.

— Да,—задумчиво сказалъ Грэмъ.—Охотно. Скажите имъ отъ меня: Браво, юго-западъ.

Онъ снова взглянулъ на Елену. На ея лицѣ онъ прочелъ смѣшанное чувство недоумѣнія и ожиданія.

Чего она ждетъ отъ него?

Въ слѣдующее мгновеніе онъ рѣшилъ, что она хочетъ видѣть его во главѣ сражающагося народа. Онъ обратился къ человѣку въ желтомъ и сказалъ ему, что онъ хочетъ самъ вести народъ въ бой. Но человѣкъ въ желтомъ рѣшительно воспротивился.

— Это возможно,—заявилъ онъ.—Вы погубите все дѣло. Ваше мѣсто здѣсь. Мы должны знать, гдѣ вы находитесь. Каждый моментъ можетъ встрѣтиться осложненіе, изъ котораго насъ можетъ выручить только ваше присутствіе.

Человѣкъ въ желтомъ проводилъ его въ роскошно обставленную небольшую комнату, снабженную различными приборами для быстраго полученія свѣдѣній. Елена послѣдовала за нимъ.

Когда Грэмъ успокоился настолько, что могъ сознательно отнестись къ окружающему, онъ понялъ, что человѣкъ въ желтомъ былъ правъ. При своемъ незнаніи города и условій современной войны онъ, дѣйствительно, могъ только мѣшать.

А между тѣмъ борьба уже началась. Гдѣ-то, въ лабиринтахъ переходовъ и галлерей, люди боролись грудь съ грудью. Текли потоки крови. Съ возвышенныхъ точекъ внизъ сыпались дожди пуль. Но все это было только слабымъ началомъ, прологомъ къ драмѣ, которая должна была разыграться по прибытіи аэроплановъ.

Черезъ каждые полчаса получались свѣдѣнія о движеніи этихъ аэроплановъ. Сначала изъ Африки, потомъ изъ разныхъ портовъ Средиземнаго моря и, наконецъ, съ юга Франціи. Рѣшительная минута приближалась.

Грэмъ зналъ, что къ первому возстанію Острогъ приготовилъ пушки. Однако, несмотря на всѣ справки, эти орудія не находились. А они были бы такъ полезны въ борьбѣ съ тяжелыми аэропланами. Судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, прино-

сившимся въ комнату по электрическимъ кабелямъ, борьба сосредоточилась вокругъ летательныхъ платформъ. Тысячи рабочихъ стремились туда и, какъ ручьи, исчезали въ колыхавшемся тамъ огромномъ морѣ. Несмотря на то, что микрофоны машинъ непрерывно сообщали разныя свѣдѣнія, Грэмъ чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ совершавшейся недалеко отъ него великой борьбы народа.

Елена старалась успокоить его. Она говорила съ нимъ о близкой побѣдѣ, разсказывала о времени, предшествовавшемъ его пробужденію, описывала тотъ стихійный взрывъ восторга, который вызвало это пробужденіе, и были моменты, когда мягкіе звуки ея голоса дѣйствительно успокаивали его

Но вотъ получилось извѣстіе, что чудовищный флотъ аэроплановъ несется уже надъ Авиньономъ. Онъ подошелъ къ экрану въ углу комнаты и убѣдился въ томъ, что это правда... онъ быстро сообразилъ, что до прибытія аэроплановъ въ Лондонъ остается очень немного времени. Очевидно, борьбу приходилось считать наполовину проигранной; летательныя платформы оставались въ рукахъ сторонниковъ Острога... Прибытіе аэроплановъ съ черными полками должно было вызвать безумную панику и лишить народъ возможности серьезно сопротивляться. На каждомъ аэропланѣ неслось тысяча полудикихъ негровъ, которые были способны на все.

— Насъ побѣждаютъ,—сказалъ онъ, нахмурившись.—Мы не двигаемся впередъ ни на одинъ шагъ, а между тѣмъ аэропланы приближаются. Если мы не возьмемъ летательныя платформы въ теченіе ближайшаго часа, то произойдутъ ужасныя событія. Мы погибнемъ.

— Нѣтъ!—твердо сказала Елена.—Мы побѣдимъ. На нашей сторонѣ народъ. За насъ—Богъ и правда.

— Да. Но на сторонѣ Острога желѣзная дисциплина и строго обдуманные военные планы. Знаете... когда я услышалъ о томъ, что приближаются аэропланы, я почувствовалъ себя совершенно безсильнымъ. Вѣдь это—борьба слабыхъ людей съ всесильными машинами. Вѣдь это—борьба людей съ грѣхами предковъ.

— Я васъ не понимаю—сказала она.

— А между тѣмъ это такъ просто. Вѣдь эти негры-дикари подчиняющіеся силѣ и представляющіе собою силу въ рукахъ той же силы. Много сотъ лѣтъ они были рабами, да и остались рабами, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ бѣлыхъ. Теперь часть бѣлыхъ искупляетъ грѣхи своихъ бѣлыхъ предковъ, испытываетъ на себѣ весь ужасъ той слѣпой силы, которую такіе же бѣлые люди создали своей системой угнетенія.

Елена хотѣла что-то сказать, но ее прервалъ шумъ шаговъ. Вошелъ человѣкъ въ желтомъ и взволнованно сообщилъ, что аэропланы уже миновали Виши.

— Мы еще можемъ побѣдить,—замѣтилъ человѣкъ въ желтомъ,—если намъ удастся найти пушки, приготовленныя Острогомъ для возстанія. Отъ этого теперь зависитъ все... Надо употребить всѣ усилія...

Онъ ушелъ.

— Проклятый вѣкъ!—воскликнулъ Грэмъ, нервно ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.—Ничего нѣтъ ужаснѣе сознанія своего безсилія... Кажется... одинъ удачный ударъ, и всѣ событія примутъ другую окраску... Впрочемъ, конецъ можно предвидѣть уже теперь. Народъ гибнетъ десятками тысячъ. До сихъ поръ летательныя платформы находятся въ рукахъ Острога, а проклятые аэропланы приближаются. Единственное, что насъ могло бы сейчасъ спасти, это пушки. Но ихъ потеряли. Понимаете: потеряли! Это какое-то бузуміе. И я безсиленъ... я ничего не сдѣлалъ для своего народа и ничего не могу сдѣлать для него.

— О, нѣтъ,—воскликнула Елена,—вы сдѣлали для него очень много! Своею рѣчью вы дали богатую пищу огню народнаго движенія, и этотъ огонь теперь не погаснетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не разрушитъ всѣ препятствія.

— Можетъ-быть,—уныло сказалъ Грэмъ.—Но я, я, котораго будто въ насмѣшку зовутъ „Господиномъ", я не увижу даже тѣни своего господства. Я, господинъ, хозяинъ полуміра, побѣжденъ какимъ-то Острогомъ, котораго народъ ненавидитъ...

Въ это мгновеніе съ шумомъ распахнулась дверь. Послышались возгласы:

— Побѣда! Побѣда!

Вбѣжалъ человѣкъ въ желтомъ. Задыхаясь отъ волненія, онъ еще съ порога кричалъ:

— Мы побѣдили! Народъ побѣждаетъ! Войска Острога отступаютъ по всей линіи! Мы выгнали ихъ изъ нижнихъ галлерей. Мы штурмомъ взяли Регэмптонъ. Мы взяли аэропилъ.

Въ другую дверь вбѣжалъ старикъ съ отчаяннымъ воплемъ:

— Все кончено! Аэропланы пролетѣли надъ Булонью. Черезъ полчаса они будутъ здѣсь

— Три летательныя платформы еще остались въ рукахъ Острога.

— Если бы у насъ были пушки!—воскликнулъ Грэмъ.

— Мы не установимъ ихъ въ полчаса.

— Вы нашли пушки?—спросилъ Грэмъ.

— Да. Но слишкомъ поздно. Мы не успѣемъ втащить ихъ на крыши.

— Сколько времени понадобится для этого?

— Около часа.

— Около часа?

Въ мозгу Грэма молніей сверкнула смѣлая мысль. Онъ старался говорить спокойно, но смертельная блѣдность лица выдавала его волненіе

— Вы сказали, что народъ взялъ одинъ аэропилъ?

— Совершенно вѣрно.

— Онъ разбитъ? Испорченъ?

— Нѣтъ. Но у насъ нѣтъ аэронавтовъ.

— Что?—переспросилъ Грэмъ.—У насъ нѣтъ аэронавтовъ?

— Нѣтъ.

— Въ сравненіи съ аэропилами аэропланы неповоротливы,—вслухъ соображалъ Грэмъ.—Я долженъ сдѣлать попытку. Вы говорите, что у насъ нѣтъ аэронавтовъ? Но я самъ—аэронавтъ. Распорядитесь, чтобы аэропилъ поставили на рельсы.

— Что вы хотите дѣлать?—взволнованно спросила Елена.

— Я хочу сражаться. Въ воздухѣ. Аэропланы слишкомъ неповоротливы. Рѣшительный человѣкъ на подвижномъ аэропилѣ можетъ сдѣлать многое. Я вамъ приказываю приготовить аэропилъ.

Елена сдѣлала шагъ по направленію къ Грэму и тихо сказала:

— Вы правы. Надо сдѣлать послѣднюю попытку.

Человѣкъ въ желтомъ, видимо очень взволнованный, повернулся къ двери. Но Грэмъ, бросивъ быстрый взглядъ на блѣдное лицо Елены, опередилъ его...

XXIV.

Прибытіе аэроплановъ.

Двѣ синія фигуры лежали на краю летательной платформы Регэмптона и внимательно слѣдили за сосѣдними платформами, надѣясь послать мѣткую пулю въ зазѣвавшагося врага. Среди платформы безпомощно лежалъ аэропилъ. Вдругъ съ нижней площадки вырвалась шумная толпа такихъ же синихъ фигуръ и бросилась къ аэропилу.

— Что имъ нужно?—удивленно спросилъ одинъ изъ лежавшихъ,—вѣдь все равно, у насъ нѣтъ аэронавтовъ

Но вновь прибывшіе сосредоточенно копошились около летательной машины. Они перебрасывались оживленными замѣчаніями, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что Господинъ

умѣетъ управлять аэропилами и самъ хочетъ летѣть навстрѣчу чернымъ полкамъ.

Вдали послышались громовые раскаты народныхъ кликовъ. Сначала едва слышно, но затѣмъ все ближе и ближе выростала волна революціоннаго гимна.

— Господинъ идетъ! Спящій идетъ! Господинъ идетъ!—ревѣли отдѣльные голоса.

Окруженный черными фигурами стражи, на платформѣ появился Грэмъ. Закутанный въ длинный черный плащъ, онъ двигался впередъ съ видомъ человѣка, поднявшагося высоко надъ всей повседневной жизнью. На блѣдномъ лицѣ чернѣли глаза, взоръ которыхъ былъ устремленъ въ таинственную бездну грядущаго. Грэмъ подошелъ къ аэропилу, и, поддерживаемый услужливыми руками, взобрался на инженерное кресло аэропила. Затѣмъ онъ пристально, внимательно осмотрѣлъ всѣ знакомые рычаги, взглянулъ на ватерпасъ, воздушный пузырекъ котораго склонялся въ сторону, повернулъ колесо, заставилъ моторъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ, пока ватерпасъ не сталъ горизонтально.

Наконецъ Грэмъ опустился на свое мѣсто, тронулъ одинъ рычагъ... другой... винтъ завертѣлся, и колеса машины понеслись по рельсамъ. Оборотъ колеса... застучалъ главный моторъ... носъ машины поднялся кверху... Восторженные клики народа ринулись волной, но сейчасъ же отхлынули назадъ и провалились въ какую-то бездну. Аэропилъ взвился на воздухъ.

Прошло нѣсколько мгновеній, и Грэмъ успокоился настолько, что могъ хладнокровно относиться къ окружающему. Прежде всего онъ внимательно оглянулся вокругъ. Одинъ изъ аэропиловъ Острога несся ему наперерѣзъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Грэмъ уже могъ ясно различить сидѣвшихъ въ аэропилѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ наводилъ на него оружіе. Грэмъ быстро повернулъ руль такимъ образомъ, что крылья машины скрыли его отъ прицѣла. Враждебный аэропилъ тоже сдѣлалъ маневръ, очевидно, желая пронестись надъ нимъ. Тогда Грэмъ отчаяннымъ движеніемъ повернулъ острый носъ своей машины прямо кверху.

Разъ, два, три, Грэмъ невольно сжалъ зубы. Трррахъ! Произошло столкновеніе. Носъ машины Грэма врѣзался въ крыло враждебнаго аэропила.

Грэмъ быстро далъ обратный ходъ. Мимо него медленно промелькнула опускавшаяся къ землѣ темная масса.

Грэмъ съ трудомъ удержался на своемъ креслѣ. Онъ судорожно выпустилъ роковой рычагъ, быстро повернулъ колесо горизонтальнаго хода... аэропилъ вздрогнулъ, бросился впе-

редъ, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ по воздуху, но затѣмъ принялъ горизонтальное положеніе и снова понесся впередъ. Только послѣ этого Грэмъ рѣшился взглянуть внизъ. Какъ разъ въ это мгновеніе безпомощная масса враждебнаго аэропила скрылась между двумя восточными платформами.

Грэмъ испустилъ радостный крикъ.

Гдѣ же другой аэропилъ? Онъ боязливо взглянулъ наверхъ, опасаясь нападенія оттуда, но надъ нимъ разстилалось чистое небо. Онъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, какъ аэропилъ опускался къ Норвудской платформѣ. Очевидно, примѣръ погибшаго аэропила устрашилъ аэронавтовъ. Затѣмъ онъ поднялся на такую высоту, что Лондонъ казался небольшой географической картой. Отсюда онъ сталъ осматриваться.

И вотъ... на южномъ небосклонѣ показались двѣ слабосвѣтящіяся точки. За ними показались еще двѣ, потомъ еще и еще. Онъ насчиталъ ихъ двадцать четыре. Это былъ авангардъ флота аэроплановъ. За авангардомъ неслось цѣлое море огней главнаго флота.

Авангардъ летѣлъ въ строѣ трехугольника. Грэмъ быстро разсчиталъ скорость движенія аэроплановъ, повернулъ колесо передняго хода, и затѣмъ передвинулъ рычагъ главнаго мотора. Аэропилъ началъ опускаться все быстрѣе и быстрѣе. Грэмъ цѣлился въ головной воздушный корабль. Теперь аэропилъ несся внизъ со скоростью падающаго камня

Аэропланы спокойно летѣли впередъ. На нихъ никто не подозрѣвалъ возможности нападенія сверху.

Въ послѣдній моментъ Грэмъ, однако, измѣнилъ свое намѣреніе, онъ скользнулъ въ сторону и всей силой паденія обрушился на боковое крыло аэроплана. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ, какъ эта гигантская машина захватила его въ своемъ движеніи, затѣмъ аэропилъ скользнулъ въ сторону, качнулся и понесся свободно по воздуху. Раздался отчаянный крикъ тысячи людей. Возстановивъ равновѣсіе аэропила, Грэмъ оглянулся назадъ. Передъ его взоромъ мелькнулъ хаосъ рукъ и ногъ, цѣплявшихся за металлическіе переплеты аэроплана. Сверкнулъ рядъ огней. Метнулась въ сторону огромная масса второго аэроплана, едва не столкнувшагося съ первымъ... Первый аэропланъ, безсильно взмахивая заднимъ винтомъ и уцѣлѣвшимъ крыломъ, бокомъ несся къ землѣ. Вотъ онъ упалъ на гигантскіе вѣтряные двигатели города, раздавилъ ихъ своей массой... Грохотъ... предсмертные вопли... потомъ къ темнѣющему небу взвился длинный языкъ пламени.

Грэмъ едва успѣлъ рѣзко перемѣнить направленіе своего утлаго аэропила, какъ ему пришлось уклоняться отъ нападе-

нія цѣлыхъ трехъ аэроплановъ. Онъ бросился въ сторону, но едва не налетѣлъ еще на такое же чудовище. Справа, слѣва, спереди и сзади, сверху и снизу, всюду мелькали темныя массы, но чувствовалось, что онѣ боятся проворной маленькой машины, которая уже успѣла погубить одного изъ своихъ могучихъ соперниковъ. Грэмъ понялъ, что онъ можетъ спастись только, поднявшись далеко вверхъ. Онъ быстро повернулъ рычагъ нижняго винта и сталъ подниматься. Въ это время раздался трескъ столкновенія: одинъ аэропланъ налетѣлъ на другой, оба опрокинулись и скоро грохотъ паденія и языки пламени возвѣстили о гибели обоихъ. Грэмъ намѣтилъ себѣ еще одну жертву, стрѣлой опустился на нее... люди, обезумѣвшіе отъ ужаса, бросились въ сторону... равновѣсіе аэроплана нарушилось, онъ перевернулся и безпомощной массой понесся внизъ раньше, чѣмъ Грэмъ успѣлъ нанести ему свой смертельный ударъ. Нѣсколько пуль жалобно простонало около Грэма. Онъ снова взвился вверхъ, на значительную высоту.

Грэмъ почувствовалъ возбужденіе охотника. Онъ намѣтилъ себѣ третью цѣль, налетѣлъ на нее. Аэропланъ хотѣлъ увернуться въ сторону, но разбился о зубцы высокой стѣны. Надъ городомъ шипѣли и рвались сигнальныя ракеты сторонниковъ Острога. Въ разныхъ мѣстахъ горѣли остатки погибшихъ аэроплановъ, а уцѣлѣвшія воздушныя чудовища въ дикой паникѣ спасались отъ своего маленькаго врага. Они безпомощно носились по воздуху, не рѣшаясь приблизиться къ платформамъ, безъ помощи которыхъ люди не могли сойти на землю. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ аэропланы обратились въ бѣгство. Они бѣжали. Они уменьшались, удалялись и, наконецъ, исчезли вдали.

Грэмъ летѣлъ надъ платформой Регэмптона. Тысячеголовая толпа привѣтствовала его восторженнымъ ревомъ. Сосѣдняя платформа, съ которой еще недавно неслись враждебные выстрѣлы, тоже была полна ликующимъ народомъ. Далѣе вырисовывалась платформа Шуутеръ-Гилль, къ которой присталъ одинъ аэропланъ. По платформѣ бѣжали высадившіеся негры. Платформа Блэкхидъ была пуста, но на ея рельсахъ стоялъ аэропилъ.

Очевидно, большая часть платформъ уже была въ рукахъ побѣдоноснаго народа.

— Народъ побѣдилъ! — громко крикнулъ Грэмъ въ пространство.—Они побѣдили!

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ возгласъ внизу раздался грохотъ пушечнаго выстрѣла. Въ то же мгновеніе аэропилъ на

платформѣ Блэкхидъ двинулся вдоль рельсъ, поднялся на воздухъ и полетѣлъ къ югу.

Въ мозгу Грэма молніей промелькнула мысль, что на этомъ аэропилѣ спасается бѣгствомъ Острогъ. Лихорадочнымъ движеніемъ онъ повернулъ свои рычаги и бросился наперерѣзъ улетавшему аэропилу. Но тотъ во-время замѣтилъ его приближеніе и почти вертикально поднялся кверху.

Грэмъ терялъ голову отъ бѣшенства. Онъ рѣзко повернулъ свою машину и тоже понесся наверхъ. Машина Острога кружилась передъ нимъ спирально. На сторонѣ Грэма было то преимущество, что его аэропилъ былъ нагруженъ тяжестью только одного человѣка. Онъ почти догналъ врага, прицѣлился и бросился на него, но тотъ ловко увернулся. Мимо него мелькнуло холодное лицо аэронавта. Острогъ сидѣлъ, неподвижно глядя къ югу. Грэмъ съ бѣшеной скоростью поднялся наверхъ, чтобы съ высоты снова напасть на Острога.

Въ это время какъ разъ подъ нимъ раздался какой-то глухой грохотъ. Онъ взглянулъ внизъ и увидѣлъ, какъ платформа Шуутеръ-Гилль медленно поднялась кверху вмѣстѣ съ неграми и аэропланомъ. Поднялась, разсыпалась на тысячи кусковъ и выпустила гигантскій клубъ дыма. Вслѣдъ за тѣмъ такъ же поднялась кверху и платформа Норвудъ. Народъ взрывалъ ненавистныя платформы!

Волна воздуха, стихійно сотрясеннаго взрывами, могучей воронкой взлетѣла вверхъ. Аэропилъ Грэма роковымъ образомъ оказался на пути этой воронки. Машина закачалась, завертѣлась... Одинъ моментъ она какъ будто колебалась, броситься ли ей въ сторону или нестись внизъ... Новый взрывъ окончательно рѣшилъ ея участь.

Грэмъ, судорожно ухватившійся за металлическій переплетъ рамы, почувствовалъ, что воздухъ съ неимовѣрной скоростью, съ пронзительнымъ свистомъ несется мимо его ушей... снизу: вверхъ! Сначала онъ не понялъ причины этого явленія, но затѣмъ въ его мозгу мелькнуло сознаніе, что это — смерть. Что онъ падаетъ. Молніей сверкнула трагическая мысль: Лондонъ спасенъ цѣною его жизни!

Что такое? Сонъ?

Его мысли неслись все быстрѣе. Сонъ? Сейчасъ онъ проснется и увидитъ Елену... Онъ долженъ проснуться... долженъ ее увидѣть...

Онъ не рѣшился взглянуть внизъ, но чувствовалъ, что земля уже близко... сейчасъ...

КОНЕЦЪ.